

к 100-летию
Октября

ВЕРШИНА ВЕЛИКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Коллектив авторов

**Вершина Великой революции.
К 100-летию Октября**

«Алисторус»

2017

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)

Коллектив авторов

Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Коллектив авторов — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906947-50-5

Книга раскрывает историческую диалектику Великой российской революции XX века, вершиной которой стал Красный Октябрь 1917 года. В статьях и материалах книги не только воссоздается панорамная картина самих революционных событий начала XX века, но и дается оригинальное понимание постреволюционной советской истории, принципиально отличное от господствующих сегодня либеральных и консервативных трактовок. Авторы книги – известные отечественные и зарубежные ученые, во многом разделяющие взгляды современного критического марксизма, – утверждают: новый мир, рожденный Октябрем, дал человечеству эпохальные завоевания, но был обременен трагическими противоречиями, уроки которых необходимо извлечь и в XXI веке. Особенность книги – знаковые статьи и отдельные отрывки из работ известных современников революции: Г. Плеханова, В. Ленина, Ю. Мартова, Л. Троцкого, А. Грамши, Р. Люксембург, Н. Бухарина, М. Рютина и др.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-906947-50-5

© Коллектив авторов, 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	6
Введение	13
I. У истоков великого перелома	33
Б. Славин	34
Г. Водолазов	46
А. Колганов	56
С. Дзарасов	62
Г. Водолазов	68
Конец ознакомительного фрагмента.	94

**Вершина Великой революции.
К 100-летию Октября
(под редакцией Бориса Славина
и Алесандра Бузгалина)**

Библиотека журнала «Альтернативы»

© Коллектив авторов, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Предисловие

О чем эта книга

Читатель, у тебя в руках книга, посвященная 100-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Ее авторы – известные современные общественеды: историки, философы, экономисты, политологи, как правило, разделяющие взгляды современного критического марксизма. А это означает, что они оппонируют в данной книге не только разным представителям современной буржуазной науки, но и сторонникам так называемого догматического марксизма, господствовавшего долгое время в советском обществе. В эту книгу также включены статьи и фрагменты из работ выдающихся творцов Октября, известных современников революции и мыслителей постреволюционного советского времени.

Желающие прочитать эту книгу смогут познакомиться в ней с теорией революции, политическими взглядами предшественников Российской революции и социализма – Герцена и Чернышевского. Они смогут также прикоснуться к творчеству великих основателей научного социализма Марксу и Энгельсу, понять их мировоззрение и взгляды на такой уникальный исторический феномен, как «русская община». В частности, они получат их однозначный ответ на вопрос: был ли у нее исторический шанс дожить до общества реального социализма?

Во многом разделяя ленинское видение социалистического характера Октябрьской революции, авторы книги уделили должное внимание выяснению ее идейных предпосылок и своеобразия социальных движущих сил. В этом смысле они стремились обосновать и показать сложную диалектику перерастания Февральской буржуазно-демократической революции в Октябрьскую социалистическую революцию, ставшую вершиной или апофеозом единой Великой российской революции, включившей в себя фактически три социальные революции первых десятилетий XX века. Авторы книги считали своим долгом обязательно познакомить читателя со взглядами на эту революцию таких выдающихся мыслителей и политических деятелей, как Плеханов, Ленин, Троцкий, Люксембург, Мартов, Грамши и др.

Статьи и материалы книги призваны воссоздать противоречивую картину не только революционных событий, но и постреволюционных десятилетий советской истории. Мы стремились преодолеть характерные крайности её современных трактовок, представленных сторонниками либеральных, консервативных и сталинистских взглядов, которые, будучи формальными антиподами, сходятся в том, что социализм и сталинизм по сути одно и то же. Только либералы такой «социализм» низвергают, а ортодоксы – возвеличивают.

Отсюда пристальное внимание авторов к освещению борьбы Ленина со Сталиным за научное понимание становления демократической модели социализма и связанной с ней критикой бюрократизма, приведшего к зарождению и становлению диктатуры бюрократии в СССР. В этой связи в книге воспроизводятся малоизвестные тексты лидеров левой и правой оппозиций, работы таких полузабытых, но ярких политических представителей большевизма, как Мартемьян Рютин и Федор Раскольников.

В то же время авторы книги убеждены, что сталинский тоталитаризм, как бы ни хотели этого некоторые историки и идеологи, не может заслонить и тем более подменить собою всю сложную и противоречивую советскую историю. Он лишь часть этой истории, притом такая ее часть, с которой постоянно вели борьбу преданные идее социализма советские люди, где бы они ни находились: на воле или в ГУЛАГе, в стране или за границей. История в их лице, конечно, одержала моральную победу над сталинизмом.

Бюрократическая модель власти была антиподом социализма, но для того, чтобы закрепиться в советской действительности, она была вынуждена приватизировать, а иногда и защищать явно противоречащие ей ленинские идеи и те завоевания Октября, которые на деле

были первыми живыми ростками социализма и коммунизма. Эти «ростки» проявлялись в ходе Гражданской войны, присутствовали как уклад в экономике, воплощались в массовом социальном и культурном творчестве 1920-х годов, зарождались в коммунистических субботниках и на комсомольских стройках 1930-х, 1950-х и 1960-х гг., реализовались в победоносной войне с фашизмом и в решениях XX съезда партии, нанесших первый удар по сталинизму. Их можно наглядно увидеть в политике «оттепели» и деятельности «шестидесятников», в советской космической эпопее и даже в противоречивых явлениях застойного времени, наконец, в непонятых и недооцененных до сих пор демократических преобразованиях перестройки, которую часто отождествляют с «постперестроечным» временем с его «шоковой терапией», приведшей к абсолютному обнищанию большинства советских людей.

Советская история – это не только результат острой политической борьбы различных социальных сил, вышедших из революции. Она представляет собой огромное поле возникшей после революции *уникальной советской культуры*, ставшей зеркалом выдающихся достижений советского народа, его побед и трагедий. Авторы книги стремились показать, что советская культура в ее лучших проявлениях раскрывает величие того социального проекта, у истоков которого стояла Октябрьская революция, впервые поднявшая к свободе и социальному творчеству миллионы простых людей.

Советская культура потому и вошла в мировую культуру, что глубоко и блестяще отразила эти невиданные раньше новые явления и процессы постреволюционной эпохи. По справедливому мнению одного из авторов книги – философа культуры Людмилы Булавки-Бузгалиной, эта культура стала «идеальным» проявлением того принципиально нового общества, которое создавалось борьбой и трудом советских людей. Это был их настоящий исторический подвиг. Именно этих людей нынешние псевдолибералы, по известным идейным причинам, презрительно называют «совками». Но суть дела в том, что без этих «совков» не было бы ни поэмы «Двенадцать» А. Блока, ни многих произведений М. Горького, ни стихов В. Маяковского и С. Есенина, ни «Тихого Дона» М. Шолохова, ни произведений И. Бабеля и А. Платонова, ни «Броненосца Потемкина» С. Эйзенштейна, ни песен военных лет, ни «Теркина» А. Твардовского, ни правдивой лейтенантской прозы о войне, ни таких кинофильмов, как «Чисто небо», «Девять дней одного года», «Летят журавли», «Коммунист», ни пьес В. Розова, М. Шатрова и А. Гельмана, ни скульптур В. Мухомой и художественных полотен Б. Неменского, ни фантастических романов И. Ефремова, ни философских произведений М. Лифшица и Э. Ильенкова. Отсюда понятно, что совсем неслучайно гуманизм советской культуры и литературы, ее жизненная правдивость и идейная направленность притягивают сегодня к ней множество людей в России и за ее пределами.

Книгу завершают тексты, посвященные анализу уроков и современному прочтению Октябрьской социалистической революции. Читатель в этой главе снова возвращается к анализу и пониманию этого поистине эпохального события в мировой истории. Здесь читатель найдет глубокую и прозрачную по форме статью известного философа – эстетика Михаила Лифшица о нравственном значении Октябрьской революции, познакомится с мнением современных зарубежных историков и философов о влиянии этой революции на развитие современного мира, прочтет дискуссионные статьи о социальной природе СССР и критике тех исследователей и идеологов, которые пытаются всячески умалить значение исторических завоеваний Октябрьской революции и советского общества.

Подчеркнем, главной темой данной книги является выяснение реального исторического смысла и характера Октябрьской революции. В этой связи хочется особенно привлечь внимание читателя к острейшей сегодня проблеме: растущей мифологизации этой поистине Великой революции, которая все чаще воспроизводится во многих устных выступлениях и письменных текстах ее идейных противников.

Одним из ее проявлений является утверждение об устарелости и, следовательно, неактуальности темы Октябрьской революции в современную эпоху. Однако, вопреки этому мифологическому утверждению, уже сама подготовка наступающего 100-летнего юбилея Октября показывает, что *вопросы смысла и значения этого великого события в истории страны и мира не только не устаревают, а, напротив, становятся все более актуальными*. Даже официальная российская власть сегодня вынуждена по-своему реагировать на это событие, организуя соответствующие выставки, «круглые столы» в центральных музеях и других залах Москвы и России и участвуя в их проведении. Правда, в отличие от советского прошлого, идеология этих акций подчас направлена на то, чтобы идейно приуменьшить или даже дискредитировать это великое событие в общественном сознании людей. Но тем важнее вся та работа, которую делали, делают и будут делать сторонники *красной линии*, в том числе авторы этой книги, в праздновании этой даты.

Характерной чертой дискредитации Октября выступает и подмена ее научного понимания еще одним мифом, имеющим сегодня широкое распространение. Так, в последнее время особенно частым является утверждение, что России якобы всегда была нужна эволюция, а не революция. Эту мысль сегодня разделяют не только отдельные историки, но и многие известные политики. Вот лишь некоторые их фразы: «Нам нужна эволюция, а не революция» (Г. Явлинский); «лимит на революции уже исчерпан» (Г. Зюганов); цикл смены революций и контрреволюций «закончен», в будущем «не будет ни революций, ни контрреволюций!» (В. Путин) и т. д. Тем не менее, несмотря на известный высокий статус авторов подобных высказываний, последние не выдерживают объективной научной критики.

Дело в том, что развитие вообще и историческое в особенности не может обойтись без революций, которые являются необходимым условием радикальных изменений в обществе. Эволюция в живых и общественных системах всегда содержала и содержит внутри себя революционные моменты, благодаря которым и происходят качественные изменения биологических и социальных организмов. Одним словом, мыслить эволюцию без революции невозможно ни в биологии, ни в обществе.

Не менее часто сегодня можно слышать высказывания о том, что Октябрьская революция на самом деле была не великим историческим событием, а «настоящим преступлением» большевиков. Об этом постоянно говорят многие либералы, консерваторы и воинствующие национал-патриоты, доказывающие якобы «незаконный» и «нелегитимный» характер «Октябрьского переворота» и Советской власти. Что можно сказать по этому поводу? Только одно: любая крупная социальная революция есть нарушение законов прежней власти, но от этого она не может считаться преступлением, ибо в ходе такой революции прежние законы лишаются главной основы легитимности – массовой поддержки народа. Напротив, подлинная социальная революция, в отличие, например, от так называемых «цветных революций» и различных «майданов», всегда легитимна, ибо получает поддержку абсолютного большинства граждан страны. Именно таким явлением и стал Октябрь 1917 года, утвердивший Советскую власть, которую поддержало абсолютное большинство российского народа. Причем эта поддержка была не только политической: позднее Советскую власть защищали с оружием в руках миллионы рабочих и крестьян в Гражданской войне. Такова правда истории, и ее невозможно изменить никакими мифологемами и фальсификациями.

В настоящее время особенно распространен миф о том, что Октябрьская революция была не революцией, а простым «переворотом» кучки заговорщиков, являющихся агентами германской либо англо-американской разведки. Сюда же относятся утверждения о том, что Ленин якобы делал революцию на немецкие деньги, а Троцкий выполнял указания американо-сионистского капитала. И это говорится о людях, которые были наиболее радикальными противниками капитализма и национализма, о революционерах, чьи идеалы определялись коренными интересами трудящихся России и всего мира.

Данный миф сегодня активно навязывается общественному мнению многими историческими передачами по ТВ, хотя он давно опровергнут серьезными отечественными и зарубежными учеными. (См. работы Р. Кеннана о коллекции Сиссона, Г. Соболева о тайне немецкого золота, В. Логинова о записках Платтена и др.) Не обошли его своим критическим вниманием и авторы данной книги, показавшие полную беспочвенность таких утверждений. Заметим в этой связи: сторонники этого мифа, считающие себя, как правило, патриотами России, не понимают, что подобными утверждениями они сводят роль русского народа в истории до уровня простой марионетки, которой можно крутить кому угодно и как угодно. Чего стоит тогда их патриотизм?

Октябрьская революция, конечно, не заговор и не переворот кучки левых экстремистов или зарубежных агентов, а мощное народное действие, стихийно возникшее и, по сути своей, не зависевшее ни от отдельных вождей, будь они семи пядей во лбу, ни от партий, ни даже от желания отдельных классов. Еще Маркс говорил о том, что ни одна революция не может быть совершена партией, она совершается только народом. Аналогичную мысль неоднократно высказывал и Ленин, предостерегая: «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров»¹.

Октябрьская революция была бы невозможна, если бы к главному ее творцу – пролетариату, составлявшему активное, но меньшинство российского общества, не присоединилось крестьянство – пусть относительно пассивное, но большинство населения страны, если бы его не поддержала значительная часть «разночинной» интеллигенции и выдающихся деятелей науки и культуры, если бы на ее защиту не встали солдаты и офицеры России. Вот почему любые разговоры о том, что Октябрь породили какие-то революционные экстремисты, отдельные «инородцы» или зарубежные агенты, не стоят и гроша.

Могут сказать, что Октябрьская революция называлась «переворотом» у самих революционеров и что этот термин часто использовали в своих работах В. Ленин и Л. Троцкий. Согласимся: политический переворот был. Но означает ли этот бесспорный факт, что Октябрь 1917 года не был революцией? Конечно, нет. Если не вдаваться в языковые тонкости, революция – всегда переворот, но не всякий переворот – революция. *Революция – это не только политический переворот, но и качественный социально-экономический и политико-идеологический скачок, ведущий к смене классов у власти, к смене общественного строя. Таким переворотом и была Октябрьская революция, впервые приведшая к власти на долгое время трудовые низы общества – рабочих и крестьян и связанную с ними интеллигенцию. В этом, в частности, и состоит ее величие и непреходящее историческое значение.*

Еще раз подчеркнем: социальная революция тем и отличается от политической, что в ней происходит, как уже отмечалось, смена власти одного класса другим. Это положение чрезвычайно важно, без него нельзя ничего понять в социальной революции. Возьмите Великую французскую буржуазную революцию: мы увидим эту смену классов, когда власть аристократов-землеладельцев была заменена властью буржуазии. То же самое мы видим в Октябрьской революции, где на смену буржуазно-монархической власти пришла власть рабочих и крестьян. Именно они, их Советы, взяли власть при помощи большевиков, и никакие последующие деформации советской власти не отменяют этого исторического факта.

Без классовой точки зрения невозможно понять социальное содержание революции. Что же касается политических революций, то ими в большинстве случаев оказываются именно перевороты, причем в узком смысле этого слова – смены всего лишь политических элит в рамках одного и того же господствующего класса. Вот почему уже упомянутые «цветные революции» на постсоветском пространстве являются сугубо политическими революциями, по сути дела

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 23.

не более чем переворотами. Конечно, и в социальных революциях происходит смена политических элит, но элит, принадлежащих к разным классам. Любая революция по форме является политической, ибо ведет к изменению власти, но понять суть этой революции невозможно, не поняв, в чьих социально-классовых интересах она совершается.

Октябрьская революция была великой не только по своим социальным, но и мировым последствиям. Именно она открыла революционную эпоху перехода многих стран к социализму, породила в мире две социально противоположные системы, определившие ход исторического развития в XX веке, способствовала началу крушения колониальной системы и появлению новых стран «третьего мира».

Существует еще один давний миф, распространенный в свое время меньшевиками, – о том, что Октябрь на деле был не социалистической, а буржуазно-демократической революцией. На первый взгляд, это утверждение соответствовало действительности. Первые шаги Октября – «Декрет о мире» и «Декрет о земле», в основу которого был положен известный крестьянский наказ эсерам, – действительно были сугубо демократическими акциями, не выходящими за пределы требований буржуазно-демократической революции. Все так. Но, как известно, на этом Октябрьская революция не остановилась. Решив демократические задачи похода, она пошла дальше, утвердив Советы как власть рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проведя национализацию земли, превратив в государственную собственность железнодорожный транспорт, наиболее крупные банки, заводы и фабрики, придав законодательные функции Госплану и т. д.

К сожалению, в наши дни, как и десятки лет назад, тезис о том, что это была, по сути дела, буржуазно-демократическая, а не социалистическая революция, снова и снова озвучивается в научной среде. Не будем долго останавливаться на этой проблеме: она достаточно подробно освещается во многих разделах данной книги. Отметим лишь один из аргументов данной точки зрения. Это аргумент о якобы исторической «неготовности России» к социалистическим преобразованиям. Сначала отошлем читателя к разбору этого аргумента у Р. Люксембург в ее полемике с К. Каутскими и у Ленина в его полемике с меньшевиками². Здесь же отметим только одно: он связан с неверным пониманием самих предпосылок социалистической революции, что в свою очередь определяется вульгарно-экономическом прочтением марксизма, от которого в свое время отмежевывался сам К. Маркс.

На мой взгляд, исследователи, отказывающие Октябрьской революции в ее социалистическом характере, игнорируют тот неопровержимый факт, что она была одновременно способом решения двух исторических задач, а не одной. С одной стороны, она решительно доделывала до конца буржуазно-демократическую революцию, с другой – шла дальше, решая собственно социалистические задачи. Выступая по поводу четырехлетия Октября, Ленин говорил: «Но чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походом, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования – говорили мы и доказали делами мы – есть побочный продукт пролетарской, то есть социалистической революции»³. По его мнению, вожди международной социал-демократии так и не поняли «такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает

² См.: Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. С. 199–200, 230 и др. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380–381.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147.

во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую»⁴.

Можно было бы и дальше приводить ленинские слова о взаимоотношении двух видов революции в России, но и сказанного достаточно, чтобы думающие люди поняли, о чем идет речь.

Завершая Предисловие к данной книге, отмечу лишь ряд особенностей ее появления и изложения в ней основных исторических тем.

Инициатива ее написания возникла за три года до 100-летнего юбилея Октября. Она принадлежала ученым-единомышленникам: недавно ушедшему от нас известному экономисту Солтану Сафарбиевичу Дзарасову и его сыну Руслану Солтановичу, врачу-гуманисту и академику РАН Андрею Ивановичу Воробьеву, доктору исторических наук Зоре Леонидовне Серебряковой, дочери рабочего и ближайшего соратника Ленина – Леонида Серебрякова, наконец, автору этих строк.

Инициаторы создания данной книги несколько раз собирались вместе, обсуждая концепцию и план книги. Все сходились на том, что книга не должна быть догматичной, т. е. книгой, сделанной в устаревших, по сути дела, сталинистских традициях, часто основанных на фальсификациях исторических фактов и явлений. Напротив, она должна быть книгой творческой, т. е. представлять *строго научную альтернативу и сталинистской версии Октября, и советской истории, и господствующим ныне различным либеральным и консервативным трактовкам Великой революции, искажающим ее изначальную подлинно народную природу*.

В этой связи ее авторы стремились приводить как можно больше новых и малоизвестных фактов и принципиальных теоретических обобщений. Именно на таких идейных началах и был в итоге создан коллектив авторов данной книги. Тем не менее общее идеологическое единство авторов книги не означает полного тождества их научных взглядов. Между нами немало разногласий, ведущих нередко к взаимной полемике по конкретным проблемам истории революции и советского общества.

Уже в начале подготовки юбилейной книги ее инициаторы обратились к главному редактору журнала «Альтернативы» Александру Владимировичу Бугалину с просьбой поддержать работу по созданию и возможной публикации данного труда. С его стороны эта просьба не только получила полную поддержку, но и превратилась в активное участие в ее создании. Так А.В. Бугалин стал одним из редакторов книги.

Книгу к публикации готовили не только два ее редактора, но и другие ученые, вошедшие в редакционную коллегию, где огромная работа была проделана ее ответственным секретарем Гульнарой Шайдулловой Аитовой.

Завершая Предисловие, повторюсь: структурно данная книга состоит из Предисловия, Введения, посвященного теории коммунистической революции, и пяти крупных разделов, связанных с освещением исторических предпосылок и важнейших революционных событий 1917 года. В ней также даются анализ и понимание основных тенденций советской истории, показаны ее крупные социально-политические завоевания и не менее значительные ошибки.

Помимо отдельных авторских статей в книге публикуется стенограмма научного «круглого стола», организованного А.В. Бугалиным на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция: предпосылки, природа, результаты».

Особо хочется отметить материалы, опубликованные под рубрикой «Слово творцам революции», в которой воспроизведены тексты из наиболее значимых работ видных революционных деятелей первой половины XX века. Эти тексты, на мой взгляд, помогут современному

⁴ Там же.

читателю не только лучше понять, но и почувствовать идейную и политическую атмосферу того неповторимого исторического и революционного времени.

В заключительной главе книги, как уже отмечалось, раскрывается идейное, политическое и нравственное значение Октября, его революционное влияние на жизнь трудящихся нашей страны и всего современного мира. Авторы книги уверены, что богатое наследие этого поистине эпохального исторического события будет еще долго вдохновлять трудящихся в их борьбе за полное социально-экономическое и политическое освобождение от власти олигархического капитала, несущего человечеству социальные и национальные конфликты, войны и разрушения.

В конце книги ее редакторы сочли уместным поместить Приложение, в котором дается *Заявление редакции журнала «Альтернативы», посвященное столетнему юбилею Октября*, а также впервые представлен для общественного обсуждения *Проект Манифеста левых сил современной России «Время альтернатив»*.

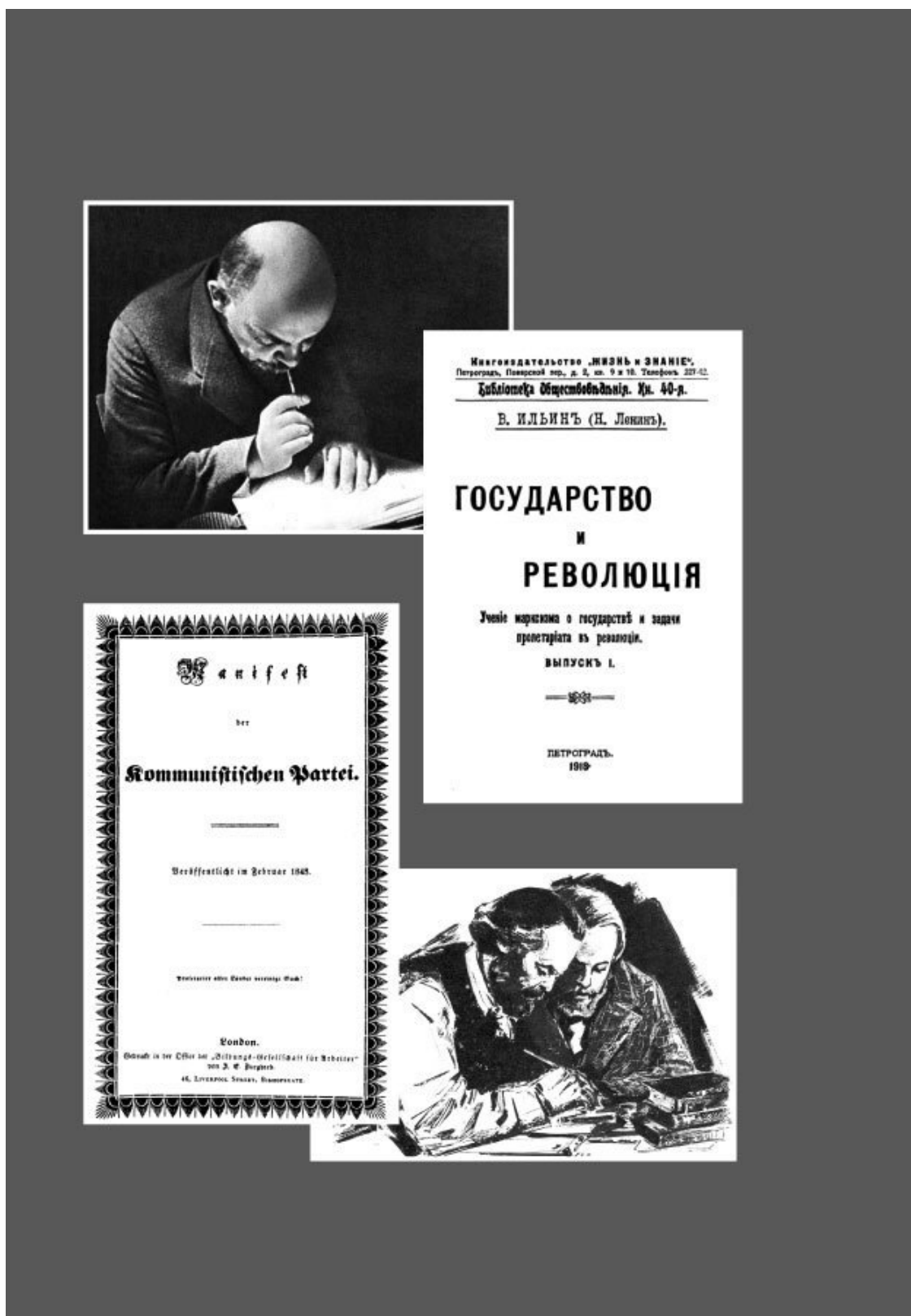
Авторский коллектив надеется, что результаты его работы, содержащиеся в книге, найдут соответствующий отклик у коллег по научному сообществу, будут с интересом встречены представителями левых течений и организаций, а также широкой читающей публикой, проявляющей интерес к большим революционными событиями и дискуссионным проблемам отечественной и мировой истории.

Борис Славин

Введение
Александр Бузгалин
Революция. Очерк теории⁵

*Пусть господствующие классы содрогаются перед
Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме
своих цепей. Приобретут же они весь мир.*
К. Маркс, Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии»

⁵ В основу текста положены фрагменты из книги А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» (М., 2015, т. 1, гл. «Социальные революции: контрапункты социального освобождения, культуры и отчуждения». С. 486–512), а также статья, впервые опубликованная в журнале «Альтернативы» (Бузгалин А. В. Великая Октябрьская социалистическая революция: Взгляд через 90 лет // Альтернативы. 2007. № 3. С. 20–44).

Революция.

Для меня это слово было и остается чем-то гораздо большим, нежели категорией социальной философии. Оно обращено не только к разуму, но и к сердцу. Оно есть импульс и вызов и для мысли, и для действия.

Причины?

Они в истории моей жизни, на протяжении которой я впитал (в диалоге с моими родителями и пионервожатыми, в практиках борьбы вместе с моими товарищами, иные из которых были убиты осенью 1993-го или преждевременно ушли от нас, надорвавшись от перенапряжения общественной деятельности) потребность в поступках, которые изменяют этот мир к лучшему, снимают (и это уже язык не столько практика, сколько ученого) социальное отчуждение.

Они и в той методолого-теоретической базе, которую я впитал в диалогах с моими учителями – марксистами МГУ, сумевшими даже в душной атмосфере общественных наук «развитого социализма» привить вкус к критическому, творческому поиску ростков «царства свободы», и в диалогах с коммунистами Европы и Латинской Америки, США и Японии – всеми теми, для кого слова «революция» и «коммунизм» были символом поступков, а не пропагандистским штампом.

Так выросло то понимание революции, о котором я писал еще десять лет назад в книге, посвященной 90-летию Октября,⁶ и которое, развитое и дополненное, я хочу предложить читателю этой книги, начав с самого принципиального вопроса – теории коммунистической революции.

1. Революция: постановка проблемы

Исходный пункт *теории социальной революции* (не путать с политическими переворотами и т. п.) – классический марксистский тезис о социальном творчестве трудящихся как силе, способной осуществлять качественные скачки, приводящие к смене общественно-экономических систем и их политико-идеологических форм – смене общественно-экономических формаций.

Как таковая социальная революция всегда есть акт движения человечества из «царства необходимости» к «царству свободы», продвижения по пути «позитивной свободы». В конечном итоге этот путь ведет к диалектическому отрицанию, снятию отношений «царства необходимости» (мира отчуждения) и созданию новых отношений, добровольной работающей ассоциации, в которой «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Но «царство свободы», понимаемое, впрочем, не как некоторый абсолютный идеал = конец, а как начало собственно человеческой истории, будет результатом победы коммунистической революции.

А по дороге к ней человечество совершило и еще совершит немало социальных революций, в которых будет круто замешено разрушение старой системы и созидание новой. Невиданное во время застоя ускорение социального прогресса и высокая цена этого ускорения. И кроме побед революций будут поражения. А еще «откаты», попятные движения, инволюция слишком далеко зашедших в своем революционном порыве освободительных преобразований. И торжество в результате большинства свершившихся донныне революций не «царства свободы», а всего лишь новой (объективно более прогрессивной, но вместе с тем и более утонченной) системы отношений отчуждения.

А еще революции всегда будут нести с собой насилие. Не всегда массовые убийства людей (политическая форма революции может быть и мирной), но всегда насильственное изменение прежних форм социального отчуждения: слом рабства или крепостничества, даже если он происходит в форме политических реформ, есть слом социально-экономической основы формаций, основанных на внеэкономическом принуждении и личной зависимости. Снятие отношений частнокапиталистического присвоения, даже если это происходит путем выкупа,

⁶ См.: Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Под общ. ред. А. Сорокина. М.: ЛЕНАНД, 2009.

есть революционная ликвидация экономической основы капиталистического способа производства.

Революции всегда сугубо противоречивы. Но без них мир вползает в застой и, как следствие, инволюцию, несущие с собой потери и трагедии несоизмеримо большие, чем боль революционного прогресса.

Такова постановка проблемы. Хорошо известная всем марксистам (и – вот парадокс – всем акторам даже буржуазно-демократических революций, не боявшихся разрушать бастии) и абсолютно неправомерная с точки зрения всех филистеров и обожевляющих их обывателей (не говоря уже об идеологах правящего класса, чья историческая миссия уже исчерпана – будь то аристократы и монархи или финансовая олигархия и их бюрократические ставленники).

В той мере, в какой революция продвигает нас по пути к «царству свободы», в той мере, в какой ее позитивный заряд социального освобождения и созидания новых форм оказывается мощнее того разрушения и тех жертв, которыми она сопровождается, революция созидательна. И те трагедии, которые она несет, – оптимистичны. Если же эта мера превышена, революция превращается в свою противоположность. Таков сугубо нелинейный процесс *социального освобождения*, мера которого (в единстве качественных, интенсивных и экстенсивных изменений) может быть названа *мерой социального освобождения*⁷.

Качественные скачки на этом пути, «узловую линию мер» (Гегель) и знаменуют собой социальные революции.

И если вы хотите спросить, нужны ли вообще социальные революции, коль скоро они столь противоречивы, я вам напомним старую аксиому: социальная революция не придумывается и не делается кучкой заговорщиков. *Социальная революция – это продукт объективных противоречий, и попытки остановить или затормозить ее оборачиваются злом гораздо большим, чем то, что может нести с собой революция*.

Такова постановка проблемы на предельно абстрактном (но от этого не перестающем быть принципиально важным), исходном философском уровне.

Задача дальнейших наших размышлений – восхождение от этой предельной исходной абстракции ко все более и более конкретному видению феномена «революция».

2. Революция как «праздник угнетенных»: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и (вплоть до победы нового способа производства) знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами⁸, и в этом смысле – кратковременным торжеством «царства свободы» (обратная связь здесь состоит в том, что «царство свободы» как снятие отчужденных детерминант жизни человека есть перманентная революция). В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый «праздник угнетенных», когда вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»).

⁷ Ее косвенным количественным («теряющим» качественный социальный скачок) отражением может быть соотношение свободного (используемого для гармоничного свободного развития индивида [в ассоциации]) и необходимого времени, которым обладает общество (эта идея раскрыта в ряде работ П. Кузнецова; см., напр.: *Кузнецов П.* По ту сторону отчуждения. М., 1990. С. 227–251).

⁸ Весьма примечательным выглядит в этой связи тот факт, что Максим Горький, в целом жестко критически отнесшийся к большевикам в 1917–1918 годах, в то же время писал в своих знаменитых «Несвоевременных мыслях» о прометеевском начале революции, развивающей в массах социальное творчество.

Пока длится революция – этот «праздник угнетенных» – объективные детерминанты, «ограничители» (в том числе новые производственные отношения, социально-политические институты и т. п.) уже или еще не действуют. Революции снимают (пусть на время – время революции) власть денег, бюрократии, классовое и сословное неравенство, даже разделение труда (в революции рабочий равен профессору, а иногда и ведет его за собой).

В этом смысле революции есть высвобождение в широчайшем пространстве и времени потенциала иной (не-отчужденной – не-рыночной, не-иерархичной) жизни (М. Бахтин связывал это высвобождение с феноменом карнавала. Но если карнавал – это игра, имитация временного снятия рамок, то революция – это подлинный праздник, «всеобщее празднество» – именно так, например, характеризовалась современниками Парижская коммуна).

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества революции становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды сами граждане рожают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время всплеска реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий. Именно в революциях поручики и шестнадцатилетние мальчишки становятся великими полководцами, рабочие – общественными деятелями мирового масштаба, и даже в таких сферах, как разведка и контрразведка, недавние гимназисты и инженеры, слесари и врачи оказываются способны сделать то, что не по плечу профессионалам...

Именно в революции общественная практика масс часто создает такие новые социальные формы, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно (примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны).

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив подход к данной проблеме), что в принципе разрушению в революции подлежат старые, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и политические институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т. п.). Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти разрушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны. Но и революция не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении меру **разрушительности/созидательности революции**⁹.

Первая тем выше, чем [1] более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем [2] отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже [3] уровень самоорганизации и [4] культуры революционных масс, но больше [5] стихийность и [6] влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства, и меньше [7] мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за

⁹ Мы в данном случае в основном суммируем хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

собственно социальное освобождение; чем, следовательно, больше [8] «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

В той мере, в какой для революционного процесса характерны эти черты, последний будет разрушительно-варварским, несущим с собой уничтожение не только старых форм угнетения, но и их материальных и культурных основ, а также (и это наиболее трагичный элемент вырождающейся в бунт революции) человеческих жизней. Однако в данном случае всякий судия таких разрушительных действий должен задать вопрос: а кто довел массы до того состояния, когда уже ничто, кроме испепеляющего все вокруг социального взрыва, не может разрешить социальных противоречий? И здесь более чем справедлива позиция А. Блока, указавшего «рафинированной» интеллигенции на то, что сжигавшие поместья крестьяне уничтожали не столько памятники культуры, сколько социальное пространство своего порабощения и закабаления (попросту – место и символ унижения, ограбления, порока).

И, напротив, **революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени** [1] прогнила старая система (глубоки ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по-старому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по-старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально (имеются достаточные объективные социально-экономические и т. п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к позитивному социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс [8] чем более культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторим, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту¹⁰, революция пройдет мирно и неразрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула», однако, имеет крайне ограниченное значение, ибо революции – это исторические явления, и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а объективно, во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру (мы бы сказали, высшую математику, сложнейшую диалектику) революции», максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

Более того, поскольку практически каждая революция рождается в условиях, когда налицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, великая миссия и ответственность революционных сил состоит в том, чтобы суметь «достро-

¹⁰ В наиболее полном виде этот блок проблем был развит в работах В. И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

ить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской Империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам, – интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира; другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим alter ego – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков, мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Итак, в той мере, в какой «достроить» предпосылки социальной революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты. И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой Октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской Империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹¹. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодального империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

Как мы уже отметили выше, сложнейшей проблемой социального освобождения была и будет *диалектика созидания новых, более прогрессивных общественных форм и разрушения старых, диалектика прогресса и той цены, которую за него объективно приходится платить*. В общем виде эта проблема решается на пути отрицания, разрушения антагонистических социальных форм при сохранении и развитии материальной и духовной культуры, предметного тела и деятельностного мира, самих субъектов креатосферы (то есть попросту сохранении и развитии, видоизменении, но не уничтожении «как класса» объектов материального производства, науки и искусства, достижений и традиций прошлого, самих людей как их носителей).

Но это решение хорошо только «в общем виде». На практике «активизм» освободителей зачастую оборачивался разрушением не только отчужденных социальных форм (на смену которым приходили новые), но и культуры (вплоть до физического уничтожения памятни-

¹¹ К диалектике «опережающих» и «отстающих» мутаций мы вернемся во второй части текста.

ков культуры и творчески самостоятельных личностей – об этом подробнее в следующем разделе). Следовательно, проблема требует более конкретного решения, в поисках которого нам придется обратиться к закону взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения, в соответствии с которым мера развития креатосферы прямо пропорциональна мере социального освобождения (и/или борьбы за социальное освобождение) и обратно пропорциональна мере отчуждения в единстве ее количественных (например, норма эксплуатации) и качественных (эволюция видов отчуждения от личной зависимости к глобальной гегемонии капитала) параметров. Мы накопили достаточный материал для того, чтобы сделать новый шаг в раскрытии спрессованного в нем содержания.

Следствием названного закона (мы намеренно опускаем ряд промежуточных пунктов вывода этой связи) является императив освобождения культуры: для сохранения в полном масштабе и дальнейшего развития креатосферы (включая сюда не только предметный мир культуры в привычном смысле слова – библиотеки, музеи... – но и творческий потенциал граждан Земли, природу как самоценность, производственный аппарат как бытие культуры и т. п.) необходимо снятие отношений отчуждения и развитие таких социальных отношений, которые обеспечат адекватные условия для прогресса культуры.

Возвращаясь к гипотезе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения, подчеркнем: в первом случае речь идет не столько о материальном благосостоянии и развитии негативной свободы (хотя и то, и другое, повторим, есть важные предпосылки социального освобождения), сколько об интенсивности (потенциальной и реализуемой в действиях) энергии социального творчества, в том числе – энергии борьбы с отчуждением. Потенциал же последней может быть очень высок в обществах с жесточайшим угнетением, но находящихся на пороге своего краха, где и социальное творчество, и культура развиваются не «благодаря», а «вопреки», как борьба с отчуждением и в этом смысле – социальное творчество. Во втором случае, говоря о мере отчуждения, мы делаем акцент на глубине подчинения трудящихся господствующей системе и их смирения с этим подчинением (что может быть наиболее типично для относительно «сытых» застойных социумов).

Примеры практически всех мощных культурных всплесков в истории человечества могут служить одним из подтверждений предложенной выше гипотезы. Перелом истории при переходе от феодализма к капитализму и вызванные им социальные брожения и революции рожают науку и искусство Ренессанса в Италии и Нидерландах, затем – в Германии, а еще позже – в России. Чудовищно напряженное противоречие ростков массового социального творчества («энтузиазма»), вызванного небывалым революционным подъемом начала XX столетия, и сталинщины в СССР создало условия для развития (и «благодаря» энтузиазму), и «вопреки» [сталинщине]) такого удивительного феномена, как советская культура...¹²

Живительный воздух свободы или борьбы за нее всякий раз рождал в истории человечества величайшие культурные (научные, образовательные, художественные, нравственные) достижения. И всякий раз, когда объективные или субъективные факторы разделяли социальные преобразования и культуру, это оборачивалось трагедией: первые вырождались в активизм и насилие, вторая погибала под обломками вырождающегося и распадающегося социально-преобразовательного процесса.

¹² Эти противоречия раскрыты в серии статей Л. Булавки (см.: Булавка Л. А. Культура и революция: диалектика генезиса (часть 1) // Альтернативы. 2007. № 3. С. 66–84; Культура и революция: диалектика генезиса (часть 2) // Альтернативы. 2007. № 4. С. 28–55; Творчество масс: опережение реальности (ленинская альтернатива) // Ленин online. 13 профессоров о В. И. Ленине / Под общей редакцией А. Бугалина, Л. Булавки, П. Линке. М., 2011; Советская культура как идеальное коммунизма // Критический марксизм. Продолжение дискуссий. Изд. 2-е, дополн. и испр. / Под ред. А. Бугалина, А. Колганова. М., 2002).

Более того, культура и ее прогресс являются одним из важнейших источников энергии социального творчества, стимулируя развитие последнего как позитивной созидательной деятельности.

Культура выполняет эту роль (и это социально-философское обоснование можно найти в работах Д. Лукача), будучи своего рода живым воплощением «родовой сущности человека». Характерное именно для подлинной культуры выражение отчужденности от человека его субстанциональных свойств (творческой деятельности, достойной жизни) в виде трагедии личности, восстающей против правящих миром законов отчуждения, и мечтаний о самореализации своих человеческих качеств¹³, является важнейшей предпосылкой социального творчества. Культура сохраняет в социальной памяти Человека и постоянно развивает (через творчество все новых и новых художников и мыслителей, восстающих против мира отчуждения) мечту об иной жизни (как сказал бы Лукач – человеческую мечту о своей истинной родовой сущности¹⁴), создавая тем самым и важнейшую субъективную (точнее – культурно-творческую) предпосылку борьбы за социальное освобождение.

Важным в этой связи является отношение деятелей культуры к социальному творчеству: притягательность социально-преобразовательной деятельности для творцов, не подчиненных без остатка (идейно и/или материально) системе отчуждения, может служить своего рода «лакомой бумажкой» того, насколько эти социальные преобразования действительно содействуют освобождению Человека, а значит, и культуры. Отказ же свободомыслящей творческой прослойки общества (но не подчиненной истеблишменту «элитной» интеллигенции) от диалога с социально-активными силами будет скорее всего свидетельствовать о скором (или уже начавшемся) вырождении последних¹⁵.

Сказанное позволяет объяснить, почему соединение творчества [в узком смысле слова] созидателей креатосферы с социальным творчеством масс в режиме диалога, где каждая из сторон является активным, самостоятельным субъектом, рождает [1] невиданно оптимистичную культуру, одновременно высокую и массами воссоздаваемую (востребованную, распределенную и «досотворяемую», а не потребляемую народом), равно как и [2] столь же радостное, музыкальное (пользуясь словами А. Блока) со-творение «низами» новой жизни¹⁶.

Отсюда вытекает и важнейшая (и сложнейшая) задача двоякого рода.

Для всякого субъекта социальных преобразований – обеспечить диалог с творчески продуктивной частью общества, вырвать ее из власти сил отчуждения, включив в деятельность

¹³ Как пишет Д. Лукач, в подлинной трагедии (от «Антигоны» Софокла через шекспировского «Гамлета» и дальше к Рембрандту, Бетховену и Толстому) нераздельное единство действий, являющихся правильными и высоко достойными в соответствии с родовой сущностью человека, и необходимой личной гибели так действующего человека получает поэтически точную формулировку (см.: *Лукач Д.* Онтология общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 272).

¹⁴ См. *Лукач Д.* Цит. соч. С. 273.

¹⁵ Причины этого (в частности, необходимость освоения культуры субъектом социального творчества) мы раскрыли выше.

¹⁶ Л. Булавка справедливо указывает в своих работах, посвященных сравнительному анализу Ренессанса и советской культуры, на ростки такой культуры и такого социального творчества в СССР 1920-х – начала 1930-х гг.: «Именно процесс становления индивида как субъекта – это то главное, что объединяет Ренессанс и советскую эпоху. В обеих этих эпохах индивид осознает себя субъектом, только в первом случае субстанцией этой субъектности выступала в первую очередь Культура, во втором – История. ... Не случайно искусство этих двух разных эпох... востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ Человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленный в творениях Микеланджело, а в другом – скульптора В. Мухомой. ... Идея субъектности – это центральная идея также и социального творчества как одной из сторон (наряду с авторитаризмом и т. п.) советской реальности. Не из буквы „Интернационала“ исходил субъект социального творчества двадцатых годов, а сама внутренняя логика его творчески-преобразующей деятельности объективно воспроизводила этот принцип субъектности как основу его качественно нового общественного бытия. Более того, именно эта преобразующая практика являлась для него едва ли не главной формой осмысления себя уже как творца нового мира» (см.: *Булавка Л. А.* Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 35–50. См. также: *Булавка Л. А.* Феномен советской культуры. М., 2008).

свободных ассоциаций, дающих таким индивидам больше возможности самореализации, чем господствующая система¹⁷.

Для субъектов креатосферы – задача самостоятельного поиска путей к диалогу с силами социального освобождения, преодоления их практикой порожденного недоверия к творческой интеллигенции, в большинстве своем прислуживающей власти; задача «выдавливания из себя раба», стоящая прежде всего перед интеллигенцией...

Так мы, наверное, могли бы завершить наши размышления о диалоге развития креатосферы и социального освобождения в рамках «царства необходимости», если бы не принципиальной важности вопрос о росте производительности труда и прогрессе материального богатства. Именно «рядовые» труженики, занятые репродуктивным трудом, не только создают все материальные блага, но и воспроизводят своим трудом и креатосферу, и отчуждение. Более того, они зажаты в двойные тиски: эксплуатации со стороны правящих классов – с одной стороны; отчуждения от культуры – с другой, будучи единственной силой, создающей материальные основы для развития обоих миров и обладая как личности не меньшим, чем «элитарная» интеллигенция (но задавленным социальным угнетением), творческим потенциалом.

Тем самым главной проблемой социального освобождения оказывается уже отмеченная выше проблема свободы для трудящихся здесь и сейчас – в мире, где они заняты преимущественно репродуктивным трудом. Как мы показали выше, эта проблема решается через формирование таких общественных условий, в которых основная масса трудящихся (а в современных условиях это прежде всего класс наемных работников) окажется [1] пропитана энергией социального протеста; [2] «возвышена» до включения в мир культуры и [3] интегрирована на основе диалога с субъектами творческой деятельности.

Такой системой общественных отношений (что тоже уже было показано нами выше) является прежде всего ассоциированное социальное творчество. Оно становится господствующей общественной формой только в условиях «царства свободы»¹⁸, да и там первоначально происходит лишь формальное (касающееся лишь социальной формы – соединения в добровольные открытые ассоциации с целью совместного присвоения общественного богатства) освобождение по преимуществу содержательно нетворческого труда. Ростки такого освобождения – подлинный энтузиазм «комсомольцев-добровольцев» в тяжелейших условиях, киркой и лопатой создававших не только новые города, заводы, школы, но и новые общественные отношения, ценности, мотивы деятельности, то есть нового Человека, – нам хорошо известны (как известно и их чудовищно противоречивое сосуществование-борьба со сталинщиной).

В этой связи не можем не подчеркнуть еще раз, что даже такое, формальное освобождение труда (начинающееся с простейших функций учета и контроля и т. п.) способно в массах рождать потребность в освоении культуры и, в частности, образовании¹⁹ (примером чему, при всех противоречиях того периода, может служить культурная революция в СССР, редкост-

¹⁷ Эта задача была прекрасно известна всем великим революционерам, начиная с В. Ульянова-Ленина. Как она решалась на практике, почему именно так (мучительно-противоречиво) – на эти вопросы, на наш взгляд, отчасти отвечает предложенная автором теория мутантного социализма, под которым нами понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму; это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму (подробнее об этом см. в книге: Бузгалин А., Колганов А. 10 мифов об СССР. М., 2010 [2-е изд. – М., 2012]).

¹⁸ В классическом марксизме понятие «царство свободы» было тождественно понятию «коммунизм», с чем автор солидаризируется в полной мере. Однако, поскольку понятие «коммунизм» ныне, как правило, ассоциируется со сталинской системой, мы предпочли использовать в тексте его эквивалент, тем более что понятие «царство свободы» более созвучно основной проблеме данного текста. Что же касается «социализма», то в серии наших совместных работ с А. И. Колгановым обосновано понимание социализма как процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» (коммунизм).

¹⁹ В этом взрывном возвышении низов к культуре и образованию – ключ к размыканию замкнутого круга глобальной капиталистической системы эпохи «революции знаний», где бедные [почти] всегда необразованны и не хотят учиться (то есть «сами виноваты» в своей бедноте), а богатые потому и богаты, что образованы и хотят учиться и учить своих детей...

ная по широте и силе массовая тяга низов к культуре, знаниям, самостоятельному творчеству везде – в искусстве и спорте, открытии новых земель и конструировании новых машин, педагогике и науке...).

В рамках же «царства необходимости» единственно доступными для всех «рядовых» трудящихся формами социального творчества являются социальные реформы и революции. При чем для нас особое значение имеют именно революции, не случайно названные «локомотивами истории» и «праздником угнетенных», ибо в эти относительно краткие периоды предельно обнажается весь комплекс названных выше проблем. Кстати, именно через реформы и революции, посредством них, в них любой член «глобального человечника» уже сегодня и сейчас, в любой точке планеты Земля может возвыситься до личностного включения в процесс освобождения человечества и тем самым позитивного самоосвобождения.

При этом реформы будут общедоступным паллиативом, переходной формой отчуждения/освобождения, тогда как социальная революция есть общедоступный мир (пространство и время) позитивной свободы в рамках «царства необходимости».

Социальная революция как качественный перелом, смена качественно различных систем отчуждения (способов производства), а уж тем более как грядущее начало перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», знаменуется рядом особо важных для нас характеристик процесса социального освобождения.

3. Социальная революция как временное торжество «царства свободы»

Продолжим. Названные выше аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов-«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций – феномен своего рода «коммунистичности» любой (в том числе – буржуазной) подлинной, идущей снизу, социальной революции. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно характерно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически-конкретных форм отчуждения (старой формации), но и революция против «царства необходимости».

Более того, поскольку всякая революция (в том числе ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество «царства свободы» – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку всякая революция (в том числе и несоциалистическая) стремится сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для нового господствующего класса, и обеспечить простор для развития креатосферы.

Это было характерно практически для всех великих революционных потрясений – от таких долгосрочных, как Ренессанс, когда муки несколько преждевременного (не забудем: в Италии первая попытка прорыва к буржуазному обществу потерпела поражение) рождения негативной свободы сопровождались невиданным прогрессом креатосферы, до таких драматически-взрывных событий, как Великая французская революция, в которой элементы борьбы за освобождение трудящихся от эксплуатации были представлены наряду с антифеодальной борьбой.

Как таковая всякая социальная революция (кроме, возможно, коммунистической) оказывается имманентно обременена внутренним (первым из выделяемых нами) противоречием: как революция против «царства необходимости» в целом она должна соединять [в и для борьбы с отчуждением] все силы освобождения и культурно-творческие силы человечества;

как конкретный акт конкретной смены антагонистических способов производства она неизбежно носит конкретно-классовый характер, разделяющий общество именно по классовому признаку.

В своем первом качестве, как антитеза всякого отчуждения, всякая революция оказывается и антитезой мещанства (обывательского конформизма, социально-пассивной позиции человека, с радостью подчиняющегося внешним правилам жизни и способного на озверение в случае разрушения этих привычных ограничений его существования) как универсальной социальной формы бытия «человека отчуждения».

Вот почему антитеза «мещанин – революционер» так значима для понимания сути социального творчества.

Мещанин тем и отличается, что просто не видит, не слышит и не чувствует сил отчуждения, воспринимая себя-марионетку (раба капитала, должности, статуса) как единственно возможное человеческое бытие, будучи вполне удовлетворен тем, что им манипулируют, освобождая его от личной ответственности. Понимание этой связи позволяет сформулировать еще одну важную тезу, известную нам из творческого советского марксизма: первым шагом человека к революции является осознание отчуждения как личной и социальной проблемы, осознание (и культурно-духовное, и практическое) себя как функции, марионетки внешних, чуждых Человеку общественных сил (денег, государства и т. п.); «Ощутить отчуждение – значит наполовину его преодолеть», – так афористично можно выразить эту связь, повторив здесь идеи наших предшественников-марксистов. И именно революция, сдирая с жизни (а заодно и с обывателей) ее отчужденные маски, сдирая их подчас с кожей и мясом тех, к кому они намертво приросли, оказывается наиболее радикальным (и потому наиболее ненавистным для мещанина) способом осознания того, что же такое есть мир отчуждения.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен «забегания революций вперед», когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и романтичность всякой подлинно социально-творческой (в том числе – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях «царства необходимости». Создавая элементы позитивной свободы, выходя из подчинения господствующим социальным формам, мотивам, ценностям (жажда денег, власти), Человек в мире отчуждения всегда оказывается «несвоевременен», романтичен. Эта романтика может быть востребована обществом (как, например, подвиги летчиков, геологов, строителей новых заводов и городов в СССР в период его расцвета); более того, власти могут даже паразитировать на этой объективной востребованности (что и делала, например, некоторое время советская номенклатура). Но он может быть и активно отторгаем, причем не только элитой, но и омещаненным большинством общества, в периоды застоя или контрреволюции.

В отличие от этих периодов революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего». Будучи качественным скачком, революции становятся эпохой (быть может, очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), в которой люди живут не в делящемся настоящем, а в диалоге прошлого с будущим, в процессе сотворения-рождения будущего, созидаемого-рождающегося здесь и сейчас. Причем в условиях слома внешних отчужденных детерминант это рождение будущего прямо и непосредственно зависит именно и прежде всего уже от самого человека, его личной способности (и способности его товарищей) видеть это будущее, жить им и в нем, подобно тому, как поэт живет в своих стихах, композитор – в музыке, педагог – в учениках... Это и делает всякого подлинного революционера романтиком, а революцию – «абстракцией будущего».

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а простор самореализации Человека оборачивается и необузданностью антитворчества. За этой проблемой скрыто еще одно (второе из отмечаемых нами) противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от меры созидательности/разрушительности революции. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный, и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна мера «культурности» революции, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном тексте анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения (коротко она была выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что социальные революции являются не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но и взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения. Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (мы пока ведем речь об объективных слагаемых последней).

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и, как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Взрывающая это противоречие революция, как мощный энергетический всплеск социального творчества и антиотчуждения, рождает тем самым и мощное поле, генерирующее потенциал для развития креатосферы. Последнее, в частности, связано с тем, что социальная революция как революция и против отчуждения (а не только против одной из конкретных систем производственных отношений и надстройки) есть вместе с тем и высвобождение из-под социального подчинения (хотя бы на короткое время подготовки и осуществления качественных социальных преобразований) прогресса креатосферы как одной из подчиненных, но постоянно присутствующих в рамках «царства необходимости» «линий» развития Человека. В этом смысле мы можем сказать, что социальная революция, в той мере, в какой она является революцией против отчуждения вообще (а не только одного из его видов) решает и

«сверхзадачу» прогресса культуры – снятия отчуждения. Очевидно в этой связи, что **императивом коммунистической революции является снятие отношений отчуждения (как системы), открывающее простор для развития креатосферы** (культуры, Человека как свободно и гармонично развивающейся личности, биосферы). **Мера решения этой задачи революцией** (в том числе происходящей внутри «царства необходимости») **показывает и меру ее коммунистичности** (а вместе с тем культурности и гуманности).

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и послереволюционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой производительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI–XIX веках – «третье сословие», в том числе буржуазия, в XX веке – трудящиеся, и прежде всего пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции, и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы²⁰) показывает действительную прогрессивность (или реакционность, то есть, по сути, контрреволюционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований. И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контрреволюций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует [1] новому скачку в развитии креатосферы, [2] рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения), и [3] росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом), праздником не только угнетенных, но и культуры.

Именно поэтому подлинная социальная революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции (в то же время всасывая, как мощный вихрь, и массу мусора). При этом подавляются (и разрушаются) основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со «старой» системой отчуждения, в чьей личности творческие качества оказались подчинены роли привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти. Именно эта часть интеллигенции, как правило, наиболее рьяно выступает против революции (если, конечно, новая власть не успевает вовремя «прикормить» этих «деятелей»).

В то же время всякая социальная революция в рамках «царства необходимости», начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения, и творцам приходится или подчиняться новой власти (например, при переходе к капитализму интеллигенция, уйдя от подчинения аристократии, попадает в подчинение рынку, золотому тельцу);

²⁰ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы социал-демократии потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы, – сложный вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами. Социалистическая революция в России стала (вкуче с революциями в Германии и др.) условием прекращения Первой мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодального империализма». Есть, однако, и другие примеры псевдореволюций, в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

как заметил В. Межуев, интеллигенция в революции ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

4. Революция как творчество трудящихся: массы и интеллигенция, социальный творец и хам

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов» (так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия) и оказываются праздником именно угнетенных. Именно для них революция становится праздником. Причем не просто карнавалом (вспомним Рабле и его замечательную трактовку в книге Бахтина), но пространством и временем высвобождения из-под власти угнетения и возвышения до самостоятельного творения новых отношений, когда трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни.

В результате не только творческая часть общества (о ее противоречивом положении в революции и отношении к революции – ниже), но и «рядовые» трудящиеся в революции преодолевают узкие границы своего отчужденного производственно-экономического бытия (статус частичного наемного работника, функции общественного разделения труда и капитала, например), вступая в сферу отношений самоорганизации (пусть в ряде случаев и стихийной), становясь субъектами непосредственного социального творчества (в условиях революций, совершаемых в рамках «царства необходимости» – преимущественно в формах политической борьбы). В результате именно (а в рамках «царства необходимости» – только) **революция делает «простого» человека творцом.**

В революциях ранее никому не известные рядовые граждане (особенно – молодежь) творят кажущиеся чудесами, невозможные в обычных условиях вещи именно потому, что в эти периоды кратковременного разрушения власти отчуждения они скидывают с себя поработавшие человека внешние оковы (государства, денег, традиций), снимают устоявшиеся стереотипы (когда каждый человек заранее и точно знает, что члену такой-то страты в такие-то годы позволено то-то, а нечто иное не было и не будет позволено никогда), свободно совершают то, что еще вчера казалось совершенно невозможным (и оно действительно было невозможно, но не потому, что человек не мог этого совершить, а потому, что это не позволяли совершить устоявшиеся социальные формы). Революция срывает социальные наряды, обнажает всех – королей и нищих, – так что всякому становится видно, на что действительно способна данная личность, а не ее социальный мундир. Она открывает дорогу дремлющим в каждом человеке талантам, ибо в ее мире каждый оценивается по его личностным способностям, поступкам, а не по социальной роли (дворянина или серва, миллионера или нищего).

То, что выше мы назвали «родовой сущностью Человека», в революции получает свое наиболее полное (из возможных в мире отчуждения) воплощение, и социальная «немота» (Д. Лукач) Человека сменяется широчайшим и молниеносным распространением чувства Человека. Выражаясь языком Лукача, можно сказать, что в революции вековая мечта человека об обретении своей родовой сущности (не только о справедливости, но и об обретении человеческого достоинства – вспомним сказанное выше о роли культуры, в частности трагедии, как силы, сохраняющей и передающей гуманизм из поколения в поколение, от страны

к стране) не просто реализуется в практических действиях, но и становится (как и сама культура) важнейшим фактором революционных сдвигов²¹.

Более того, революция не только открывает дорогу талантам; в условиях радикальной ломки старой системы и революционного созидания основ новой, в вихре несущегося с необычайной скоростью социального времени, талантливые, неординарные (подчас героические) личности и поступки оказываются востребованы обществом в массовом масштабе. Соединяясь с возможностями свободной, а не навязанной извне силами отчуждения самоорганизации, объединения в ассоциации и союзы, эта атмосфера пробуждения и востребованности талантов вызывает к жизни в людях такие качества, которые потрясают обывателя десятилетия и столетия спустя, рождают поколения личностей на удивление сильных, талантливых, привлекательных – титанов в полном смысле этого слова (как тут не вспомнить «ленинскую гвардию» – когорту людей, творивших – будучи «рядовыми» интеллигентами или рабочими – то, что было не под силу лучшим профессионалам эпохи, вызывавших восхищение и трепет, поражавших своими человеческими качествами даже после сталинских лагерей²²).

Другое дело, что угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. В массах (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в ранне-социалистической) скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба-слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как созидателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «„взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа»²³). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся нравственных норм, превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама». «Хам» – это раб, который, во-первых, не способен к самостоятельным действиям по созиданию новых социальных отношений в силу [1] непреодоленного (в-себе и для-себя) социально-подчиненного состояния, [2] атомистичности (социальной неорганизованности) и [3] бескультурности, хотя не обязательно безграмотности. Во-вторых, это раб, который активно отвергает и даже разрушает все то, что не вписывается в рамки установленного (сформировавшими его правилами) миропорядка (а этим миропорядком могут быть и законы сталинского доносительства, и законы рыночного фундаментализма).

В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки. Именно такого обывателя-мещанина, «взбесившегося» от неопределенности и противоречий революций, от необходимости (но неспособности)

²¹ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 273.

²² Кому-то, быть может, захочется добавить: «которые они же и вызвали к жизни». Что ж, это законная постановка проблемы. Известно, что революция, оборачиваясь термидором, часто пожирала своих творцов. К анализу этого феномена мы еще вернемся, а сейчас заметим, что его принципиальное объяснение уже было дано: характеризуя мутантный социализм, мы отметили, что в условиях недостаточных предпосылок социальное творчество может рождать и, как правило, рождает мутантные социумы, в которых происходит частичное разрушение прогрессивного потенциала революций.

²³ «Теоретически для марксистов вполне установлено – и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, – что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. „Взбесившийся“ от ужасов капитализма мелкий буржуа – это социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в „бешеное“ увлечение тем или иным буржуазным „модным“ течением, – все это общеизвестно» (Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собр. соч. Изд. 5. Т. 41. С. 14–15).

самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать «хамом».

И мы готовы согласиться с российской интеллигенцией в том, что этот хам – величайший враг культуры и общества, и что революция (среди прочего) временно оставляет этого хама вне социальной узды. Но мы категорически не согласны с теми, кто видит в революционных массах только и прежде всего хамство. И дело здесь не только в том, что революция тем и отличается от бунта, что в ней лидирует сознательный социально-творческий (то есть культурный и самоорганизованный) субъект, но и в том, что освобожденная от порабощающей личности опеки (причем не только подкормки, но и идейных помочей) правящих кругов «элитарная» интеллигенция точно так же «хамеет» (что, впрочем, отнюдь не удивительно: по своему социальному статусу она является верхним слоем конформистов, занятых в сфере духовного производства, например мелких буржуа в условиях позднего капитализма).

Она «бесится» от необходимости самостоятельно решать все свои проблемы (от идейно-нравственной ориентации в незнакомом для нее мире, где нет «верхов» и «низов», до необходимости зарабатывать на хлеб) и угрозы потери своих материальных и духовных (как же, мы же «духовные отцы нации»!) привилегий. Вот почему она превращается в «хама» ничуть не в меньшей степени, чем «некультурный» обыватель. И эти два хама, вначале испугавшись и возненавидев друг друга («бей тех, кто в шляпе!»; «быдло – на виселицу!»), очень быстро находят друг друга в общей жажде скорейшего установления власти твердой руки. При этом «элитные» интеллигенты подчас не просто хамеют, но озверевая в своем призыве к уничтожению революции, а заодно и культуры (достаточно вспомнить лютую ненависть многих «интеллигентов» к Блоку, Маяковскому и многим другим деятелям культуры, доходившую до призывов их прямого уничтожения, поддержку со стороны ряда эмигрантов-«интеллигентов» немецкого фашизма, уничтожавшего целые народы, не говоря уже о памятниках культуры, – перечень легко продолжить...²⁴).

В этом смысле мы можем с полной ответственностью сказать, что «хам» (в том двойном смысле, который был раскрыт выше) есть действительно главная опасность всякой революции и культуры. Именно поэтому двойственность масс (в том числе интеллигенции) в революции (**субъект социального творчества vs. «хам»**) есть глубочайшее и опаснейшее противоречие, разрешение которого возможно в той мере, в какой революция выдавливает из трудящихся (в том числе, намеренно повторим, – интеллигенции) не просто раба, но и хама, помогая им осознано трансформировать самих себя в творцов нового общества и культуры, условием чего, как мы уже писали выше, является интеграция сил революции и культуры.

5. Революции – локомотивы истории. На пути к «царству свободы»

Будучи особым миром социального творчества, временным (если мы говорим о социальных революциях в рамках «царства необходимости») торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывают социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. Время революции как время непосредственного социального творчества несется необычайно быстро, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной, творческой

²⁴ Весьма интересны в этой связи заметки М. И. Воейкова о социально-политических воззрениях В. Розанова и И. Бунина (см.: Воейков М. И. О марксизме, большевизме, национализме и гуманизме (Заметки на полях прочитанных книг) // Альтернативы. 2001. № 2. С. 227–230).

(и в этом смысле – обязательно талантливой) реакции (выше мы особо отметили, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо истории, которая так же, как и природа, не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм; в этом величие и опасность этих эпох).

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях «центр» и «периферия» существенно меняют свою конфигурацию; зачастую вообще преодолевается периферийность и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце пятидесятих годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи, рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.

В условиях социальных революций историческое время несется необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия [1] широких масс, а не узкого слоя элиты, и [2] эта энергия направляется на творение истории прямо и непосредственно (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся «локомотивами истории». Именно социальные революции оказываются пространством и временем максимального (в рамках «царства необходимости») продвижения человечества по пути социального освобождения. Революции, подчеркнем это вновь, оказываются теми уникальными периодами предыстории, когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории, – Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других...

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в активизм и волюнтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта мера) все имевшие место в истории революции «переболели» этой заразой вырождения; все – от крестьянских войн и Войны за независимость до Великой французской и Великой Октябрьской революций – и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить процесс развития железных дорог, так и угроза вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к «царству свободы».

Суммируем.

Основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества, то есть **предпосылками коммунистической революции** становятся:

1) рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле

все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидателями материального фундамента последнего;

2) прогресс креатосферы, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете – прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития, а с другой – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого все культурно-творческие силы общества, кто создает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, также служат делу освобождения Человека;

3) борьба за социальное освобождение (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения – **коммунистическую социальную революцию**; вот почему все подлинные революционеры и реформаторы, борцы за справедливость и свободу («Гренада, Гренада, Гренада моя...») стоят в едином строю тех, кто совершал эту революцию.

Именно в коммунистической революции – в процессе качественной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более – силам освобождения действительно нечего терять, кроме цепей отчуждения (и не потому, что они бедны, а потому, что они превращают в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса Человека). Именно в ней они действительно обретут весь мир (опять же, не потому, что установят всемирную диктатуру, но потому, что откроют дорогу развитию ассоциированного социального творчества, позволяющего Человеку обрести мир подлинной свободы, а значит – мир Добра, Истины и Красоты, наследуя развитие всего богатства культуры, накопленного человечеством; и именно с этого момента развитие родовой сущности человека будет происходить в адекватных формах, знаменующих переход от предыстории к истории Человечества).

И это не формула веры автора. Это «формула» развития объективных тенденций материального производства, креатосферы, практической и духовной борьбы Человека за свое освобождение. Вот почему мы можем, перефразируя К. Маркса и Ф. Энгельса, сказать, что мир отчуждения в силу своих внутренних противоречий сам создает материальные и культурные основы и вызывает к жизни социальные силы своего снятия, своих «могильщиков», по мере прогресса производительных сил, развития креатосферы и формирования субъекта ассоциированного социального творчества (борьбы за социальное освобождение).

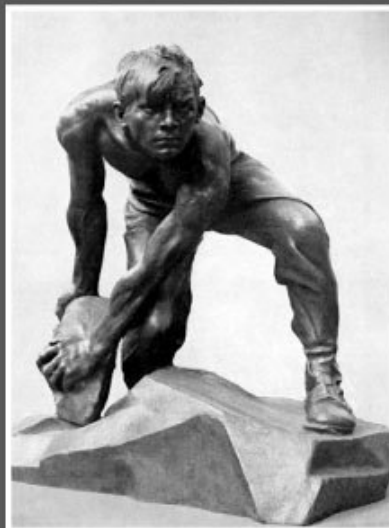
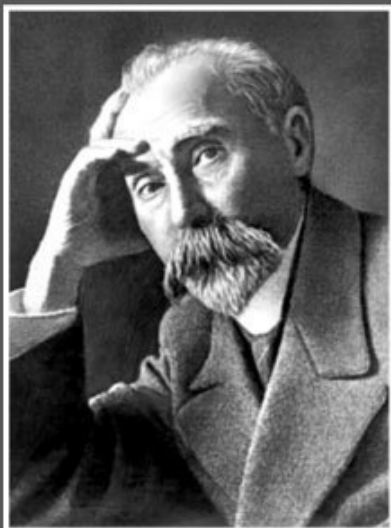
* * *

Эпоха непосредственного перехода к «царству свободы», эпоха социалистических преобразований началась в 1917 году в России, но она впитала в себя подвиги, ошибки, кровь, пот и вдохновение известных всему миру и не известных никому реформаторов и революционеров, ученых, художников и педагогов, великих мыслителей и «рядовых» новаторов-тружеников... Она породила великие достижения социального творчества и чудовищных мутантов; она стала основой невиданного всплеска культуры и страшных преступлений против Человека...

Мы только начали движение. Величайшему в истории человечества восхождению еще предстоит вступить в решающую фазу. Пока что, на рубеже XX – XXI веков, мы переживаем откат, реванш мира отчуждения. Но уже сегодня, анализируя пределы «царства необходимо-

сти», противоречия его высшей ступени (позднего капитализма), характерные для нынешних переходных форм рости будущего, достижения и ошибки (преступления?) мутантного социализма, – обобщая все это, мы можем сформулировать известный творческим марксистам закон-тенденцию возвышения свободы – нелинейного прогресса материальных, культурных и социально-творческих предпосылок «царства свободы» – и прогнозировать реально видимые черты будущего «царства свободы».

I. У истоков великого перелома

Б. Славин

**Был ли исторический шанс у «русской общины»?
(О мировоззрении Маркса и Энгельса
и их понимании «русской общины»)**

Во многих исследованиях последнего времени, где анализируются различные аспекты творчества К. Маркса, вновь и вновь ставится вопрос: «Who is Маркс в науке и истории?» При этом на него даются разные ответы: одни говорят, что он является «талантливым экономистом», другие утверждают, что он «оригинальный историк», третьи видят в нем «своеобразного философа» и даже «культуролога». В определенной степени все они правы и неправы одновременно. На мой взгляд (и не только), Маркс, как основатель целостного и сугубо оригинального пролетарского мировоззрения, не сводится ни к одному из этих определений. Он был одновременно и философ, и экономист, и историк, и культуролог. Об этом, прежде всего, свидетельствуют его труды, посвященные анализу капитала, истории, политики, социологии и культуры. В не меньшей степени это утверждение относится и к творчеству Ф. Энгельса, который много сил отдал разработке и пропаганде их общего с Марксом мировоззрения.

Деятельность Маркса и Энгельса, по сути дела, была невиданным в истории творческим интеллектуальным дуэтом. И хотя сам Энгельс говорил, что он играл в этом дуэте лишь «вторую скрипку», можно с уверенностью сказать, что без нее невозможно представить их общее мировоззрение. Без этой «скрипки» не было бы того всестороннего обоснования социализма, который впоследствии стал научной идеологией пролетариата. К сожалению, эту идеологию сегодня третируют не только открытые противники рабочего класса, но и некоторые российские коммунисты, увлекающиеся «модными» мифами о якобы внеисторической сущности понятий «державности» и «русской идеи».

В истории освободительного движения, пожалуй, не было другого образца дружбы двух революционеров, какой была дружба Маркса и Энгельса. Эта дружба может служить примером не только творческих, но и чисто человеческих отношений. Так, без Энгельса и его бескорыстной материальной помощи Маркс мог оказаться на грани нищеты и вряд ли бы написал свой «Капитал». Без Энгельса не было бы и таких их совместных произведений, как «Немецкая идеология», впервые обосновавшая материалистическое понимание истории, «Манифест коммунистической партии», давший политическую программу действий международному рабочему и коммунистическому движению, не было бы второго и третьего томов «Капитала», которые Энгельс буквально реконструировал из труднопонимаемых рукописей своего друга.

Вопреки мнению его современных критиков, Энгельс никогда не понимал марксизм вульгарно. Он видел в нем учение не только о примате экономики в общественной жизни, но и об активной роли революционного движения, его общественных идей и целей.

После смерти своего великого друга Энгельс взвалил на себя бремя руководства международным рабочим движением. К нему шли за советом революционеры со всего мира, в том числе и из России. У него в гостях были Лавров, Плеханов, Засулич, Лопатин и многие другие русские революционеры. Ленин, к сожалению, не успел встретиться с Энгельсом из-за болезни последнего.

Не следует забывать, что Ф. Энгельс был фактически первым человеком в истории, который в отличие от социалистов-утопистов неустанно доказывал, что рабочий класс не является только «страдающим» классом. Он связывал его историческую деятельность с борьбой за ликвидацию господствующих буржуазных отношений. Эти его мысли особенно актуальны в условиях современной реставрации капитализма в России. Сегодня, когда российские рабочие униженно вымаливают у правительства и собственников свой законный заработок, они напо-

минают о том, что только в организованной борьбе за свои экономические и политические права рабочие смогут отстоять свои коренные интересы.

Напомню, Маркс и Энгельс впервые встретились заочно на страницах «Немецко-французского ежегодника», где Маркс напечатал свои первые философские тексты, посвященные критике немецкой идеологии, а Энгельс проанализировал современную ему политическую экономию, раскрыв природу буржуазной конкуренции. Маркс назвал эту работу Энгельса «гениальной»²⁵. Затем после их личного знакомства происходит своеобразный обмен объектами исследования: Маркс начинает критически исследовать политэкономия буржуазного общества и в итоге создает свой «Капитал», а Энгельс исследует историю социалистических учений, пишет «Анти-Дюринг» и «Диалектику природы».

Оба активно участвуют в создании I Интернационала и отслеживают зарождение и развитие рабочего движения в мире. Переписка Маркса и Энгельса по этим и другим актуальным проблемам жизни и науки показывает, как конкретно развивалось и обогащалось их общее мировоззрение. Их письма друг другу – это не только демонстрация диалектического интеллекта в действии, в осмыслении важнейших вопросов развития общества и природы, но и документ бескорыстной человеческой дружбы двух великих людей и единомышленников.

Выступая на похоронах Маркса, Энгельс говорил, что в основе их общего мировоззрения лежат два поистине эпохальных открытия, принадлежащих Марксу: материалистическое понимание истории с ее выводом о закономерной смене стихийно складывающихся форм общества, и создание теории прибавочной стоимости, раскрывающей механизм экономической эксплуатации трудящихся. Как известно, помимо этих двух фундаментальных открытий в общественной науке Маркс и Энгельс сделали много других, обогативших их общее мировоззрение. Назову для примера лишь Марксову идею о двойственном характере человеческого труда, его анализ становления исторических форм собственности, исследование Энгельса, посвященное положению рабочего класса в Англии, его малоизвестные работы по проблемам войны и мира, становления и развития европейской социал-демократии и др.

Следует отметить, что материалистическое понимание истории было важнейшей частью их более общего диалектико-материалистического мировоззрения, которое, на мой взгляд, Маркс и Энгельс сознательно разрабатывали на протяжении всей своей жизни. Они были уверены, что в будущем обществе, где с необходимостью исчезнут социальные антагонизмы, наука о человеке органически включит в себя естествознание, а естествознание – науку о человеке: это будет одна наука. Возможно, у них был некий совместный план разработки такого мировоззрения, возникший еще в молодости во время их совместной работы над критикой различных представителей немецкой идеологии. Этот план касался выработки целостной и открытой в будущее (в отличие от Гегеля) мировоззренческой системы. Об этом свидетельствует их своеобразное разделение труда друг с другом. Один занимается философией, другой – политэкономией, один, например, сосредоточивается на проблемах истории первобытного общества, другой – на проблемах современности. При этом они часто меняются местами в разработке той или другой проблемы своего мировоззрения.

Марксистское мировоззрение называют по-разному – диалектико-материалистическим, коммунистическим, научно-социалистическим или гуманистическим. При этом ясно одно: эти названия – лишь стороны единого философско-исторического взгляда на мир и развитие человечества, принадлежащего как Марксу, так и Энгельсу. По сути дела, это единый обобщаю-

²⁵ Маркс писал: «Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий (в „Deutsch-Französische Jahrbücher“) поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (ср. его „Положение рабочего класса в Англии“); и когда весной 1845 года он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.

щий взгляд на природу, общество и историю, то есть на прошлое, настоящее и будущее человечества. Нельзя исключать, что, будучи учениками Гегеля, Маркс и Энгельс хотели повторить его духовный подвиг на новом, уже материалистическом основании, то есть поистине перевернуть его философскую систему «с головы на ноги». Не случайно современники, которые сталкивались с Марксом и Энгельсом, поражались глубине и необычности их взглядов. На самом деле, если вы поставите в один ряд «Диалектику природы» Энгельса, его «Происхождение семьи, частной собственности и государства», труды по истории социализма, сюжеты Маркса, связанные с подготовкой и написанием «Капитала», его работы по исследованию русской общины, тексты, анализирующие мировое революционное движение, его «Критику Готской программы», то в сознании возникает грандиозная картина целостной системы совершенно нового и небывалого доселе научного мировоззрения, которое до сих пор оказывает свое глубокое влияние на сознание миллионов людей.

Принято считать, что Маркс и Энгельс, осмысливая мировую историю, доказали историческую необходимость наступления коммунизма, представив его в качестве идеала общественного развития и «конечной цели» рабочего движения. Это на самом деле так. Только понимание этого идеала и этой цели в литературе не всегда трактуется адекватно их мировоззрению. Так, в общественном сознании достаточно распространено сугубо вульгарное экономическое понимание коммунизма как «совместного владения имуществом» на основе тотального господства государственной собственности, или как высшего развития сугубо потребительского общества, ценностями которого сегодня так увлечено большинство средств массовой информации и коммуникации.

Однако, как уже говорилось, такое понимание грядущего общества весьма далеко отстоит от марксистской трактовки его как «реального» или «практического» гуманизма, как преодоления всех видов социального отчуждения и создания подлинно свободного общества, в котором, говоря философским языком, общественная сущность и существование человека совпадают, где люди не противостоят, а дополняют друг друга. В отличие от современного буржуазного общества, где все продается и покупается, Маркс и Энгельс говорили о совершенно ином, а именно о свободном обществе, основанном не на корысти и денежных отношениях, а на сугубо творческих и человеческих отношениях между людьми.

Как свидетельствует история, не все, считающие себя коммунистами, соглашались с такой трактовкой будущего общества. Например, Сталин, читая книгу Г. Александрова «Философские предшественники марксизма», обратил внимание на цитируемые в ней слова Маркса о коммунизме как «присвоении человеческой сущности человеком и для человека». В этой связи он написал на полях книги: «К чему эта цитата?», «К чему это?». И эти вопросы были не случайны: вся практика сталинизма была во многом решительным отрицанием гуманистического идеала как неактуальной цели рабочего класса. Но именно о ней писал Маркс, доказывая, что только эмансипация человека от всех видов социального отчуждения может реализовать идеал «свободного человеческого общества». Говоря о такой эмансипации, Маркс подчеркивал, что ее суть «состоит в том, что она возвращает человеческий мир, человеческие отношения к самому человеку»²⁶.

Как в истории перейти к такому обществу? Было бы очень удобно и безопасно мыслить такой переход автоматически и бесконфликтно. Многие сторонники эволюционизма так его и мыслят, ссылаясь в том числе на Маркса, который неоднократно говорил об «отрицании капитала в рамках капитала». Однако подобная трактовка постепенного превращения капиталистической системы в ее противоположность, на мой взгляд, по меньшей мере поверхностна. Говоря о «самоотрицании капитала», Маркс имел в виду прежде всего либо вытеснение физического труда из сферы производства и замену его машинами, либо появление акционерного

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 406.

капитала, когда наемные работники становятся его ассоциированными собственниками. Но в том и другом случае он хорошо сознавал, что при этом частнокапиталистическое производство остается господствующим, даже несмотря на экономические кризисы, которые его потрясают.

Конечно, никакие экономические кризисы сами по себе не могут изменить социальную природу буржуазного общества. Это дело людей, а не анонимных технологических или экономических сил. История есть результат деятельности людей, создающих и изменяющих свои общественные отношения. Последние никогда не изменятся, если их не изменят сами люди, либо путем революции, либо путем реформы. Причем реформа нередко становится побочным продуктом революции или ее предпосылкой.

В последнее время наметилось стремление интерпретировать поздних Маркса и Энгельса как своеобразных оппортунистов, полностью отказавшихся от революции. Однако подобной метаморфозы у них никогда не было. Они, являясь последовательными сторонниками диалектического взгляда на историю, никогда не отказывались от революции как способа завоевания политической власти. Допуская возможность перехода власти в руки пролетариата путем демократических выборов, Маркс и Энгельс исходили из того, что это будет возможно только тогда, когда буржуазия осознает бесполезность сопротивления революционному классу ввиду его превосходства в силе. Но в этом случае переход власти из рук буржуазии в руки рабочих также является революцией, но только мирной по форме.

Насколько эта уверенность основателей марксизма оправдалась реальной историей? Ответить на этот вопрос непросто: необходим тщательный анализ всех социальных завоеваний и потерь, происшедших в мире за последние сто с лишним лет. На мой взгляд, нет сомнения в одном: общее направление мировой истории, указанное ими, оказалось верным. Это подтверждается не только социальными революциями прошлого, не только существованием стран «реального социализма», но и многими современными процессами в капиталистических странах, происходящими, например, в Латинской Америке. Есть и другие доказательства: например, никто не может опровергнуть истину о том, что в современном глобальном мире, и особенно в его наиболее развитой части, рабочий день законодательно сокращен до восьми и менее часов, продолжается движение ко всеобщей интеграции, автоматизации и информатизации производства, нарастают тенденции социализации общественной жизни и интеграции разных стран и народов. Все большее значение в общественной жизни сегодня приобретают научные знания, которые, обладая всеобщим характером, противостоят господствующим буржуазным отношениям.

Все вышеназванные тенденции, предсказанные Марксом и Энгельсом, настоятельно требуют сегодня контроля со стороны гражданского общества за стихией рынка и движением капиталов, сознательного отношения к природе, исключения войн из жизни человечества, преодоления всех форм социального, национального и духовного порабощения и отчуждения людей. Реализация этих требований и означает движение истории человечества к подлинно социалистическому и гуманистическому обществу.

Марксистское мировоззрение, у истоков которого стояли Маркс и Энгельс, сегодня продолжает оставаться предметом острой критики не только со стороны его идейных противников, но и его бывших друзей. Они, как уже говорилось, пытаются противопоставлять друг другу не только взгляды Маркса и Энгельса, но взгляды раннего и позднего Маркса²⁷. Скажу откровенно, я противник подобных во многом легковесных противопоставлений. Достаточно, например, сравнить сюжеты о деньгах и капитале в ранних «Экономико-философских рукописях» Маркса с аналогичными местами в «Капитале», чтобы понять одно: существенных противоречий в творчестве раннего и позднего Маркса нет²⁸. Постоянно развиваясь, мировоззре-

²⁷ См.: Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М. 2005.

²⁸ Здесь следует согласиться с Эрихом Фроммом, который считал, что «ядро идей молодого Маркса никогда не менялось.

ние Маркса в его основных положениях не претерпело и не могло претерпеть радикального изменения, ибо сохранялась, по сути своей, та действительность, которую оно отражало. Что касается различий во взглядах Маркса и Энгельса, то они, конечно, существуют, но не имеют, на мой взгляд, принципиального характера. Особенно наглядно об этом свидетельствует их переписка, в которой они нередко поправляют и развивают взгляды друг друга по наиболее сложным проблемам современной им науки.

К сожалению, в последнее время среди некоторых западных исследователей творчества Маркса и Энгельса стало модным говорить не только о различиях их теоретических взглядов, но и о их якобы пагубном влиянии на политику большевиков в России. Так, в частности, в работах современного шведского социолога Пера Монсона прямо говорится о правомерности постановки вопроса: «...В какой степени разработанные Марксом теоретические и политические идеи могли быть использованы его последователями для оправдания захвата власти во время русской революции в 1917 году, а затем для того, чтобы убить миллионы людей – как реальных, так и воображаемых противников режима?»²⁹.

И этот вопрос ставится несмотря на то, что между идеями основателей марксизма и политикой российских большевиков в XX веке лежит целая историческая эпоха качественно различных преобразований западного и российского общества, не говоря уже о принципиальной противоположности самих политических взглядов Маркса и Энгельса с одной стороны и Сталина с другой. Опыт истории показывает, что известное латинское выражение *post hoc ergo propter hoc* («после этого, поэтому из-за этого») применительно к данному вопросу является не столько истиной, сколько очевидным заблуждением.

Не менее спорным является попытка П. Монсона и тех авторитетов, на которые он ссылается, доказать принципиальное различие, даже противоположность философских, исторических и политических взглядов Маркса и Энгельса. По их выражению, Маркс и Энгельс не только никогда не были интеллектуальными «близнецами», но и использовали сугубо разные принципы и методы обоснования исторических явлений. Так, с их точки зрения, Энгельс был подвержен влиянию естественных наук, определенному позитивизму и схематизму в трактовке истории, а Маркс больше склонялся к общественным наукам и гуманитарным средствам познания общественно-исторических явлений и процессов. Энгельс искал философские основания марксистского мировоззрения в общих законах развития природы³⁰, а Маркс предпочитал познавать и осмысливать сугубо специфические законы движения человеческой истории. При этом Монсон и его коллеги уверены, что именно Энгельс в итоге не только сформулировал само понятие «марксизм», но и предвосхитил плехановскую трактовку «диамата» как мировоззренческую основу марксизма. Позднее эту трактовку использовали Ленин и Сталин. Последний ее применил, например, при написании главы по философии в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Если отвлечься от определенного отождествления Монсоном таких разных людей, как Каутский, Плеханов, Ленин и Сталин, то можно увидеть, что вышеприведенная им интерпретация творчества Маркса и Энгельса по большому счету не выдерживает критики. Она, по сути дела, является не только односторонней и тенденциозной, но и полностью противоречащей тому, что говорили и писали сами Маркс и Энгельс об их общем диалектико-материалистическом мировоззрении и политических взглядах друг друга.

И поэтому невозможно анализировать и понимать его поздние идеи о сути социализма и его критику капитализма иначе, чем опираясь на его концепцию человека, развернутую в ранних произведениях». См.: *Фромм Э.* Концепция человека у Карла Маркса. URL: <http://striphaus.ru/referats/materials/from/2.htm>.

²⁹ См.: Монсон П. Кто виноват? (К вопросу об ответственности Маркса и марксизма за практики СССР) / СССР. Незавершенный проект. М.: ЛЕНАНД. 2013. С. 469.

³⁰ См.: Монсон П. Кто виноват?. С. 477–478.

На мой взгляд, при внимательном изучении мировоззрения Маркса и Энгельса невозможно найти тех существенных научных различий, о которых говорит П. Монсон и такие его авторитеты, как Jones, Lichtheim, Vollgraf, White, Carver и др., к которым он часто отсылает читателя в своей статье.

В этой связи хочется заметить, что, обсуждая проблему единства мировоззрения Маркса и Энгельса, нельзя игнорировать (а именно это делает Монсон и его коллеги) тот исторический факт, что они, как уже было отмечено, с молодых лет были соавторами многих работ, в которых вырабатывалось их общий взгляд на историю. Достаточно для этого назвать «Святое семейство», где они во многом определили свое место в истории философии, ту же «Немецкую идеологию», в которой они путем критики господствующей тогда немецкой идеологии обосновали свой общий диалектико-материалистический взгляд на историю, наконец, их известный «Манифест Коммунистической партии», где они в глубокой и яркой публицистической форме представили свои общие социально-политические взгляды, связав их с деятельностью рабочего класса и появившейся тогда Коммунистической партией.

Хочется подчеркнуть, что на протяжении всей своей жизни и деятельности Маркс и Энгельс, углубляя и развивая свои философские, экономические и политические взгляды, никогда не отказывались от их общего мировоззрения, зародившегося в первой половине XIX века. Мало того, они активно использовали его в качестве методологической основы в своих конкретных научных исследованиях. Доказывать сегодня обратное, на мой взгляд, значит отказываться от таких важных доказательств и аргументов в осмыслении их творчества, как совместно написанные работы, их взаимная переписка и общие политические заявления.

Как уже отмечалось, Маркс и Энгельс с первых лет своего знакомства были учениками и последователями Гегеля. Заимствовав у него диалектический метод познания, они с его помощью стремились развивать общее им диалектико-материалистическое мировоззрение. При этом они не останавливались перед критикой Гегеля, когда тот, как идеалист, явно упрощал понимание природных процессов, сводя их, например, к сугубо механическим закономерностям, или видел конец мировой истории в создании явно идеализированного им Прусского государства. В итоге они в своих исследованиях материалистически полностью переработали гегелевскую диалектику, что позволило им добиться выдающихся результатов в познании и объяснении сложнейших процессов развития природы, общества и истории. Во всяком случае, без знания метода материалистической диалектики нельзя понять ни «Капитал» Маркса, ни «Диалектику природы» Энгельса.

Достаточно сказать, что благодаря материалистической диалектике Энгельсу удалось объяснить скрытую в то время от глаз многих естествоиспытателей специфику и взаимосвязь форм и процессов материального мира, проследить логику их движения от простейших механических закономерностей до сложнейших явлений и закономерностей органического и социального мира. Как известно, эти исследования нашли свое отражение не только в его «Диалектике природы», но и в таком полемическом произведении, как «Анти-Дюринг», в котором, между прочим, целая глава принадлежит Марксу. Характерно, что эти работы Энгельса принципиально отличны от соответствующих исследований, например, Дюринга, Бернштейна и Каутского, испытавших на себе на самом деле большое влияние позитивизма. В то же время, на мой взгляд, нет никаких оснований приписывать позитивизм работам Энгельса, как это делается в статье Монсона³¹. Во всяком случае, Энгельс никогда не говорил и не мог говорить, что законы развития истории являются всего лишь «специальными законами тех законов, которые действуют в природе»³².

³¹ В этом случае Монсон ссылается на Rigby, который утверждает, что последствия «позитивистского подхода Энгельса можно не только увидеть в реформистской практике СДПГ, но и в бесчеловечной политической практике большевиков». См.: СССР. Незавершенный проект. С. 480.

³² См.: СССР. Незавершенный проект. С. 478.

По моему мнению, не следует также думать, что Маркс, как гуманный, был в какой-то мере равнодушен или не разделял увлечение Энгельса естественными науками и диалектикой природы³³. Их большая и интересная переписка по поводу актуальных проблем современного им естествознания, в частности по поводу оригинальных идей, которые возникли у Энгельса утром 30 мая 1873 года, полностью противоречит тому, что утверждает Монсон³⁴.

Дело в том, что не только Энгельс, но и Маркс часто интересовался проблемами и достижениями в области естественных и математических наук. Достаточно прочитать в этом плане его многочисленные ссылки на работы естествоиспытателей в «Капитале». Он сам на протяжении многих лет увлекался высшей математикой. Об этом убедительно свидетельствуют его малоизвестные «Математические рукописи», в которых он, по мнению современных специалистов, представил свое оригинальное диалектическое прочтение анализа бесконечно малых величин³⁵. Следует заметить, что результаты этих исследований он, как правило, обсуждал с Энгельсом. Не случайно последний хотел их опубликовать после кончины Маркса.

Материалистическая диалектика, являясь эвристическим методом познания Маркса и Энгельса, вопреки современному мнению ее критиков, ничего общего не имела и не могла иметь с вульгарным советским «диаматом», который с помощью своих абстрактных и формальных категорий стремился обобщать и объяснять достижения различных естественных наук. По-своему возродив негативные стороны натурфилософии и метафизики, такой «диамат» не столько помогал, сколько мешал естествоиспытателям создавать адекватную научную картину мира. Видимо, отсюда у них и стало популярным известное выражение: «Физика, бойся метафизики!».

Общепризнанный характер марксизма как единого мировоззрения, разработанного Марксом и Энгельсом, в последнее время вновь стал ставиться под сомнение. Так, Пер Монсон и его коллеги на Западе (есть их сторонники и в России) полагают, что нельзя говорить о каком-либо едином мировоззрении Маркса и Энгельса. Они уверены, что поскольку философские основы марксизма больше развивал Энгельс, чем Маркс, например в «Диалектике природы», то начиная с 1890 года это мировоззрение или идеология «является скорее созданием Фридриха Энгельса, чем Карла Маркса». Отсюда, мол, и термин «энгельсизм» является гораздо более метким, чем «марксизм»³⁶. Во-вторых, по их мнению, сам термин «марксизм» принадлежит не Марксу, а Энгельсу, который ввел его в оборот якобы уже после смерти Маркса³⁷. Наконец, в-третьих, понятие «марксизм» не может быть их общим мировоззрением в силу различного понимания ими хода мировой истории, в частности имеющего непосредственное отношение к истории России и судьбе ее земледельческой общины.

Следует отметить, что в качестве доказательства последнего тезиса используется действительно имеющееся расхождение взглядов Маркса и Энгельса на роль и будущее русской общины в условиях становления российского капитализма.

³³ Монсон пишет: «...Нет ничего, что однозначно указывало бы, что Маркс разделял взгляд Энгельса на диалектику природы». См.: там же. С. 479.

³⁴ В этой связи интересна монография современного исследователя В. Н. Игнатовича, показавшего, какую роль сыграла материалистическая диалектика у Маркса и Энгельса в осмыслении ими проблем и достижений современного им естествознания. Он также подробно объяснил суть «грандиозного замысла», который возник у Энгельса в мае 1873 года и нашел свое отражение в «Диалектике природы». См.: *Игнатович В. Н.* Введение в диалектико-материалистическое естествознание. Киев, 2007. С. 49–50.

³⁵ См.: Математические рукописи Маркса. URL: http://www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-6701.htm

³⁶ СССР. Незавершенный проект. С. 479–480.

³⁷ «...Энгельс, – пишет Монсон, – пережил Маркса на двенадцать лет, и... именно в период между 1883 и 1895 годами вырабатывались основы того, что называлось „марксизмом“ и было воспринято как немецким, так и международным рабочим движением во Втором интернационале». См.: там же, с. 476. Однако как понимать факт использования самим Марксом понятий «марксизм» и «марксисты», например, в критике работ Лафарга? Похожее он говорил и в письме Вере Засулич в 1881 году: «Русские „марксисты“, о которых вы говорите, – писал Маркс, – мне совершенно неизвестны». См.: Письмо Карла Маркса Вере Засулич. URL: <http://www.marksizm.info/content/view/4046/>.

В чем же заключалась особенность точки зрения Энгельса по данному вопросу? Исходя из того, что Россия в XIX веке уже вступила в эпоху капиталистического развития, Энгельс считал, что русская община была обречена на вымирание. По его мнению, шанс на выживание у нее мог появиться лишь в том случае, если на Западе, а затем и в России произойдут антибуржуазные революции. Таким образом, он считал, что историческая судьба русской общины будет целиком зависеть от ближайших успехов социалистической революции на Западе.

Иной позиции по этому вопросу придерживался Маркс. Он полагал, что у русской общины все-таки есть определенный шанс миновать капитализм, став «отправной точкой» социалистических преобразований, прежде всего в самой России. По его мнению, этот вывод был обусловлен историческим своеобразием самой русской общины, которая, в отличие от аналогичных архаических общин Западной Европы, сумела сохраниться в национальном масштабе.

При этом Маркс был против тех, кто пытался оправдывать ее историческое исчезновение ссылками на его теорию зарождения и развития капитализма, которую он представил в первом томе «Капитала». Здесь следует сослаться на его написанный в 1877 году непосланный ответ одному из критиков «Капитала» в журнал «Отечественные записки». Из этого ответа следует, что он был не согласен прежде всего с теми, кто видел в его очерке о первоначальном накоплении капитала, представленном в «Капитале», «историко-философскую теорию общего развития», которая может применяться «ко всем народам независимо от того, в каких исторических обстоятельств они находятся»³⁸. По его мнению, такая «надысторическая» точка зрения не помогала, а мешала понять особенности российской действительности, включая своеобразие русской общины.

Исходя из этих слов, современные критики марксизма утверждают, что якобы Маркс в конце своей жизни пересмотрел свою концепцию мировой истории, которая была им сформулирована в его знаменитом предисловии к первому изданию «Капитала». При этом они совершенно не учитывают других важных слов Маркса из его ответа автору «Отечественных записок», свидетельствующих о том, что позиция Маркса по проблеме русской общины была далеко не однозначной. Вот эти слова: «...Если Россия продолжит идти по пути, взятому в 1861 году, то она упустит удобный шанс, когда-либо данный нации историей, и вместо этого будет вынуждена подчиниться всем роковым переменам капиталистического режима»³⁹.

Рассмотрим более подробно данную неоднозначную ситуацию, связанную с научным пониманием Маркса русской общины, к которой Маркс позднее специально вернулся в известном письме к Вере Засулич. Это понимание, на мой взгляд, имеет сегодня не только большую методологическую, но и политическую значимость⁴⁰.

В этой связи напомним: в своем предисловии к первому тому «Капитала» Маркс говорил, что на примере Англии можно проследить все стадии становления и развития капиталистического способа производства, через которые рано или поздно пройдут многие страны, включая Германию, Францию и др. государства Западной Европы. При этом он пояснял: «...Если немецкий читатель захочет фарисейски пожать плечами по поводу условий британских промышленных и сельскохозяйственных рабочих или оптимистично успокоить себя тем, что в Германии все еще не так плохо, то я должен сказать ему: *de te fabula narratur!* (о тебе речь идет)

³⁸ Цит. по: СССР. Незавершенный проект. С. 473.

³⁹ СССР. Незавершенный проект. С. 473.

⁴⁰ Весьма характерно, что спустя более ста тридцати лет после смерти Маркса на его оценке русской общины и перспектив ее развития сегодня пытаются спекулировать не только идейные наследники «народничества», но и неосталинисты, связывающие русскую общину со сталинской теорией создания социализма и «успехами» коллективизации в СССР. См.: Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. Заключение. М.: Изд. Моск. ун-та, 2003.

... Промышленно развитая страна показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего»⁴¹.

Как известно, эту теорию общих закономерностей развития истории Маркс развивал и в других своих работах, начиная с Манифеста Коммунистической партии и кончая французским изданием «Капитала». Тем не менее идеологи народничества в России, при всем их уважении к научному авторитету Маркса, не могли принять теории о неизбежности прохождения Россией капиталистического пути развития, приносящего, по опыту западных стран, невиданные бедствия для трудящихся, и прежде всего для русских крестьян. По их мнению, Россия, в которой сохранилась община, охватывающая собой сотни тысяч крестьянских хозяйств, могла и должна была на практике избежать капиталистической стадии развития. Более того, они видели в русской общине прообраз будущего социалистического строя. Поэтому они решили узнать личное мнение Маркса по данному вопросу. С этой просьбой и обратилась к Марксу Вера Ивановна Засулич, написав в феврале 1881 года ему соответствующее письмо.

Ответ Маркса от 8 марта 1881 года был лаконичен. Вот его содержание:

«...Достаточно будет нескольких строк, чтобы у вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: „В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути“ („Капитал“, франц. изд., стр. 315). Следовательно, „историческая неизбежность“ этого процесса точно ограничена странами Западной Европы.

Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы: „Частная собственность, основанная на личном труде... вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном“⁴².

В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность.

Анализ, представленный в „Капитале“, не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным вам,
Карл Маркс»⁴³.

Итак, как мы видим, в этом кратком письме Маркс не дает однозначного ответа по поводу судьбы русской общины. Такой ответ у него есть лишь по поводу неправильного понимания его «мнимой теории» исторического процесса, представленной в предисловии к первому тому «Капитала». Этот ответ совпадает с тем, что он писал ранее в своем неотправленном письме

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 263.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 341.

⁴³ См.: Письмо Карла Маркса Вере Засулич. URL: <http://www.marksizm.info/content/view/4046/>. Это письмо написано К. Марксом 8 марта 1881 года. Впервые опубликовано в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», книга 1, в 1924 году. (Выделения в приведенном тексте письма сделаны мною. – Б. С.)

в «Отечественные записки» по поводу уже цитируемого нами одностороннего или догматического понимания его очерка становления капитализма в Англии. Маркс был уверен, что люди сами творят свою историю и потому историческая истина не сводится к абстрактным философским понятиям, а всегда имеет конкретный характер.

Что касается исторической судьбы самой русской общины, то, по Марксу, она двояка и условна. Это связано с ее своеобразной дуальной формой существования: наличия у нее, с одной стороны, общественной собственности на землю, с другой – частного характера обработки земли, соответствующего индивидуального домовладения и ведения дворового хозяйства. По данным исторических источников, которые изучал Маркс, самые первые исторические варианты общин имели общие дома для всех членов общины и общее ведение хозяйства.

Первая характеристика общины (то есть общая собственность на землю) дает возможность избежать капиталистической стадии исторического развития, став «отправной точкой» ее «социального возрождения», но это может произойти лишь при условии, если община сумеет «устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон». В случае, если ей не удастся этого сделать (то есть избежать «тлетворного влияния»), она обречена пройти через все муки своего разрушения, которые связаны с капиталистическим развитием России. Как отмечал Маркс ранее, это «тлетворное» или пагубное влияние особенно усилилось в России после отмены крепостного права в 1861 году.

Следует также заметить, что из краткого ответа Маркса Вере Засулич прямо не вытекают его ответы на ряд других, не менее важных вопросов, касающихся русской общины⁴⁴. В частности, почему эта община может избежать стихийного вымирания, как это случилось с подобными общинами в других странах? Какие конкретно «тлетворные влияния» грозят ее существованию? Но, самое главное, как она реально может устранить эти «влияния», идущие на нее со всех сторон?

К счастью, ответы на эти вопросы у Маркса имелись: их находим в его черновых вариантах письма Вере Засулич. Приведем их.

Повторим, по его мнению, русская община отличается от подобных ей архаических общин в других странах тем, что она сохранилась в России как коллективный субъект производственной деятельности в широком национальном, а не местном масштабе, что было присуще соответствующим общинам Западной Европы. Таким образом, она стала «современницей более высокой культуры», связанной «с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»⁴⁵. Тем самым она, в отличие от своих исторических предшественниц, в определенной мере уже приспособилась к новым буржуазным порядкам.

Маркс считал, что наличие определенного частного элемента в общине может ей помочь в будущем безболезненно усвоить, например, прогрессивные элементы капиталистического развития, связанные с ростом индивидуальной культуры, технологическим прогрессом в сельском хозяйстве: появлением с/х машин для обработки больших участков земли, использованием севооборота, применением удобрений и т. п.

По Марксу, капиталистическое производство, с одной стороны, «чудесным образом развило общественные производительные силы», но, с другой, «оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает»⁴⁶. Такая несовместимость говорит о том, что капитал уже прошел пик своего прогрессивного развития и потому его история все больше становится историей «антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий». В этом смысле, по его мнению,

⁴⁴ Почему он их не привел в своем кратком варианте письма, остается открытым вопросом. На мой взгляд, это, возможно, результат сомнений Маркса, связанный с соответствующими возражениями со стороны Энгельса, который рассматривал судьбу русской общины пессимистически и допускал ее возрождение лишь при условии осуществления социалистической революции на Западе.

⁴⁵ См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич. URL: <http://www.marksizm.info/content/view/4046/>.

⁴⁶ Там же.

только слепой может не замечать «преходящего характера» капитализма⁴⁷. Из сказанного следует, что в этом случае у русской общины появляется историческое оправдание замены частной капиталистической собственности «высшей формой архаического типа собственности, то есть собственностью коммунистической»⁴⁸. Как мы видим, здесь Маркс фактически говорит о принципиальной возможности возвращения истории к «архаической», но в то же время более прогрессивной форме социально-экономического устройства, чем частнокапиталистическая форма производства и общения людей⁴⁹.

По его мнению, если же этого не случится и в России восторжествует капиталистическое производство, то огромное большинство крестьян, то есть русского народа будет «превращено в наемных рабочих и, следовательно, экспроприровано путем предварительного уничтожения его коммунистической собственности»⁵⁰. Как подчеркивал Маркс, здесь нельзя сбрасывать со счетов реально существующие негативные факторы, грозящие общине. Это прежде всего сохранение помещичьей собственности на лучшую землю, постоянно усиливающаяся государственная и капиталистическая эксплуатация общины со стороны новых буржуазных «столпов общества», низкая производительность традиционного общинного труда и другие негативные факторы «нового времени».

Таким образом, исходя из сказанного, у русской общины остается только один шанс на выживание – совершение как можно раньше социальной революции, которая вдохнет в общину новую жизнь, превратив ее в «точку» или «отправной пункт» социалистического преобразования и возрождения России. Вот подлинные слова Маркса по этому поводу: «С одной стороны, „сельская община“ почти доведена до края гибели; с другой – ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»⁵¹.

Повторим еще раз, общий вывод Маркса из письма Вере Засулич условен: только тогда русская община может стать отправной точкой отсчета в социалистическом преобразовании России, если в ней произойдет социалистическая революция. Если же русские революционеры совершить ее не смогут, русская община распадется под влиянием капиталистического развития и тех социальных сил, которые в этом заинтересованы.

Как показала история XIX века, народники, делающие ставку на общину, не сумели использовать имеющийся у них единственный шанс на превращение России в социалистическую страну. Как известно, их тактика индивидуального террора не дала необходимого результата: в итоге предполагаемой революции в XIX веке не произошло. Поэтому силы разрушения общины, исходящие от помещиков и капиталистов, о которых предупреждал Маркс, взяли вверх, и страна стала развиваться по капиталистическому пути со всеми его классовыми антагонизмами, кризисами, войнами и революциями.

Со временем стало ясно, что анализ Маркса, проведенный в «Капитале» по отношению к капиталистической Англии, оказался верным не только для стран Западной Европы, но и для самой пореформенной России. В этом смысле фразу Маркса «*de te fabula narratur!*» теперь можно было отнести и к странам Восточной Европы, и к России, что нашло, на мой взгляд, свое отражение в предисловии ко второму русскому изданию Коммунистического манифеста 1882 года, подписанного не только Энгельсом, но и Марксом⁵².

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Маркс писал, ссылаясь на одного американского писателя, которого, по его словам, «никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях»: «„Новый строй“, к которому идет современное общество, „будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа“. Итак, не следует особенно бояться слова „архаический“». См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич. URL: <http://www.marksizm.info/content/view/4046/>.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Разные варианты письма Карла Маркса Вере Засулич. URL: <http://www.marksizm.info/content/view/4046/>.

⁵² Вот его текст: «...Может ли русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего вла-

После смерти Маркса эту позицию неоднократно подтверждал Энгельс, начав работать над подготовкой к изданию второго и третьего томов «Капитала», оставленных Марксом в разрозненных рукописях. Некоторые из этих рукописей, включая записки по русской общине, к сожалению, не вошли в эти тома. Время покажет справедливость его решений. Относится это и к тем текстам, которые подробно раскрывали конечные цели и идеалы рабочего движения. Вместе с тем профессиональная работа, проведенная Энгельсом над этими томами, лишний раз показывает общность мировоззрения Маркса и Энгельса, которое, на мой взгляд, вполне закономерно, а не случайно называется «марксизмом».

На рубеже XIX и XX веков марксизм стал распространяться по всему миру. Нашел он своих последователей и в России. В одно время он даже стал модным течением, понятия которого часто употребляли не только идейные выразители интересов рабочего класса, но и представители либеральной интеллигенции, сводящие нередко понимание марксизма к вульгарному экономизму. Однако увлечение марксизмом у них было недолгим. С появлением Социал-демократической рабочей партии марксизм становится основным мировоззрением и идеологией российского рабочего класса.

В этой связи всестороннее осмысление закономерностей развития буржуазной России стало принадлежать уже не столько «либералам» и «народникам», сколько марксистам, и прежде всего таким их выдающимся представителям, как Плеханов и Ленин. Но это уже совсем другая история, о которой подробнее пойдет речь в других текстах книги.

дения земель – непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 304–305.

Г. Водолазов

Предтечи революции и социализма в России

Октябрь как проблема

Октябрь – сложное и внутренне противоречивое явление, содержащее в себе **разные** альтернативы и интенции. Две основные: одна – народно-демократическая, ставящая задачу удовлетворения материальных и духовных потребностей народа, создания системы народоправства, демократической власти трудящихся; другая – делающая акцент на насилии как способе решения всех проблем и толкающая общество к антидемократическому, тоталитарному режиму государственной власти.

И две основные социальные силы, питавшие эти тенденции. Одна – политически и культурно развитые рабочие, типа, условно говоря, Ивана Бабушкина, Якова Дубровинского, Александра Шляпникова. И другая – Шариковы, Швондеры, герои платоновских повестей, ограниченные, малокультурные, примитивно мыслящие люди, понимающие «социализм» как казарму военно-коммунистического типа («казарменным коммунизмом» называл Маркс подобную систему взглядов).

В революционных событиях 1917 года они шли вместе, плечом к плечу. Они вместе боролись за изменение ситуации в стране, за улучшение жизни простых людей, угнетенных и униженных в романовской России. Но по-разному видели будущее и способы борьбы за него.

Это противоречие культурно развитых сил революции и революционной (но темной, но культурно неразвитой) массы зримо проявилось уже в первые Октябрьские дни. «Ужас! – восклицал один из большевистских лидеров в дни переворота. – Наши революционные рабочие в Зимнем на „Рафаэле“ колбасу режут...» И этот знаменитый эпизод с Луначарским, одним из лидеров просвещенных революционных сил, описанный Джоном Ридом: «15 (2) ноября комиссар народного просвещения Луначарский разрыдался на заседании Совета народных комиссаров и выбежал из комнаты с криком: „Не могу я выдержать этого! Не могу я вынести этого разрушения всей красоты и традиции...“»

Вечером в газетах появилось его заявление об отставке:

„Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы. Что еще будет? Куда идти дальше? Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён. Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу в отставку из Совета народных комиссаров. Я сознаю всю тяжесть этого решения, но я не могу больше...“».

Не мелочи, не пустяки, не какие-то второстепенные мировоззренческие частности разделяли эти две революционные силы. «Звериная злоба», выливающаяся в «тысячи жертв», – на одной стороне. И абсолютное неприятие этого – на другой.

Конечно, у интеллигентнейшего Анатолия Васильевича немного сдали нервы. И более стойкие его соратники упростили Луначарского остаться: предстоит борьба не только с силами монархии и капитала, но и внутри революционной массы – с темнотой, невежеством и жестокостью ее участников. И дезертировать с этого, становившегося все более главным участка борьбы культурным деятелям революции непозволительно.

Собственно, после окончания Гражданской войны, после победы над силами контрреволюции решался кардинальный вопрос дальнейшего социального развития страны: кто будет

определять маршрут движения России – «Бабушкины» и «Шляпниковы» (поддерживаемые «Луначарскими») или невежественная и «злая» масса Швондеров и Шариковых (науськиваемая и поощряемая политиками, которые впоследствии составят сталинскую команду).

Количественный перевес был, увы, на стороне последних. Но была одна политическая фигура, которая в программных установках и реальной деятельности обеспечивала доминирование *культурных* революционных сил. Этой фигурой в начале 1920-х годов был В. И. Ульянов (Ленин). Его, как он однажды выразился, «коренной» пересмотр взглядов на социализм, связанный с разработанной им Новой экономической политикой, его критика «леваков» (работа «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»), его последние статьи (называемые «политическим завещанием»), в центре которых нэп, кооперация, культурная революция, наметили основные контуры будущего Культурного Социализма. «Культура» стала всеопределяющим словом-паролем Нового Социализма. И постепенно к этим позициям «просвещенного социализма» подтягивались Николай Бухарин (пересмотревший свои позиции начала 1920-х годов, периода написанной им с Преображенским «Азбуки коммунизма»), Леонид Красин, Алексей Рыков, Михаил Томский, Анатолий Луначарский...

Но в 1924 году умер Ленин. И силы, влияние Культурного Социализма были катастрофически ослаблены. Сталинская команда Швондеров брала постепенно всю полноту власти. Члены так называемой «ленинской гвардии» расстреливались в подвалах Лубянки или гибли за колючей проволокой ГУЛАГа. Ленинское политическое завещание было затоптано своей получивших безраздельную власть казарменных псевдокоммунистических бюрократов. Надежды на Культурный Социализм угасали.

Сталинский «социализм» не был действительным социализмом, формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве. Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было «свободного труда». Там не было народоправства, вся власть – и экономическая, и политическая – сосредоточивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Вообще эта формация была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там – особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания – и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 17-го года. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра», была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому – «номенклатура») определяла общее лицо системы и логику ее движения.

Любопытно, что уже на ранних стадиях функционирования этой псевдосоциалистической, бюрократической системы (с конца 1920-х годов!), как было подмечено Юрием Лариным (известным экономистом и политиком той поры, хорошо знакомым изнутри с логикой той системы), бюрократическое сословие потянулось к богатству и обогащению и постепенно, потихоньку-полегоньку нацеливалось на то, чтобы превратить *корпоративно*-бюрократическую собственность в *частно*-бюрократическую, на то, чтобы *приватизировать* блага и привилегии, привязанные к их бюрократическим креслам. Отвязать бы их от этих кресел и привязать к себе, лично! Перечисляя способы «деятельности частных капиталистов» в эпоху нэпа, Юрий Ларин указывал на наличие их «соучастников» и «агентов» в государственном аппарате. «В составе государственного аппарата, – фиксировал он, – был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые... служа в хозорганах... в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем пере-

качивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и „становились на собственные ноги“». «Под лжегосударственной формой существования частного капитала, – пишет он далее, – я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным изготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, изготовитель и т. д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному»⁵³. Так *корпоративно-бюрократическая* (государственно-бюрократическая) собственность рождала тенденцию своего перерастания в *государственно-капиталистическую*.

А к середине 1930-х годов эта тенденция уже становилась все более преобладающим мотивом деятельности значительной части правящей бюрократии. И это блистательно (хотя и с вполне понятной горечью) зафиксировал один из главных творцов Октября, к тому времени вышвырнутый этой самой бюрократией из страны, Л. Д. Троцкий. Вот эти его глубоко пророческие характеристики: «Когда же напряжение отошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни... в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Шло *освобождение мещанина в большевике* (выделение мое. – Г. В.)». «Если сейчас (в 1930-е годы. – Г. В.)... она (номенклатура. – Г. В.) сочла возможным ввести чины и ордена, – замечает Троцкий, – то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»⁵⁴. Об этом же, о процессе «освобождения мещанина в большевике», повествовал Маяковский – в «Клопе» и «Бане».

А уж 1970-е годы, годы «брежневизма», были годами полного разложения государственно-бюрократической формации, годами истощения ею всякого исторически прогрессивного содержания, и одновременно – «золотым веком» для номенклатуры, приступившей (пока под покровом партийных лозунгов и идеологического трепана о том, что у нас «все – для человека») к скрытному массовому «первоначальному накоплению» богатств в своих руках (в прочном, добавим, союзе с теневой, околопартийной экономикой, опорными точками которой были «Управления делами» различных партийных и государственных органов).

При Горбачеве эта «номенклатурная приватизация», уже не слишком таясь, шла бешено нарастающими темпами. В 1990-е годы она уже была совершенно легализована. И превратилась в олигархический шабаш.

Иначе говоря, «лихие девяностые» не только не были, как иногда думают, *прямой противоположностью* сталинско-брежневской системы, но были *продолжением* целого ряда специфических частнособственнических тенденций, формировавшихся в лоне государственно-бюрократического правления.

⁵³ См.: Ларин Ю. Частный капитал в СССР / Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993. С. 446.

⁵⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 210.

Противостоять этим двум родственным (хотя и обладающим своей существенной спецификой) системам и идеологиям по-настоящему способна лишь идеология Культурного (Демократического) Социализма, основы которой формировались культурной, развитой частью революционных масс в дни Октября и в первые годы после его победы. Эта идеология, преследуемая, загоняемая в подполье, тем не менее продолжала существовать и в сталинское лихолетье, и в застойные брежневские времена. Достаточно назвать имена некоторых ее представителей, находивших способы под гнетом охранительно-бюрократической цензуры доводить идеи демократического, культурного социализма до своих соотечественников: Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, Александр Твардовский (и вся его «команда» «Нового мира»), Михаил Гелфанд, Андрей Сахаров, Юрий Буртин, Игорь Дедков, Татьяна Заславская, Кива Майданек, Юрий Красин, Владимир Хорос, Евгений Плимак, Игорь Пантин, Вадим Межуев, Георгий Багатурия, Солтан Дзарасов, Владислав Келле, Матвей Ковальзон, Валентин Толстых, Борис Славин. И – более молодое поколение: Александр Бугалин, Борис Кагарлицкий, Андрей Колганов, Алла Глинчикова, Людмила Булавка... В общем, как говорил один тургеневский герой, представитель нарождающегося в России освободительного движения, «нас не так мало, как вы полагаете...»

Демократический, культурный социализм (блистательно обозначенный Марксом как «реальный гуманизм») – в этом надежда и спасение, в этом будущее России.

И, разрабатывая теорию «реального гуманизма» применительно к современным условиям, очень важно будет внимательнейшим образом проследить историю возникновения и развития идей культурного социализма в их противостоянии с идеями псевдореволюционной «бесовщины», на несколько десятилетий взявшими верх в нашем Отечестве. Важно будет наглядно, убедительно разделить эти два течения-антипода, недобросовестно объединяемых радикально-либеральными идеологами в целях компрометации социализма вообще (и в первую очередь в его демократически-гуманистических формах).

Это большая задача, большая работа – на долгий срок. Мы хотели бы ее начать несколькими весьма выразительными штрихами.

Чернышевский и Герцен: послание потомкам

Завет Чернышевского

Много глупостей написано о Николае Гавриловиче Чернышевском.

Одни (сегодня имя им – легион) с либерально-гуманистическим пафосом, негодуя пишут: «Чернышевский? Да это тот, который „звал Русь к топору“! И закончились эти призывы топорами кровавых сталинских репрессий. А ну его!».

Другие (оттертые на обочину идейно-политической жизни, а когда-то, в эпоху «реального социализма», – законодатели идеологических мод) слегка примолкли, но продолжают в своих маргинальных изданиях тянуть свои старые песни: «Да, звал к топору. И правильно делал! Как же без революции?».

Глупости – и то, и другое. Ни к какому «топору» не звал Николай Гаврилович. Наше время – это время сплетен. *Текстов* статей, книг идейных оппонентов не читают. Свои суждения на них не основывают. Все время ссылаются на какие-то частные разговоры и косвенные свидетельства. Вот кто-то там в эмиграции кому-то сказал, что Ленин этому «кому-то» однажды якобы сказал, что он готов уничтожить 9/10 русского народа во имя остающейся 1/10 – и поднимается на основе этой «информации» вой: вот каков этот Ленин – кровавый палач и ненавистник русского народа. Да у Ленина 55 томов текстов, открытых для всеобщего чтения и обозрения! Ну откройте их, ну найдите хотя бы отдаленный намек на вашу сплетню!

Мне хорошо понятна мотивация этих разносчиков сплетен. Тут говорит их классовый, сословный интерес. Ну хочется представить им дело так, что Колчак, Врангель – святые люди,

ибо колчаковцы видели в социальном неравенстве благо. А это – моральное оправдание разносчикам сплетен, оправдание их богатств, награбленных в «лихие 90-е». А вот ленинцы – это «мерзавцы», ибо выступают за социальное равенство, требование которого ставит под угрозу миллиардо-долларовые состояния современных колчаковцев! Тут любая сплетня желанна. Чего ж тут удивляться? Чего ж тут не понять?

Ну и социалист Чернышевский, который Ленина «всего перепыхал», конечно же, у них из разряда извергов кровавых: к топору, гад, звал Россию.

Оставьте же, наконец, вы эту сплетню, господа хорошие. Давно доказано и передоказано серьезными историками, бережно относящимися к фактам, что фраза о «топоре» принадлежит деятелю из того круга людей, к которым Чернышевский относился с большим подозрением и нескрываемой иронией⁵⁵.

Так что же, спросите вы, Чернышевский был вообще против революционной борьбы, против революции?

Да, отвечаю я, он действительно хотел бы избежать революции. Но не с помощью идиотских уверений, свойственных и некоторым нашим современникам, что «лимит на революции исчерпан». Его позиция – другая. Исключительно глубокая и в высшей степени поучительная для нынешнего поколения людей, готовящихся преобразовать Россию.

Вот его, по сути, Завещание. По нему и следует судить-рядить о Чернышевском.

Впрочем, для него оно не было «Завещанием». Оно *стало* таковым, по сути. Дело в том, что через пару месяцев его деятельность была пресечена. По сфабрикованному подлогу Чернышевский был приговорен судом «гуманного» императора Александра II к 14 годам каторги. По сути, это была форма убийства оппозиционного журналиста, террористический акт самодержавного государства. «Чернышевский был вами выставлен к столбу, – откликнулся на этот варварский приговор Герцен, – а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему. Проклятье вам, проклятье – и, если возможно, месть!» И – дальше: «неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образ для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста»⁵⁶.

«Завещание» Чернышевского называлось «Письма без адреса». Хотя адрес легко угадывался: Александр II. Это был очень серьезный и очень ответственный разговор с Властью.

Начинается он с очень откровенной и ясной обрисовки диспозиции: «Милостивый государь! Вы недовольны нами. Это пусть будет как вам угодно: над своими чувствами никто не властен, и мы не ищем ваших одобрений. У нас другая цель, которую, вероятно, имеете и вы: быть полезными русскому народу. Стало быть, не от нас вы и не от вас мы должны ждать настоящей признательности за ваши и наши труды»⁵⁷. И так, он идет на переговоры с Верховным правителем, но не рядится в тогу его советчика. Он не скрывает: мы по разные стороны баррикад. Но обстоятельства жизни русского народа и наше с вами в них положение складываются таким образом, что нам с вами придется сесть, что называется, за стол переговоров. Мы обязательно должны объясниться, мы должны понять предгрозовую ситуацию, в которой оказалось российское общество и мы с вами, как его часть. Иначе – Беда. Беда – и народу, о котором мы с вами так печемся, и вам, властителям, и нам, партии просвещения, партии русской демократической интеллигенции. Легкого, простого выхода из этой ситуации нет. «Вы сваливаете вину своих

⁵⁵ Вот где о пресловутых «топорах». П. Г. Заичневский, прокламация «Молодая Россия» (1862): «Скоро, скоро наступит день, когда мы... двинемся на Зимний дворец истребить живущих там... Мы издадим один крик: „в топоры“ и... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь». И «Письмо из провинции» («Колокол», 1860): «К топору зовите Русь!». (В. Кантор: «Сейчас уже ни для кого не секрет, что автором этого страшного письма был Огарев».)

⁵⁶ Герцен А. И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 210.

⁵⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 90.

неудач на нас; некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас или вы были правы в таком объяснении своих неудач. Тогда задача решалась бы очень легко устранением внешнего препятствия успеху дела». И дальше – главное (что стоит выделить жирным шрифтом): **«Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному»**. Почему же? «Апатичен остается народ: какой же результат могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользах, хотя бы вы или мы и остались на поле действия одни?»⁵⁸ «Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь полезное для него»⁵⁹. Но однажды под давлением жизненных тягот он вынужден будет подняться на свою защиту – такая развязка событий чревата...

И далее – **центральное место статьи**:

«Когда люди дойдут до мысли: „ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел“, они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все лица и общественные слои, отдельные от народа, *трепещут этой ожидаемой развязки* (то есть революции. – Г. В.). Не вы одни, а также и *мы* желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее, даже тот из наших интересов, который мы любим выставлять как единственный предмет наших желаний, потому что он совершенно чист и бескорыстен, – интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. *Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию.*

Потому *мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел.* Нас так ослепляет страх за себя и свои интересы, что мы не хотим даже рассуждать, какой ход событий был бы полезнее для самого народа, и мы готовы для *отвращения ужасающей нас развязки* забыть все: и нашу любовь к свободе и нашу любовь к народу.

Под влиянием этого чувства обращаюсь к вам, милостивый государь, с изложением моих мыслей о средствах, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для вас и для нас» (курсив всюду наш. – Г. В.)⁶⁰.

Тут-то и изложена вся суть дела. Чернышевский против *революционного* способа разрешения социального тупика, ибо результат будет печален для всех – и «для вас», и «для нас», и «для самого народа». Он пытается разъяснить это правящим силам, склоняя их к принятию необходимых шагов навстречу народным интересам. И вместе с тем мало рассчитывает на успех этой своей попытки – слишком силен эгоизм сословия, стоящего у власти. Эгоизм этот отбивает даже чутье опасности, которая грозит самому этому сословию. Да, Чернышевский осознает: слишком ничтожны шансы достучаться до разума власть имущих. И все же он делает эту почти безнадежную попытку: а вдруг хоть что-то прочистится в мозгах правящих. И, во всяком случае, он сделал все, что мог, для цивилизованного (не кровавого) разрешения социальных противоречий. Он предупредил. Не внемлите – получите революционное потрясение, когда всем мало не покажется.

Короче: Чернышевский не зовет ни к «топорам», ни к революции. Но вся политика правящего слоя такова, что она (эта политика!) подготавливает революционный взрыв. И в случае, если это все-таки произойдет, то задача партии прогресса, «партии Чернышевских», будет не

⁵⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 91.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. X. С. 92.

в том, чтобы проклинать начавшуюся против ее воли революцию, а попытаться ввести ее в более или менее цивилизованное русло.

Герцен против Бакунина: нельзя «шагать из первого месяца беременности в девятый»

Завещание Герцена. Оно, как и у Чернышевского, – в письмах-статьях. Только не к Верховному правителю России, а – «К старому товарищу». То есть к Михаилу Бакунину, с которым они вместе, с молодых лет, шли, связанные единой страстью революционного преобразования России. И вот в конце жизни Герцен итожит их опыт деятельности, прокладывая широкий водораздел между собой и своим старым другом и предлагая читателю выбирать, по какую сторону водораздела готов он встать.

Выбирая ту или другую сторону, надо очень внимательно присмотреться к тому различию пространств, как оно представляется Герценом. Надо поосновательнее вникнуть в тонкости герценовского письма. Иначе можно чересчур грубо, примитивно, упрощенно понять описываемое Герценом различие позиций. Что уже не раз случалось в герценоведении, когда суть этих разногласий видели в отходе Герцена от прежних своих идеалов – идеалов революции и социализма, по какой причине и возникала его острая критика Бакунина, остававшегося на позициях революционера-социалиста. В общем: мирно настроенный, склонный к либерализму просветитель против страстного революционера и социалиста.

Ничто не может быть примитивней такой оценки. Дело совсем, совсем в другом. Великого человека, – сказал как-то Плеханов о Белинском, – легче не понять, чем понять. «Легче» – ибо содержание его писаний кажется легко схватываемым. Но не заблуждайтесь. За внешней простотой у «великих» – глубокое, скрытое от поверхностного взгляда содержание, что называется, с двойным, а то и тройным дном. Не просто пробиться к этим глубинам. Придется пустить в ход всю свою эрудицию, свою интеллектуальную энергию. «Легче не понять» – это и о Герцене. Попробуем же, осторожно и аккуратно двигаясь по тексту его статьи, понять истинные смыслы его утверждений.

Начнем с того, что его расхождения с Бакуниным совсем не по линии «социализм» – «не социализм». Нет, пишет Герцен, «нас занимает *один и тот же* вопрос». И «конечное разрешение» его (то есть достижение рубежа социалистических идеалов) «у нас обоих *одно*». «Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений» в главном; «дело между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала»⁶¹.

И в чем же суть отмеченных Герценом разногласий? «Ты, – обращается он к Бакунину, – рвешься вперед по-прежнему со страстью разрушения... Я не верю в прежние революционные пути...» (там же, с. 410). Ну вот, сделает быстрый вывод простодушный читатель, Бакунин верит в революционные средства борьбы, Герцен – нет. Но вчитайтесь в текст Герцена повнимательней. Он не верит лишь в *прежние* революционные пути. Вы понимаете – в «прежние»! У него складываются новые, отличные от *прежних*, представления о революционно-преобразовательной деятельности. В *этом* суть дела.

И каково же содержание этой новизны? В основе прежних революционных представлений лежит идея *радикального насилия*, ломающего старый социальный мир и создающего новый мир социального равенства. И такой революционный радикализм, в общем-то, понятен. «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима». Эта-то «невыносимость» и порождает страстное желание ускорить исторический процесс, «и многие из нас... торопятся и торопят других» (с. 400). Но опыт этих страстных порывов (в которых Герцен принимал ту или другую степень участия) вынудил его уточнить ряд своих теоретических постулатов.

⁶¹ Герцен А. И. Сочинения в девяти томах. Т. 8. М., 1958. С. 399.

Он пишет, к примеру, о «тяжелых испытаниях» революционных событий 1848 года, об этом «примере кровавого восстания, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь». И какие из него извлекаются уроки? С одной стороны, хотя восставшие были смелы и самоотверженны, но оказалось, что у них, по сути, «нет знамени». И «что было бы, – задается вопросом Герцен, – если б победа стала на сторону баррикад?». Поскольку у восставших не было «ни одной построяющей, органической мысли», то их «экономические промахи, не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти». Иначе говоря, подытоживает он, «насилием» – без ясных программ преобразований, без опоры на массовые социальные силы – новый, лучший мир не создать. «Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*», мир новых форм насилия (с. 400–401).

В общем, «хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось». А «на авось», без ясно продуманных программ преобразований, без масс, готовых биться за эти программы, победить и построить новый, лучший мир невозможно. Более того, «сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его (восстание. – Г. В.) – и следствие этого было... ретроградное движение» (с. 400). То есть выступление «на авось» не только не продвигает общество по пути прогресса, но даже провоцирует «ретроградное движение» – погружающее общество в более глубокую социальную трясину.

«**Мы на авось не пойдем**» – таков вступительный тезис Герцена в его новую социально-преобразовательную стратегию (с. 401). Ну, а если не «на авось», то как?

Начнем с центрального тезиса. Задолго до булгаковского профессора Преображенского Герцен знал, что «разруха» – не во внешних обстоятельствах, а прежде всего в «головах человеческих». Герцен создал афоризм-шедевр, афоризм, вобравший в себя основную идею герценовской теории: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*» (с. 414). Тут в свернутом, «геномном» виде – вся философия социально-преобразовательной деятельности: нацеливаясь на преобразование социального бытия, озабочьтесь подготовкой к этому человеческих голов, сознания людей. Если сознание, а точнее, политическая культура масс будет монархическая, тоталитарная, патерналистская, то какие бы вы ни вводили «демократические» институты, структуры и процедуры, патерналистские установки народа в конечном счете переиначат их, наполнят далеко не демократическим содержанием. Эту закономерность в забавной образной форме выразил один из недавно ушедших политиков: «Строим новую политическую партию: на „входе“ закладываем „демократические“, толерантные принципы, а „на выходе“ – опять КПСС». И он же: «Начинаем конверсию: „на входе“ – заготовки кастрюль, сковородок, а „на выходе“ – опять автомат Калашникова».

Хотите осуществления прогрессивных социально-политических преобразований – трудитесь в сфере политической культуры людей, воздействуйте на человеческие головы. Причем относитесь к людям не как к пассивному «объекту» воздействия. Постарайтесь понять их как *активных субъектов* истории – с их чаяниями, надеждами, интересами, культурными установками и политическими ориентирами. «Народное сознание, – пишет Герцен, – так, как оно выработалось, представляет *естественное*, само собой сложившееся... произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за *естественный* факт... – изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели» (с. 400). «Народное сознание», «политическая культура» масс – это объективная данность, это важнейший фактор социально-преобразовательной деятельности. И они не поддаются легкому и быстрому преобразованию. Конечно, хотелось бы побыстрее и поосновательнее «внести» прекрасные идеи и идеалы в головы «обиженных и угнетенных». Но что делать? «Знание и понимание не возьмешь никаким *coup d'état* (государственным переворотом, силой. – Г. В.) и никаким *coup de tête* (наскоком. – Г. В.)» (с. 400). «Излечение от предрассудков, – пишет далее Герцен, – медленно, оно имеет свои фазы и кри-

зисы» (с. 402). Насилие тут бессильно, скоропалительность – неэффективна и опасна. Это не означает, что невозможно активно влиять на ситуацию в сфере общественного сознания, в пространстве политической культуры. Нет, «ускорять внутреннюю работу» можно и нужно. «Сомнения нет, что акушер должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах – их трудно установить и страшно переступать» (с. 400). Но, во всяком случае, тут нельзя – и снова запоминающийся герценовский афоризм: тут нельзя «шагать семимильными сапогами из первого месяца беременности в девятый» (с. 400).

И далее слышавший (и не без основания) за радикального (революционного) деятеля Герцен пишет шокирующую с революционной точки зрения фразу, и пишет ее не без некоторого вызова и даже гордости: «Я нисколько не боюсь слова „постепенность“, опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумения. Математика передается постепенно, от чего же конечные выводы мысли и социологии могут прививаться, как оспа, или вливаться в мозг так, как вливают лошадям сразу лекарства в рот?» (с. 407). Да, Герцен отдает себе отчет, что эти мысли звучат необычно, даже кощунственно для традиционного революционного уха: «Высказать это в том кругу, в котором мы живем, требует если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, как брать во всех вопросах самую крайнюю крайность» (с. 410).

И ему достало на это мужества. И добавлю: его программа не стала от этого менее революционной. Просто она не в духе *прежних* революционных установок. Она стала революционной на новый лад.

Она, повторяю, не перестала быть революционной, ибо осталась нацеленной на *коренное* (то есть революционное) преобразование общественных отношений. В ней просто предложены иные способы осуществления прежней задачи. Способы, ведущие к ее действительному, а не иллюзорно-утопическому решению.

И три момента этой по-новому революционной программы особенно важны и имеют особо важное значение для современной социально-преобразовательной деятельности.

Первое. «Новый водворяющий порядок, – пишет Герцен, – должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все не мешающее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании» (с. 405). Из этих слов встают очертания нового облика социализма, не сводящего все к проблеме «пропитания». Социализма, богатого духом и художественным смыслом. Способного сохранять все богатство мировой культуры, выработанной человечеством на протяжении многих веков. Социализм Герцена не рвет связь времен, он укрепляет и развивает ее.

Второе. Герцен, как и Чернышевский, никого не успокаивает насчет возможных в будущем революционных преобразований. Он не дает гарантии, что будущее обойдется без революций. Он, как и Чернышевский, хотел бы их избежать. И так же, как Чернышевский, предупреждает: мир «капиталистов и собственников» должен пойти на уступки интересам рабочих, найти формы «сделок» и реформ, облегчающих положение рабочего сословия. «А не пойдет (на реформы) – тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона* – и тогда гибель его отсрочится только на столько, насколько у нового мира нет сил» (с. 406).

И третье. Чтобы «гибель» этого мира наемного рабства не привела к гибели общества в целом, чтобы под его обломками не была размолота мировая культура, нужно, чтобы субъект преобразования социального мира был на уровне современной цивилизации, современной культуры. Чтобы субъект этот был способен сохранить и преумножить производительные силы человечества. Нужна поэтому неустанная и титаническая работа передовых людей по формированию нового общественного сознания, новой политической (и общей) культуры

народных масс. И тут – вещие слова-заветы о специфике наступающей предреволюционной эпохи: «Наше время – именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам» (с. 401). Иначе говоря, Герцен провозглашает начало эпохи нового Просвещения, подобной эпохе французских просветителей, сочинения которых, идеи которых предвещали Великую французскую революцию конца XVIII века.

«Просвещение», деятельность в сфере «слов» – разочарованно протянут радикально настроенные люди, читая эти призывы Герцена. Таких «радикалов», иронизирующих по поводу «просвещения», хватает во все эпохи. Немало их было и во времена Герцена. Эти «нетерпеливые люди» наседали на него. «Время слова, – цитирует их инвективы Герцен, – прошло; время дела наступило». И знаменитая герценовская отповедь: «Как будто *слово* не есть *дело*? Как будто время слова может пройти? Враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слово* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*» (с. 411–412).

Запомним же, крепко запомним эти слова нашего великого предшественника.

А. Колганов

Предреволюционный кризис российского общества

Октябрьская революция стала следствием затяжного общественного кризиса, условия которого нарастали в Российской Империи длительное время. Противоречия, определившие собой развитие этого кризиса, уже привели к Первой русской революции 1905–1907 годов. Однако революция 1905 года не разрешила вызвавших ее коренных противоречий. Главными из них были: конфликт между мелким крестьянским и крупным помещичьим землевладением; низкая продуктивность мелкого крестьянского хозяйства и значительной части помещичьих имений; ограниченность прав, тяжелые условия труда и низкий уровень доходов как крестьянства, так и рабочего класса; отставание в промышленном развитии от более развитых держав; политическое неравноправие населения в условиях существования сословной монархии. Российская Империя представляла собой один самых реакционных политических режимов в Европе.

На селе происходили многочисленные голодовки, особенно тяжело затрагивавшие многочисленную группу малоземельных крестьян. Младенческая смертность и смертность от основных инфекционных заболеваний в России была выше, чем в самых отсталых европейских странах⁶². Известна людоедская фраза одного из министров финансов царского правительства, Вышнеградского, об экспорте хлеба: «недоедим, но вывезем». Мало кто знает, правда, что Вышнеградский, узнав о действительных масштабах крестьянских голодовок, издал указ, оста-навливающий вывоз хлеба, и предложил для борьбы с голодом временно ввести прогрессивный налог на богатых. Однако эта мера была отвергнута придворными кругами, а запрет на вывоз вскоре отменен⁶³.

Весьма показательную картину дает анализ использования доходов, полученных российскими предпринимателями и землевладельцами от продажи хлеба за рубеж. Так, в 1907 году доход от хлебного экспорта достиг 431 млн руб. Из этой суммы 180 млн было израсходовано на покупку предметов роскоши. Немалая часть – 140 млн руб. – была потрачена за границей на курортах, в казино, на покупку недвижимости. Реинвестировано в Россию было лишь 58 млн руб.⁶⁴

При этом по урожайности Россия значительно отставала от других стран, в том числе и импортеров российского хлеба. В 1909–1913 годах средняя урожайность в России составляла лишь 45 пудов с десятины, тогда как в Дании – 195 пудов, в Германии – 152 пуда, во Франции – 90 пудов⁶⁵. Отставала Россия по этому показателю и от экспортеров зерна – Канады, Аргентины, США. Это и неудивительно: отношение мощности механических двигателей, применявшихся в сельском хозяйстве и в обслуживавших его предприятиях, к живой рабочей силе (человека и животных) было: в России – 24 %; в Англии – 152 %, в Германии – 189 %, в Соединенных Штатах Америки – 420 %⁶⁶.

Промышленность России, несмотря на довольно быстрый рост, также сильно отставала от более развитых стран. Так, в 1913 году в России было добыто угля 29 млн т, во Франции – 41 млн т, в Германии – 277 млн т, в Англии – 292 млн т и в США – 508 млн т. В том же году

⁶² См. подробнее: Как жилось крестьянам в царской России. URL: <http://scisne.net/a-197>.

⁶³ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005.

⁶⁴ Нефедов С. А. О причинах Русской революции // *Малинецкий Г. Г., Коротаев А. В.* (Ред.). Проблемы математической истории: Основания, информационные ресурсы, анализ данных. М.: URSS, 2009.

⁶⁵ См.: Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 134.

⁶⁶ Там же. С. 133.

в России было выплавлено чугуна 4,2 млн т, во Франции – 5,2 млн т, в Англии – 10,4 млн т, в Германии – 19,3 млн т и в США – 31 млн т⁶⁷.

Накануне Первой мировой войны произошел новый всплеск протестного рабочего движения. Ленский расстрел 1912 года (250 убитых, 270 раненых) в ответ на забастовку рабочих приисков «Лензото» вызвал волну протестных стачек по всей стране с числом участников около 300 тыс. чел. Общее число стачечников в 1912 году составило около миллиона, в 1913–1272 тыс. чел., а только за первое полугодие 1914 года – около полутора миллионов. В июне 1914 года во время 30-тысячной стачки нефтяников в городе Баку было объявлено военное положение. После обстрела 4 июля полицией на Путиловском заводе в Петербурге митинга солидарности с рабочими Баку в столице к 8 июля забастовало до 150 тыс. рабочих. Участились схватки с полицией, на Нарвской и Выборгской стороне стали сооружаться баррикады, чего там не было даже в годы Первой русской революции.

Начало военных действий временно приостановило забастовочную активность рабочих. Однако по мере развертывания военных действий неразрешенные социально-экономические и политические противоречия стали еще более обостряться. Стала выявляться неспособность монархии в достаточной мере обеспечить армию оружием и боеприпасами. Эта ситуация закладывалась еще в предвоенные годы. Так, программа накопления мобилизационных запасов в 1913 году была выполнена, поэтому в 1914 году военное ведомство почти прекратило заказы на вооружение. В результате наиболее мощный Тульский завод вынужден был за несколько месяцев до войны свернуть свое производство, выпуская по несколько винтовок в месяц. «Ничтожными нарядами последних перед войной лет, – писал бывший начальник главного артиллерийского управления царской армии Маниковский, – было почти совсем заглушено с большим трудом развивавшееся производство на многих военных заводах, особенно на оружейных, разбредлись и расплылись не только люди, но и станки, инструменты, лекала и самое главное – навыки»⁶⁸. Аналогичным образом обстояло дело с накоплением мобилизационных запасов снарядов, рассчитанных по явно заниженным нормам.

В результате уже в первые месяцы войны возник «винтовочный голод» и «снарядный голод». Руководство военными действиями также оставляло желать лучшего.

Буржуазия стремилась в этих условиях взять дело военного снабжения в свои руки, не упуская из виду и собственные коммерческие интересы. Созданные в 1915 году военно-промышленные комитеты и Союз земств и городов «Земгор» приложили немало усилий для мобилизации промышленности и развертывания военного производства. Однако отставание России в производстве наиболее современных средств вооруженной борьбы (тяжелая артиллерия, пулеметы, в особенности ручные, аэропланы...) оставалось весьма значительным (см. таблицу 1). В результате из основных воюющих держав Россия оказалась хуже всех обеспеченной в военно-техническом отношении. Так, если к началу Первой мировой войны на одну пехотную дивизию в российской армии приходилось по 32 пулемета, а на пехотную дивизию британской, французской и германской армий – по 24 пулемета, то к концу войны в пехотной дивизии российской армии было 72 пулемета, германской – 324 (из которых 216 ручных пулеметов), французской – 574 (441), британской – 684 (576)⁶⁹.

Таблица 1. Производство вооружений в годы Первой мировой войны

⁶⁷ Там же. С. 137.

⁶⁸ См.: Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 142.

⁶⁹ Поставки пулеметов в армию России в ходе Первой мировой войны // Военное обозрение. URL: <http://topwar.ru/13549-postavki-pulemetov-v-armiyu-rossii-v-hode-pervoy-mirovoy-voyny.html>.

Виды военной техники и боеприпасы	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Англия	Россия	Италия	США	Всего
Винтовки (в тыс.)	8547	3500	2500	3854	3300	2400	3500	27 601
Пулеметы (в тыс.)	280,0	40,5	312,0	239,0	28,0	101,0	75,0	1075,5
Артиллерийские орудия (в тыс.)	64,0	15,9	23,2	26,4	11,7	6,5	4,0	151,7
Минометы (в тыс.)	12,0	—	3,0	2,5	—	—	0,6	18,1
Танки (в тыс.)	0,1	—	5,3	2,8	—	—	1,0	9,2
Самолеты (в тыс.)	47,3	5,4	52,1	47,8	3,5	12,0	13,8	181,9
Артиллерийские снаряды (в млн шт.)	306,0	80,0	290,0	218,0	67,0	70,0	20,0	1051,0
Патроны (в млрд шт.)	8,2	4,0	6,3	8,6	13,5	3,6	3,5	47,7
Автомашины грузовые (в тыс.)	65,0	—	110,0	87,0	20,0	28,0	30,0	340,0

Источники: Рассчитано по: *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат. 1956.

В результате Россия вынуждена была ввозить значительное количество вооружения и военных материалов из-за границы, что вело к нарастанию внешнего долга и укреплению экономической и политической зависимости от Англии, Франции и США. Рос также и внутренний долг, поскольку для финансирования военных действий правительство неоднократно прибегало к займам, а затем и к выпуску необеспеченных бумажных денег.

Тяжелая обстановка войны и неспособность монархии решать наиболее сложные проблемы управления страной в таких условиях вели к расстройству экономики и к ухудшению положения населения. Несмотря на общий промышленный рост, в ходе войны в экономике выявились существенные диспропорции – не хватало топлива, металла (особенно острым был дефицит цветных металлов), железные дороги не справлялись с перевозками. Призыв значительной части мужского населения из деревни и проведение конских мобилизаций привели к падению сельскохозяйственного производства. В первый же год войны из сельского хозяйства

было взято около 7,5 млн человек. Во второй и третий годы войны в армию было призвано еще 6 млн жителей деревни. В результате большое количество хозяйств осталось без мужских рабочих рук, например, в Московской губернии – 44 % хозяйств, Амурской – 43 %, Томской – 42 %, Тамбовской и Вологодской – 36 %, Киевской – 37 %, Харьковской, Саратовской и Уфимской – 30 %.

Плохо обстояло дело и с сельскохозяйственными машинами и орудиями. В 1913 году в сельском хозяйстве России имелось 97 тыс. жаток-лобогреек, а в 1916 году их осталось только 36 900; жаток-самосбросок – соответственно 38 700 и 13 130; сенокосилок – 61 700 и 3750, конных граблей – 62 473 и 5550⁷⁰.

Основную роль в развитии продовольственного кризиса сыграло перенапряжение транспорта, вызвавшее разрыв между производящими и потребляющими районами. В 1914 году в России насчитывалось внушительное количество локомотивов – 20 057, из которых 15 047 работали на угле, 4072 – на нефти и 938 – на древесине. Но из них более чем 5 тыс. использовались дольше 20 лет, 2 тыс. – 30 лет, 1,5 тыс. – 40 лет и 147 – 50 лет. Только 7108 локомотивов работали меньше 10 лет. Поэтому постоянно снижалось количество пригодных к эксплуатации локомотивов. В 1917 году их количество и колебалось между 15 тыс. и 16 тыс. единиц. Железной дороге не хватало по меньшей мере 2 тыс. паровозов и 80 тыс. вагонов. Россия почти полностью зависела от английских поставок паровозных двигателей, которые прекратились с началом войны. Ремонт же их осложнялся нехваткой квалифицированных кадров, мобилизованных в действующую армию. Положение усугублялось недостатком топлива, взяточничеством на транспорте и бесхозяйственностью администрации железных дорог⁷¹.

В условиях отсутствия серьезного общего недостатка продовольствия значительно ухудшилось продовольственное снабжение не только городского населения, но и армии. В 1916 году в связи с сильным расстройством работы транспорта происходили частые срывы отправки на фронт уже заготовленного продовольствия и фуража. Так, в 1916 году было заготовлено провианта (муки, крупы) 376,5 млн пудов, а отправлено войскам только 171,9 млн пудов; фуража (овса, ячменя) заготовлено 393,3 млн пудов, а отправлено 347,2 млн пудов. В октябре 1916 года армия недополучила 45 % продовольственных грузов, в ноябре – 46,3 %, в декабре – 67,1 %, в январе 1917 года – 50,4 %, в феврале – 57,7 %. Города же получали лишь около четверти потребности. Реквизиции для нужд армии, попытки регулирования цен и введение с декабря 1916 года продовольственной разверстки не смогли изменить положение.

В военное время значительно возросла продолжительность рабочего дня. По официальным данным она увеличилась в среднем с 9,54 часа в 1913 году до 10,1 часа в годы войны. Фактически примерно у половины промышленных рабочих в 1915–1916 годах рабочий день составлял около 12 часов. На текстильных, кожевенных предприятиях рабочий день составлял 12–13 часов; на металлообрабатывающих – 11–12 часов, часто удлиняясь до 15–16 часов, в безотрывных производствах – до 18 часов. В связи с тяжелым материальным положением рабочие соглашались на значительное удлинение рабочего дня, выражали недовольство сокращением рабочих часов в связи с простоями предприятий⁷².

Ухудшение обстановки на производстве (плохая техника безопасности, износ машин, теснота и антисанитария в переполненных помещениях) сочеталось с тяжелыми жилищно-бытовыми условиями. Неудивительно, что во время войны в фабричной среде возросло число заболеваний, сопровождавшихся большими потерями рабочих дней, а в горнозаводских рай-

⁷⁰ См.: Шигапин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 195.

⁷¹ См.: История экономики / Под ред. Кузнецовой О. Д. и Шапкина И. Н. М.: ИНФРА-М, 2002.

⁷² Пушкарева И. М. Рабочие // Россия в Первой мировой войне 1914–1918. Энциклопедия в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 1914. С. 10.

онах вспыхивали эпидемии, казалось, забытых болезней⁷³. На Донбассе распространилась холера, в Екатеринославской и ряде других южных губерний – тиф.

Нарушение продовольственного снабжения провоцировало безудержную спекуляцию хлебом. При общих сравнительно невысоких темпах роста цен сильнее всего росли цены на продовольствие, на предметы первой необходимости, на жилье. Это вело к существенному падению реальной заработной платы по сравнению с довоенным периодом.

На 01.01.1915 в Петрограде на рис и гречневую крупу цены выросли за год соответственно на 56 % и на 51 %; на соль – на 30 %, овсяную крупу – 35 %, молоко – 25 %, пшено – 21 %, муку – 14 % и т. д. В Москве цены возросли на муку, пшено. Переход промышленности на военные нужды поднял цены на товары первой необходимости: одежда, обувь сразу вздорожали в 2–4 раза.

Еще больше возросли цены к началу 1917 года. Нарушение регулярности снабжения, усиленное спекуляцией, привело к росту средних цен по сравнению с 1913 годом на 248 %, а ряд продуктов превосходил этот показатель: мясо подорожало на 230 %, мука ржаная и пшеничная соответственно на 243 и 269 %, гречневая крупа – на 320 %, сахар – на 457 %, соль – на 500 %, масло растительное – на 845 %. Цена суточного питания возросла в 6 раз; обувь и одежда подорожали на 400–500 %. Обед в чайной подорожал в 6,5 раз – с 15–20 копеек до 1–1,3 рублей; сапоги – с 5–6 до 20–30 рублей. Массе рабочих труднее становилось содержать себя и семью. Съемный «угол» в городе подорожал в 4 и более раз: в мирное время он стоил 2–3 руб. в месяц, теперь же – 8–12 руб.⁷⁴

До войны подъем промышленного производства обеспечивал рост номинальных заработков, нивелировавших дороговизну. По уровню реальной заработной платы русский рабочий уступал английскому в 1,8 раза; немецкому – в 1,2 раза. В войну этот разрыв увеличился в несколько раз. Реальную заработную плату резко снижало увеличение прямых и косвенных налогов на товары. По данным С. Г. Струмилина, в 1913 году средний номинальный заработок рабочего составлял 257 руб. в год, в 1914-м – 272 руб., в 1915-м – 322 руб., в 1916-м – 478 руб. Реальная средняя зарплата с учетом цен сокращалась: с 257 руб. в 1913-м, 1914-м до 213 руб. – в 1915-м, 210 руб. – в 1916 году. Тем самым реальный заработок неуклонно снижался, дойдя в 1917 году до 75,8 % довоенного⁷⁵.

В результате стало быстро расти стачечное движение рабочих. Если в августе – декабре 1914 года произошло всего 68 забастовок с числом участников 34 тыс., то в 1915 году число стачек превысило тысячу с числом бастующих 540 тыс., а в 1916 году произошло уже полторы тысячи забастовок, число участников которых перевалило за 1 000 000 человек. Снова вспыхнули крестьянские волнения.

Правительство пыталось бороться со стачечным движением ужесточением административно-полицейского режима и репрессиями. С 24 июля 1914 года устанавливалась уголовная ответственность за стачки. В 1916 году участников акций протеста стали вносить в «черные списки», лишая места работы. Теперь рабочие не решались отказываться от сверхурочных заказов, задерживаясь на предприятиях по 18 часов. На это обратило внимание охранное отделение МВД, обеспокоенное ростом рабочего движения и массовыми выступлениями, вызванными дороговизной и нехваткой продовольствия в городах⁷⁶.

⁷³ Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (Историографические заметки) // Российская история. № 3, 2015. С. 93.

⁷⁴ Пушкарева И. М. Рабочие // Россия в Первой мировой войне 1914–1918. Энциклопедия в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 1914. С. 10–11.

⁷⁵ Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (Историографические заметки) // Российская история. № 3, 2015. С. 95.

⁷⁶ Граев Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л.: Гос. изд., 1926. С. 83.

Текстильщики Московского промышленного района ощутили недостаток продовольствия уже весной 1915 года. С осени 1915-го до весны 1917 года не проходило ни одного месяца без всплесков протеста, связанных с нехваткой продуктов – мяса, масла, сахара, хлеба. Перебои со снабжением отмечались местными органами власти на Урале, в Поволжье, в Центральной России⁷⁷. Нехватка продуктов и товаров первой необходимости с 1915 года до февраля 1917 года вызвала в стране более 300 стихийных выступлений с участием рабочих. Нехватка продуктов питания и рост дороговизны вели к быстрому нарастанию протеста: число выступлений только на этой почве в 1916 году увеличилось в 14 раз⁷⁸.

В стране нарастали оппозиционные настроения. Критика царского правительства все чаще звучала с трибуны Государственной Думы. Кадеты, прогрессисты, октябристы и некоторые более мелкие фракции образовали в Думе Прогрессивный блок, выступавший под лозунгом «ответственного министерства» (то есть правительства, ответственного перед Думой). Доверие к царскому правительству было утрачено даже значительной частью монархистов. Симптомом этого стало организованное в 1916 году дворцовыми кругами убийство Распутина. И буржуазная оппозиция, и монархисты стали вынашивать идею государственного переворота.

В конце 1916 – начале 1917 года еще более обострилась ситуация с продовольственным снабжением городов. Отгрузка продовольствия в крупнейшие города составляла лишь около 10 % необходимого. Запасы неумолимо таяли. Волнения, вспыхнувшие в Петрограде в феврале 1917 года на почве перебоев в продовольственном снабжении, переросли в массовые стачки и уличные демонстрации. Солдаты запасных полков (нередко возглавляемые младшими офицерами) не только отказывались участвовать в подавлении демонстраций, что случалось и ранее, но и присоединились к выступлениям населения Петрограда. В таких условиях пулеметный огонь, открытый по демонстрантам и приведший к сотням жертв, уже не мог остановить развитие событий.

Николай II, столкнувшись с давлением всех ведущих политических сил, включая и монархистов, и с отказом командующих фронтами (за одним исключением) поддержать его, вынужден был отречься от престола.

В результате свержения монархии в России сложилась своеобразная комбинация государственной власти. Верховная власть перешла в руки Временного комитета Государственной Думы, образовавшего Временное правительство. Но наряду с ним возникла самостоятельная организация населения в виде Советов рабочих, солдатских и, параллельно с ними, крестьянских депутатов.

Нежелание Временного правительства считаться с важнейшими требованиями, выдвигаемыми снизу, отсутствие шагов по преодолению наиболее острых политических и экономических противоречий вело к нарастанию политической напряженности в стране.

Бездеятельность Временного правительства в условиях стремительного развития всестороннего экономического и политического кризиса подводила страну все ближе к черте, за которой начинался коллапс экономики и распад государственности. Временное правительство было не в состоянии справиться ни с массовым дезертизмом, ни с волной грабежей, ни с падением трудовой дисциплины, ни с саботажем распоряжений государственной власти. Некоторые из далеко зашедших процессов (например, разложение армии) уже становились необратимыми. В этих условиях партия большевиков, получив преобладающее влияние в Советах, взяла курс на захват власти путем вооруженного восстания.

⁷⁷ Рабочий класс России, 1907 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1982. С. 261–268.

⁷⁸ См.: Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2005. С. 139, 209–213.

С. Дзарасов

Как сеялись семена Революции

Несомненно, что семена революции были занесены к нам ветром капиталистических перемен. Но упали они на чрезвычайно благодатную почву, а потому дали пышные всходы в виде потрясшей весь мир русской революции. Для понимания того, как семя превратилось в развесистое дерево, идея преобразования – в реальность, за внешней видимостью явлений необходимо увидеть скрытые пружины. Именно они приводят широкие массы людей в движение такой силы, которое остановить бывает невозможно. Речь пойдет о том, какими соками питалась русская революция.

Потеряв доверие к старой власти и выйдя на улицы и площади, народ начинает чувствовать свою силу хозяина положения и смело берет свою судьбу в собственные руки. В таком состоянии народ Парижа в 1789 году разрушил Бастилию как символ ненавистного режима, а народ Петербурга во главе с большевиками в октябре 1917 года ворвался в символ старой власти – Зимний дворец, сверг заседавшее там Временное правительство и объявил власть Советов единственно законной властью в России.

Если смотреть, скажем, с высокого балкона дома в элитном районе охваченного восстанием города, то революция – это прежде всего волнующееся море людей, внезапно выплеснувшееся на улицы и площади. За ними уже нет контроля со стороны старой власти, и они действуют, руководствуясь собственными страстями и представлениями. Самозванные ораторы рвутся к трибуне и произносят свои зажигательные речи, в которых чаще всего звучит слово «свобода». Под ним каждый понимает право делать то, что именно ему кажется единственно правильным. В суеете революционного восстания люди непрерывно митингуют, и каждый горячо доказывает свою правду, не слыша другого. Публика также горячо реагирует на каждое слово, шумно одобряет одних и гневно отвергает других. Невидимые стороннему глазу, откуда-то из глубины этого человеческого моря поднимаются могучие волны, которыми тысячи несет без оглядки к неизвестной судьбе. В мгновение ока и во многом непредсказуемо эта людская стихия сметает одних вожаков и возносит к власти других. Судя по свидетельствам современников, зрелище этой величественной исторической драмы пугает и притягивает одновременно. Именно поэтому оценки происходящего так сильно разнятся.

Даже внешнему наблюдателю с балкона, если он способен сохранять непредвзятость, очевидно, что коренной переворот во всем образе жизни народа нельзя совершить иначе как при решающей роли широких народных масс. Несмотря на это, широко бытует невежественное представление о революции как о заговоре. Именно такое понимание революции 1917 года, якобы совершенной кучкой заговорщиков на немецкие деньги, получило распространение в сегодняшней России. Это лишь еще одно проявление глубокого упадка общественного сознания нашей страны. Разумеется, ни на какие деньги революцию, подобную той, что потрясла Францию 1789-го, Россию 1917-го, Китай 1949 года, совершить невозможно. Они могут быть порождены лишь нуждой и страданиями миллионов, не имеющих иного пути для улучшения своего положения. «Наиболее бесспорной чертой революции, – говорит один из вождей русской революции Лев Троцкий, – является прямое вмешательство масс в исторические события»⁷⁹. Такое вмешательство, как правило, не обходится без жестокостей, жертвой которых становятся те, кого народ считает виновником своих несчастий. С этической точки зрения такие жестокости редко бывают оправданными, и для многих это служит основанием для осуждения революции в целом, как явления. Сегодня именно такие суждения доминируют в сознании

⁷⁹ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1. М.: Издательство «Республика», 1997. С. 27.

общества. Они произносятся с тем большей легкостью и апломбом, чем менее исторического кругозора и культуры имеют их авторы. Но хулители революции редко задаются важнейшим вопросом о том, отчего в какой-то исторический момент люди вдруг массово «сходят с ума»? Почему, как и кем народ доведен до такого состояния, при котором прежняя власть теряет всякий авторитет, а новой властью становится улица? Какое пересечение ветров вдруг вызывает бурю человеческого моря, которое еще вчера казалось с высокого балкона столь гладким и спокойным?

В то время как запуганные представители имущих классов либо с ужасом наблюдают за происходящим, либо делают отчаянные попытки силой подавить народное восстание, выдвинутые толпой вожаки чувствуют себя в стихии бушующего моря как рыба в воде. Люди их слушают, горячо поддерживают, за ними готовы идти в огонь и воду. В этом смысле все революции совершенно одинаковы, и осуждать вызванные ими потрясения так же нелепо, как и негодовать на природные катастрофы.

Научное понимание революции не имеет ничего общего с моральным высокомерием толпы и требует прежде всего ответа на вопрос о том, в силу каких обстоятельств и по какой логике вещей насилие и жестокость стали реальностью? «Понять революцию, как и историю в целом, – пишет далее Л. Троцкий, – можно только как объективно обусловленный процесс. Развитие народов выдвигает такие задачи, которые нельзя разрешить другими методами, кроме революции. В известные эпохи эти методы навязываются с такой силой, что вся нация вовлекается в трагический водоворот. Нет ничего более жалкого, как морализирование по поводу великих социальных катастроф! Здесь особенно уместно правило Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать»⁸⁰.

Однако понять такое сложнейшее историческое явление, как революция, гораздо труднее, чем огульно осудить. Конечно, противоположность оценок этого события современниками неизбежна. Жизненный опыт людей, принадлежащих даже к разным профессиям, а уж тем более к разным общественным слоям, глубоко различен. В предреволюционную эпоху тех, кто был ущемлен при старом режиме, по определению наблюдается большинство, иначе революция не могла бы произойти. Они воспринимают ниспровержение старого строя как освобождение и избавление. Более или менее революция понятна и приемлема для тех, кто начинает пользоваться ее плодами. Но зато она остается глубоко чуждой для ее жертв. В глазах всех более-менее благополучных при старом режиме социальных слоев революция выглядит как противоестественный и бессмысленный бунт одичалой толпы, охваченной непонятно откуда взявшейся злобой и ненавистью к тем, кто «жил хоть немного лучше». Как правило, представители благополучных слоев населения так или иначе связаны с бывшими правящими классами. В их восприятии жизнь при старом режиме была более-менее нормальной и приемлемой. Они мало знают о страданиях низших сословий, и массовое проявление их озлобления, которым неизбежно сопровождается народное восстание, представляется поэтому труднообъяснимым внезапным помешательством. Подсознательное, а иногда вполне осознанное стремление оправдать себя стоит за яростным осуждением вождей революции. Их стремятся изобразить агентами тех или иных темных сил, сбившими с толку и подбившими на бунт «наш добрый народ».

Между тем семена русской революции, как и всякой другой, сеялись задолго до того, как созрели ее горькие плоды. Это нашло свое отражение во многих произведениях искусства. Одним из ярких произведений русской исторической живописи на эту тему является картина В. Г. Перова «Суд Пугачева» (1879). Строго говоря, это только эскиз к так и не написанному произведению. По первоначальному замыслу художника, это должна была быть финальная картина триптиха (то есть трех картин, объединенных общей идеей). Эпический замысел

⁸⁰ Троцкий Л. История русской революции. Т. 1. С. 25.

художника определялся стремлением показать глубокий смысл выступления крестьян против своих угнетателей. К сожалению, до нас не дошли даже наброски ни к первой, ни ко второй картине. Однако известно, что Перов собирался отразить в них. Первая работа должна была показывать тяжкий труд и безжалостное угнетение крестьян, изображая их работу в поле под палящим солнцем. На второй картине художник собирался изобразить крестьянскую армию на марше, уходящее за горизонт море вил и кос. Третья работа должна была изобразить жестокую расправу крестьян со своими угнетателями.

На первом плане эскиза выстроены в ряд обреченные помещики со связанными руками. Первого уже хватает за горло палач. Восставшие крестьяне с мрачными лицами толпятся вокруг. За ними зловеще возвышаются виселицы. Лица всех обращены к Пугачеву, восседающему на крыльце помещичьего дома. От имени крестьян он вершит суд и расправу над жертвами восстания. Его алый кафтан сливается с пожаром, охватившим на заднем плане картины помещичьи усадьбы. Все три части триптиха, взятые вместе, подтверждают пушкинскую оценку крестьянского бунта как «беспощадного», но противоречат его определению как «бессмысленного». Смысл крестьянского бунта в изображении Перова состоит в воздаянии за зло.

Показанная в картине ненависть крестьян к помещикам говорит о том, что имело место задолго до появления капитализма в России. Но его вторжение не только не смягчило, но, напротив, еще больше обострило тлевшие и до этого конфликты. Капитализм подтолкнул крестьян к более активным выступлениям, и надо считать естественным, что они поддержали большевистскую революцию. В этом главное, а не в том, на чем чаще всего останавливается поверхностный взгляд, – в действиях политических вождей и партий. Это, конечно, важная, но чисто внешняя сторона процесса подготовки и осуществления революции. Очень часто эта внешняя видимость принимается за сущность происходящего и критика концентрируется на том, кто из представителей этих партий что сказал и сделал. При таком подходе упускаются из виду более глубокие причины, связанные с классовыми и сословно-имущественными интересами и побуждениями людей.

Верно, конечно, что революционеры и их противники обычно предлагают разные рецепты того, что надо делать во время социального землетрясения, каким является всякая революция, но само землетрясение не может быть вызвано никем иным, кроме как Историей. Никакие жирондисты, якобинцы, большевики, исламисты не могут совершить революцию, если к тому нет объективных предпосылок, решимости преобладающей массы людей преобразовать общество на новых началах. Если же такие предпосылки возникли, то следует не обвинять революционеров, а понять причины сложившейся ситуации.

С этой точки зрения А. Солженицын в созданной им эпопее, посвященной русской революции («Красное колесо»), выступает как хороший писатель, но плохой мыслитель. Созданное им богатое полотно объясняет судьбоносное событие истории русского народа не обстоятельствами его жизни, а действием выскочивших неизвестно откуда дьявольских сил. В «Красном колесе» картины русской революции и образы ее лидеров нарисованы с явным намерением подтолкнуть читателя не к пониманию, а к моральному осуждению. Революция показана только со стороны ее жестокостей, а ее деятелям приписаны самые мелочные движущие мотивы и самые нечистоплотные приемы. Подобная трактовка революции только уводит в сторону от того, как она возникла и что означала. Сводить историческую драму к тому, что простодушный народ слепо отдается мелким шулерам, значит расписаться в своей глубокой предвзятости.

В оценке русской революции А. Солженицын противоположен Н. Бердяеву. Советский коммунизм неприемлем для обоих. Но пафос первого в осуждении революции и коммунизма, а пафос второго в объяснении того, как они возникли и что они означали. В соответствии с таким пониманием вещей А. Солженицын полагал, что избавление от коммунистического наследия революции поднимет Россию на небывалую высоту. В действительности, как мы видим, про-

изошло прямо противоположное, она потеряла и все большее теряет свое величие. При всем неприятии бездуховности коммунизма (то есть отрицания им религии), Бердяев понимал его иначе. Он признавал экономические успехи советского коммунизма и считал перемещение в Россию центра мирового коммунистического движения неким подобием осуществления православной мечты о превращении Москвы в третий Рим.

При этом Н. Бердяев полагал, что революционеры и контрреволюционеры в равной мере не понимают подлинный смысл происходящего. Первые ждут чуда, которого революция дать не может. Вторые целиком обращены к прошлому и, судимые за него, не могут принять настоящего. Между тем революция, по мнению великого русского мыслителя, имеет глубокий исторический смысл: «В нашем греховном, злом мире, – пишет Н. Бердяев, – оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времени, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными и которые, если смотреть сверху, а не снизу, означают суд Смысла над бессмыслицей, действие Промысла во тьме»⁸¹.

Солженицын в терминологии Бердяева смотрит на революцию исключительно снизу, то есть со стороны ее жертв. Если рассматривать историю только с этой точки зрения, то остается недоступен ее подлинный смысл. Подробно прослеживает Бердяев развитие предпосылок революции в истории русской общественной мысли и литературы, показывая, как готовилось «небесное постановление», то есть суд исторических сил над бессмыслицей старого порядка. Как уже отмечалось, образованные слои российского общества с середины XIX века были охвачены предчувствием грядущей революции, которую многие в этой среде считали благом и приближали, как могли.

Русскую литературу Бердяев называет профетической (пророческой), поскольку она предчувствовала и предсказывала наступление революционной грозы. При этом, конечно, никто точно не мог знать, что она с собой принесет. При всех мировоззренческих различиях деятелей русской интеллигенции было нечто, что объединяло их. Это было неприятие западного капитализма с его эгоистической моралью и страстью к частной наживе. Русское мышление больше ценило духовные, нравственные качества в человеке, нежели его деловые качества и материально-финансовое положение. Такое мироощущение отличало почти всех заметных русских писателей и мыслителей.

Разумеется, они не были сторонниками революции в том виде, в каком она реально произошла, но были ее проповедниками в том виде, в каком каждый ее себе представлял. «И Толстой, и Достоевский, – пишет Бердяев, – возможны были лишь в обществе, которое шло к революции, в котором накопились взрывчатые вещества. Достоевский проповедовал духовный коммунизм, ответственность всех за всех. Так понимал он русскую идею соборности. Его русский Христос не мог быть приспособлен к нормам буржуазной цивилизации. Толстой не знал Христа, он знал лишь учение Христа. Но он проповедовал добродетели христианского коммунизма, отрицал собственность, отрицал всякое экономическое неравенство... Толстой и Достоевский – глашатаи универсальной революции духа. Их ужаснула бы коммунистическая универсальная революция своим отрицанием духа. Но они были ее предшественниками»⁸².

Если все люди больших идей выступали предшественниками революции, даже те, кто сам не стал бы ее делать, то как можно возложить ответственность за это событие на несколько «заговорщиков»? В действительности, конечно, освободительное, как тогда выражались, дви-

⁸¹ Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 122.

⁸² Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 78–80.

жение было массовым. Однако в большом ряду различных течений протестных сил выделились большевики, которым предстояло определить ход и судьбу русской революции. Но и они не могли сделать это по своему произволу. Русская революция, так же как и любая другая – английская, французская, американская, китайская, иранская, может быть понята и объяснена не иначе как характером и устремлениями совершившего ее народа. Каков народ, его культура, идеалы и представления о своем будущем, такова вся его история, в том числе его революция.

Если такой подход применить к пониманию причин возникновения русской революции, то следует, с одной стороны, учитывать особенности нашего народа, его традиции и менталитет, а с другой – те существенные изменения, которые развитие капитализма внесло в российскую жизнь. В конце XIX и начале XX века они стали определять дальнейшее развитие страны. Капиталистические методы ведения хозяйства быстро развивались, а роль и удельный вес наемных рабочих и предпринимателей непрерывно повышались. На этой основе, как было отмечено, возникло организованное рабочее движение. Организация воскресных школ для рабочих способствовала росту их самосознания, что выражалось, в частности, в увеличении числа стачек. Наемные работники все быстрее осознавали, что их сила в единстве и взаимной поддержке. На объективной основе роста численности рабочих и их готовности бороться за свои права закономерно появились политические партии, выражавшие их интересы. Они выдвигали на первый план задачи демократического преобразования страны наряду с борьбой за улучшение социально-экономического положения рабочих.

Росту движений социального протеста сильно способствовал тот факт, что российский капитализм обеспечивал скромный уровень технического и социального прогресса весьма дорогой ценой. Из сел и деревень народ валом повалил в промышленные центры, но лучшей доли не нашел. В городах возникли рабочие гетто с нищенствующим населением. Работодатели и власти мало заботились об условиях жизни населения. Трудовое законодательство пребывало в зачаточном состоянии и сильно отставало от западного. Профсоюзы рассматривались как крамола и то и дело запрещались. Было видно, что рожденный западной цивилизацией капитализм пересажен на чуждую ему почву. Здесь он приживался с большим трудом, порождал такие антикапиталистические силы, которые придавали революционному движению большую остроту и размах, чем в Европе.

Увлеченные западными учениями русские марксисты уверовали в то, что на пути капиталистического развития Россия станет такой же европейской страной, как, например, Франция, Великобритания или Германия. По такой логике, русская буржуазия должна была играть в революции такую же роль, какую, например, французская буржуазия (третье сословие) сыграла во время Великой французской революции. Однако время шло, мир перешагнул из XIX в XX век, и русские марксисты столкнулись с отрезвляющей реальностью отечественного капитализма. В отличие от западной, русская буржуазия не пошла дальше слов в осуществлении антимонархических и антифеодальных демократических преобразований, отказалась возглавить борьбу трудящихся на этой платформе.

Угнетаемые капитализмом пролетарские массы везде выступают за изменение общественного строя. Но острота и последствия этой борьбы зависят от того, как при этом ведет себя буржуазия. Идет ли она на уступки требованиям рабочих, ищет ли с ними компромисс и таким образом ослабляет их недовольство или, наоборот, своей неуступчивостью и безразличием к страданиям обездоленных доводит их недовольство до революционного накала. Выросшие на почве европейской культуры имущие классы западных стран оказались достаточно благоразумными, чтобы поступать по первой модели, и предотвратили назревавшие там революции.

Имущие классы дореволюционной России были лишены этой культуры, а отсюда и мудрости своих западных собратьев. Своей безудержной жадой обогащения любой ценой и безразличием к страданиям низших слоев общества они не ослабляли, а усиливали народное недовольство. Тем самым они подталкивали рабочих и крестьян к осознанию того, что революция

является единственным реальным выходом из их тяжелого положения. В этом отношении показательной стала позиция русской буржуазии в революции 1905 года. В отличие от английской буржуазии XVII века, выступавшей на стороне парламента против короля, французской буржуазии XVIII века, выступившей за политические свободы и раздел среди крестьян принадлежавших аристократии земель, русская буржуазия поступила наоборот. Вместе с царем и помещиками поддерживала жестокие карательные действия властей против бастовавших рабочих и выступавших за раздел земли крестьян. В отличие от третьего сословия на Западе, русская буржуазия, за небольшими исключениями, не вышла из народа, а рекрутировалась из помещичье-бюрократических слоев и была далека от своего народа. За спиной российского имущего и правящего класса не было традиций и культуры, воспитывавших признание необходимости прав и свобод человека. Имея за спиной совсем другое прошлое, русская буржуазия была проникнута психологией традиционного для помещичества и бюрократии высокомерия и презрения к народным низам. В сознании прошлого имущего класса, как и нынешнего, рядовой человек был и остается лишь объектом эксплуатации и средством для обогащения элиты.

Ортодоксальные марксисты того времени (меньшевики) в чем-то напоминают своих антиподов – нынешних российских либералов. Первые сто лет назад, а вторые сейчас не видят причин, почему Россия не может жить по правилам Западной Европы. Но как одни, так и другие не прислушиваются к доводам оппонентов. Ведь в XIX веке сначала славянофилы, а затем в своеобразной форме народники убедительно показывали, что русская цивилизация отлична от западной и по этой причине не приемлет модели западного капитализма. В этой аргументации их марксистские оппоненты не увидели рационального зерна. Однако в последующем они не просто столкнулись с устойчивостью традиционных ценностей, но и стали жертвами того, чему не придавали значения. Русская самодержавная традиция после революции превратилась в сталинскую деспотию, прямо противоположную тому, за что изначально боролись революционеры.

Одним словом, в реальности проблема социалистической перспективы России, как мы постараемся показать ниже, оказалась далеко не такой однозначной, как первоначально представлялась марксистам. Урок истории, состоящий в том, что российская цивилизация отвергла капиталистическое будущее, не усвоен нами до сих пор.

Г. Водлазов

Метод, теория, революционная деятельность. Плеханов и Ленин

Уроки Плеханова

Ультралевые сверхреволюционеры всех времен и народов преклонялись и преклоняются перед так называемым прямым «революционным действием»; к науке, теории они относились и относятся с нескрываемым презрением и враждебностью (слово «методология» вообще является мишенью для упражнений в острословии леваков). «Кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником»; «не хлопчите в настоящий момент о науке»; «мы должны народ не учить, а бунтовать» – так писали ультрареволюционные бакунисты более ста лет тому назад.

Подобных восклицаний было немало и у идеологов «новых левых», еще недавно занимавших значительное место на авансцене политической жизни ряда западноевропейских стран. Так, Режи Дебре категорически высказывался против того, чтобы «овладевать настоящим, опираясь на предвзятые идеологические концепции и переживая это настоящее через книги». Теория, рожденная опытом предшествующих поколений революционеров, рассматривалась «новыми левыми» как «догма», как груз «прошлого», от которого должно быть «освобождено настоящее». «Освободить настоящее от прошлого», освободить спонтанное революционное действие от тормозов теоретических размышлений, освободить политику от теории – на все лады восклицали «новые левые» и – освободили свою политику от... принципиальности, логичности, последовательности. В результате система стойких революционных сражений была заменена отдельными, разрозненными вспышками бунтарских действий, перескоком от одной частной политической ситуации к другой, от одной крайности в другую; во Франции, например, гошисты хватались за решение то одних, то других «горячих» вопросов, которые подчас сознательно и хитроумно, дабы отвлечь от действительных проблем, подсовывались консервативными силами.

Такая «актуализация» политической деятельности, связанная с «блужданием» (или, точнее, скаканием) по горячим (а чаще псевдогорячим) точкам социальных противоречий, не умеющая связать отдельные «горячие» проблемы с общей системой проблем своей страны и мира в целом, с общей логикой всемирно-исторического развития (которая, кстати, и отражена в великих произведениях революционных теоретиков прошлого, в тех «книгах» и «цитатах», о которых с таким пренебрежением писали гошисты), – такая «актуализация» приводит к потере движением своих сторонников, союзников, к утрате политического веса и влияния.

На сходной позиции по вопросу о взаимосвязи фундаментальных теоретических принципов с программами конкретной политической деятельности стоят и «правые» идеологи (подтверждая тем справедливость народной мудрости, что в важных вопросах «крайности сходятся»). Так, Роже Гароди в своей книге «Большой поворот социализма» писал: «Если партия хочет стать центром всех сил, которые стремятся построить социализм во Франции, а не сектой доктринеров, она не может иметь „официальной философии“, она не может в принципе быть ни идеалистической, ни материалистической, ни клерикальной, ни атеистической».

Следует отметить, что недооценка громадного значения философско-методологических, общетеоретических принципов для конкретно-исторического анализа, для выработки злободневной политической линии была характерна и для многих кругов интеллектуально-политической оппозиции авторитарно-бюрократическому режиму брежневских времен. На первый

план выдвигались идеи «непосредственного действия» без излишних теоретических «умствований». В ходу были поверхностно-обвинительные речи, в которых перемешивались справедливая критика режима с легкомысленным отрицанием (а то и клеймением) тех поисков, которые вела гуманистическая, марксистская демократическо-социалистическая мысль в досталинский период. Да, это было противостояние реакционному сталинско-брежневскому режиму. Но без стремления понять глубинную сущность этого режима, действительных причин его возникновения, без желания основательно разобраться в его социально-классовых противоречиях – и на основе этого выработать серьезную, всесторонне продуманную стратегию социально-политических преобразований. С легким теоретическим и методологическим багажом, с поверхностными политическими планами и вступили в процесс «перестройки» (не очень-то вдумываясь в то, что именно «перестраивается» и во что следует «перестраивать»). В итоге этих судорожных, не освещенных светом глубокого теоретического сознания действий родилась действительность, которую не предвидели и которую не хотела получить либерально-демократическая интеллигенция. В итоге сохранилось худшее из прошлого с добавлением еще более худшего из настоящего. И снова современное пространство оппозиционной мысли заполняется поверхностными, «освобожденными от теоретических догм прошлого» самодельными (и потому – бессильными), наспех сварганенными теориейками.

Вот почему выяснение значимости общетеоретических, философско-методологических принципов социально-преобразовательной стратегии, выработанных на основе прошлого опыта (опыта теории и опыта применения ее на практике), выяснение значения принципов для революционно-преобразовательной практики, выяснение механизма связи их с конкретным политическим анализом, с конкретным социально-политическим действием является весьма актуальной теоретической и практической задачей.

В этом плане чрезвычайный интерес представляет теоретическая деятельность Г. В. Плеханова, одного из выдающихся марксистских теоретиков прошлого, основателя первой русской марксистской организации – группы «Освобождение труда».

Опыт теоретической деятельности Плеханова поучителен в разных отношениях: поучительны как достижения плехановской мысли (представляющие собой крупный самостоятельный вклад в сокровищницу политико-философского знания), так и ее провалы – тоже по-своему исторические маяки, сигнализирующие об опасностях, встречающихся на путях движения по морю конкретного политического анализа.

В этой связи уместно вспомнить любопытный, внешне парадоксальный, но, при вдумчивом рассмотрении, весьма эвристичный подход к оценке теоретического наследия Плеханова, сформулированный Лениным: «... *Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом (разумеется – в прежнем, еще не запятнанном сталинистами, смысле этого слова. – *Авт.*) без того, чтобы изучать – именно *изучать* – все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И – рядом – другое его высказывание: «...способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе, – то есть стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опощление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»⁸³ (снова напомним современному, не искушенному в теоретических тонкостях читателю, что речь идет о «диалектическом материализме», как он сформулирован в трудах марксистских классиков или в работах их последователей вроде Ильенкова и Лифшица, а не о той его вульгарной, испоганенной версии, начало которой было положено сталинским «Кратким курсом» и следовать которой было обязанностью официальной советской философии).

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290; Т. 3. С. 14.

Итак, с одной стороны, без изучения работ Плеханова нельзя стать «настоящим» марксистом-коммунистом, а с другой – плехановский способ рассуждения есть «опошление марксизма» и «насмешка над диалектическим материализмом». Что это значит? Как такое возможно? Ответить на это и означает понять Плеханова, его историческое значение, его место и роль в развитии марксистской теории и шире – в развитии теории социально-преобразовательной деятельности.

Без изучения работ Плеханова нельзя стать сознательным творцом нового социального мира

Почему же? Ответ кажется лежащим на поверхности и достаточно хорошо известным: Плеханов перенес передовую для своего времени теорию – марксизм – в Россию, защищал, распространял и популяризировал его положения. Да, конечно, это громадная историческая заслуга, и она действительно принадлежит Плеханову. Но это не ответ на поставленный вопрос: здесь нет объяснения, почему *сегодня* надо *изучать* работы Плеханова; ведь если дело сводится к перечисленным выше заслугам, то не очевидно ли, что будет вполне достаточным изучить по первоисточникам те идеи, которые Плеханов «переносил», «защищал» и «популяризировал»?

Раскрыть историческую заслугу Плеханова – значит показать, что им было сделано нечто такое, что до него не было сделано никем, и что сделал это он так основательно, что не было никакой необходимости кому-то это повторять впоследствии и что поэтому его творчество составляет *необходимую и незаменимую* часть развертывающейся во времени золотой нити политико-философской, социально-преобразовательной науки.

«Метод – это самое главное»

Область плехановских открытий можно увидеть и как следует рассмотреть только через призму ситуации – российской и международной – конца XIX – начала XX века (период создания Плехановым лучших своих работ), через призму тех проблем, с которыми столкнулась русская и мировая общественная мысль той эпохи.

Это была ситуация смены вех и в России, и в мире.

В России 1870–1880-х годов передовая общественная мысль обсуждала возможные пути развития страны: должна ли она после отмены крепостного права идти, подобно странам Запада, капиталистическим путем или может развиваться непосредственно в направлении социализма, опираясь на общину и минуя капитализм. Народники делали акцент на своеобразии условий России: они уповали на общину (которая, однако, рушилась на глазах) и социалистические инстинкты крестьянства (наличие которых, увы, не подтверждалось практикой народнической пропаганды и социальной борьбы). Народничество теряло свой кредит. А марксизм?

По свидетельству В. Засулич, в ту эпоху появились в России деятели, которые утверждали неизбежность капиталистического пути развития в России, обосновывая этот вывод ссылкой на «Капитал» Маркса, где будто бы доказано, что «в силу исторической неизбежности все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства». В. Засулич обратилась к Марксу с вопросом: верно ли, что, по его мнению, такая «историческая неизбежность» существует и что поэтому Россия с необходимостью должна пройти все фазы капиталистического производства? Маркс ответил несколько неожиданно для вышеупомянутых русских «марксистов»: свой анализ капиталистического производства «я точно ограничил... странами Западной Европы», для России «западный прецедент... ровно ничего не доказывает», «анализ, представленный в „Капитале“, не дает, следовательно, доводов ни за, ни

против жизнеспособности русской общины»⁸⁴. В другом письме – в журнал «Отечественные записки» (1877) – К. Маркс категорически протестует против превращения его исторического очерка «возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»⁸⁵. Он считал, что для определения перспектив развития России нужен специальный анализ.

Эту задачу в полной мере осознавал Плеханов. Он уже тогда, в начале 80-х годов, знал, что истина всегда конкретна, зависит от обстоятельств места и времени, и потому, в духе Маркса, активно выступил против механического переноса выводов «Капитала» на условия российского исторического развития. Но в отличие от народнических теоретиков он ясно понимал, что если конкретные экономические и политические выводы «Капитала» не могут быть просто перенесены на условия русской жизни, то метод исследования К. Маркса, давший такие блестящие результаты при анализе западноевропейского развития, не только может, но и должен быть «перенесен» и применен к анализу русской действительности. Однако его нельзя было просто «перенести», его надо было прежде *извлечь* из «Капитала» (и других произведений Маркса и Энгельса), высвободить из конкретного экономического, исторического материала – изложить в обобщенном и систематизированном виде.

Смена исторических вех происходила и во всемирном масштабе: капитализм свободной конкуренции уступал место монополии. Монополии, акционерные общества, определенный рост планового, регулирующего начала в производстве, некоторое изменение характера кризисов, появление в рабочем классе привилегированных, нереволюционных слоев – эти и другие новые факты не укладывались легко и просто в рамки прежних теоретических концепций. Более того, новые законы, стоявшие за этими новыми фактами, в чем-то и противоречили прежним теоретическим положениям. Противоречивость объективной ситуации наглядно выражалась в такой антиномии: «монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции» и – монополия есть прямое продолжение свободной конкуренции, «прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»⁸⁶.

Стремясь освободиться от этого противоречия, одни теоретики делали акцент на первом положении и, ссылаясь на новые факты, требовали отвергнуть «устаревшую» прежнюю теорию (то есть марксизм). Другие, стремясь сохранить в неприкосновенности каждое положение так долго и верно служившей теории, пытались поставить под сомнение принципиальную новизну фактов, пытались перетолковать (то есть, попросту говоря, исказить) их таким образом, чтобы они без труда подходили под прежние положения теории. Но ни первый (ревизионистский), ни второй (догматический) способ не позволяли действительно разрешить указанные противоречия: с одной стороны, теория легко выдерживала нападки на ее принципы, и было ясно, что новизна ситуации не колеблет ее фундамент. С другой же стороны, новые факты, новые явления «упрямились» и перетолковыванию в догматически-традиционном духе не поддавались. Естественно, возник вопрос: каким должен быть метод, чтобы дать правильную оценку ситуации, когда «новый факт», с одной стороны, подходит под прежнюю теорию, а с другой стороны, противоречит ей? Таким образом, и при такой ситуации конкретный ее анализ упирался прежде всего в решение вопроса о методе.

Плеханов одним из первых осознал необходимость всесторонней разработки и систематического изложения научного (что объективно означало марксистского) метода познания общественных явлений – в качестве задачи, необходимо предшествующей многостороннему конкретному исследованию качественно новой российской и мировой ситуации. «Метод – это

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 411, 412, 251.

⁸⁵ Там же. С. 120.

⁸⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

самое главное; если он верен, то по необходимости верны будут и те результаты, к которым он приводит», – таково было кредо Плеханова. Вот почему свое основное внимание он обратил не просто на конкретные ответы, которые давали основоположники марксизма, а на необходимость понимания *«методологического значения исторического материализма»*.

Следует подчеркнуть при этом, что Плеханов отнюдь не преувеличивал значимости решаемых им задач. Задача состояла не в выработке метода; он уже был выработан, и его фундаментальные и решающие моменты были сформулированы – и об этом Плеханов постоянно говорил ясно и громко – Марксом и Энгельсом. Этот метод блистательно продемонстрирован ими в анализе капиталистического способа производства (в «Капитале»), исторических судеб капитализма как общественной формации (в «Манифесте Коммунистической партии»), социалистических и философских учений (в «Анти-Дюринге»), конкретных революционных событий (в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 год», «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»). Задача, как верно и точно понял ее Плеханов, состояла в том, чтобы «высвободить» метод К. Маркса из конкретного и исторического материала (это была непростая задача – до сих пор важнейшие аспекты метода «Капитала» остаются предметом философских дискуссий). Надо было, кроме того, отделить этот метод от появившихся и довольно широко распространившихся в ту эпоху его вульгарных версий – фаталистического объективизма Струве, вульгарного социологизма и экономизма (получивших свое крайнее выражение в шулятиковщине), его субъективистских и волюнтаристских интерпретаций в неонародническом и эсеровском духе. Такая полемика позволяла более четко обозначить границы этого метода – там, где они по тем или иным причинам не были достаточно ясно проведены его создателями. Необходимо было также развернуть работу по уточнению отдельных моментов его внутренней структуры и ликвидации «белых пятен» в его содержательной части.

В описании, систематической разработке и обосновании диалектико-материалистического метода познания и преобразования общественных отношений – в этой области и лежат главные оригинальные (далеко не азбучные!) завоевания теоретической мысли Плеханова.

Марксизм – «продукт векового развития исторических идей»

В концентрированном виде теоретические завоевания Плеханова содержатся в его работах «Основные вопросы марксизма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Впрочем, эти завоевания надо уметь увидеть и понять. Ведь были и такие авторы, которые утверждали, что эти работы Плеханова не содержат-де ничего, кроме азбучных положений о том, что материя первична, что общественное бытие определяет общественное сознание, что производительные силы обуславливают производственные отношения, что противоречие производительных сил и производственных отношений в антагонистическом обществе порождает революцию и т. д.

Действительно, все эти формулы присутствуют в работе Плеханова. Но специфика названных работ, их теоретическая новизна состоят вовсе не в провозглашении этих формул, а в доказательстве того, что эти положения – не просто одна из многих предлагаемых общественной наукой возможных версий объяснения исторического процесса. Это – необходимый результат и «законный продукт векового развития исторических идей», и потому эти положения обладают высокой степенью истинности и эвристичности.

Плеханов понимал, что одной формуле, одной дефиниции, одной «азбуке» нетрудно противопоставить другую формулу, другую дефиницию, другую «азбуку» – в качестве равноправного варианта. При таком противопоставлении неискушенному читателю непросто отыскать критерий предпочтения одной системы положений другой. Но если доказано, что данное положение есть результат, итог развития всей истории общественной мысли, есть решение проблем, над которыми эта мысль билась в течение длительного времени, тогда становится ясным

критерий предпочтения данного учения всем другим. Именно эту работу в отношении марксистского учения проделал Плеханов.

Обоснование исторической обусловленности марксизма было крайне необходимо в эпоху, когда передовая общественная мысль России (а отчасти и всего мира) выбирала, какое миросозерцание следует положить в основу познания и деятельности. Но значение плехановского анализа не ограничивается рамками той эпохи, он сохраняет свое значение для любой последующей эпохи, ибо каждое новое поколение людей самостоятельно решает для себя проблему, почему одну теорию, одну методологию следует предпочесть другой. И плехановские работы будут вновь и вновь служить доказательством предпочтительности фундаментальных положений марксизма всем другим.

Это, конечно, не означает, что Плеханов первым обратил внимание на историческую обусловленность марксизма. Задолго до Плеханова основоположники марксизма не раз отмечали, что их учение – результат предшествующего развития мысли, указывали на своих предшественников, говорили об основных моментах и главных направлениях связи своих идей с предшествующими концепциями. Но если для Маркса и Энгельса выявление этой исторической связи было *подчиненной* задачей (главной была разработка самих идей), то для Плеханова – *главной*. В работах Маркса и Энгельса встречаются лишь отдельные фрагменты этой темы, у Плеханова же дается целостная картина, причем выполненная классически, то есть так, что в ней, говоря словами поэта, нельзя ничего «ни убавить, ни прибавить».

Что же придает плехановским работам характер классического образца?

Прежде всего то, что они адресованы не узкой касте специалистов, ученых-социологов, а очень широкой читательской аудитории, причем отнюдь не за счет снижения научности исследования, не за счет упрощения (для популяризации) научных истин и положений. Уровень Плеханова – это высший для его времени уровень общественной науки. Плеханов выводит науку из фаустовских келий к массовому читателю. Он показывает, что, собственно, главная задача общественной науки состоит вовсе не в решении каких-то мудреных диссертационно-академических задачек, а в том, чтобы аргументированно и доказательно ответить на вопросы, которые волнуют каждого, например такие: чем обуславливаются социальные изменения, какие силы «управляют» общественным развитием и каковы в этой связи возможности человека влиять на этот процесс? С этих близких и волнующих вопросов Плеханов начинает свой разговор с читателем и затем ведет его за собой – ступенька за ступенькой – по всей громадной лестнице развернутых научных ответов на эти вопросы.

Кроме того, Плеханов обладает удивительной способностью писать не «просто и ясно», а «сложно и ясно». Сложность обусловлена предметом: Плеханов, излагая концепции предшественников марксизма, должен был так изложить суть их учений, чтобы читатель почувствовал незаурядность этих людей, сумевших подняться на вершину науки своего времени. Ясность его произведений связана с тем, что он умел найти такую точку обзора, откуда сложные и иногда весьма причудливые теоретические храмы мыслителей прошлого просматривались с исключительной ясностью. Он умел открыть в концепции каждого предшественника марксизма центральное звено всей системы теоретических рассуждений. Он умел выявить те тончайшие, но прочные нити, которые связывали эти центральные положения отдельных учений в единую цепь становления науки об обществе. Следует подчеркнуть также, что для того, чтобы выявить центральные звенья концепций Гельвеция и Сен-Симона, Гизо и Гегеля, логику их связи, недостаточно было «пересказать» или «перевести» творения этих великих людей. Необходимо было *открыть* эти центральные звенья и эту логику, подобно тому как открывают законы существования и функционирования какого-либо природного или общественного явления.

Плеханов начинает с концепций просветителей XVIII века, с первых попыток создания науки об обществе. Он формулирует центральный просветительский тезис: «Социальная среда

есть продукт мысли (а затем и деятельности) людей» – и подчеркивает, что для своего времени это утверждение было очень важным. Во-первых, оно решительно порывало с существовавшей в ту эпоху традицией объяснять социальное развитие с помощью ссылок на сверхъестественные, божественные и тому подобные мистические силы. А во-вторых, оно содержало действительно немаловажную, действительно верную (хотя для человека науки достаточно очевидную) мысль о том, что ничто и никто, кроме людей, социальную среду изменить не в состоянии. Это положение раскрепощало деятельность человека, освобождало его мысль от рабского подчинения фаталистическим догмам; оно поднимало реального, земного человека на высокий пьедестал, пробуждало в нем силу и гордость творца своей судьбы. И все же, как показывает Плеханов, этот тезис не полностью удовлетворял людей: оставалось недостаточно ясно, чем определяется сама мысль человека, с помощью которой преобразуются общественные условия. Размышляя над этим вопросом, просветители установили другую, также в общем верную (и опять-таки для человека науки достаточно очевидную) зависимость: человек (со всеми его мыслями) есть продукт воспитания, продукт условий, в которых он растет, иначе говоря, продукт среды. И тут-то следующий за Плехановым читатель вдруг замечает, что таким образом просветители сформулировали два важных, два самих по себе правильных, но по-настоящему мало что объясняющих положения.

Так Плеханов вводит читателя в *проблему*. Классическая формулировка проблемы – это ее формулировка в виде противоречия, в виде антиномии, когда два положения в одно и то же время и верны, и исключают друг друга. Такое противоречие и есть источник дальнейшего движения теоретической мысли.

Мы не будем здесь последовательно раскрывать дальнейший ход плехановского анализа. Укажем только на сам принцип этого движения, метод разрешения подобных противоречий.

Плеханов показывает, как из противоположных принципов возникают целостные теории, из которых одни делают акцент на первом положении просветителей, другие – на втором. Возникшие из противоположных принципов системы вступают между собой в борьбу и обнаруживают свои достоинства и слабости. В этой борьбе, которая сопровождается постоянным обращением к историческому опыту, открываются выходы за пределы исходной антиномии двух начал, противоречивых систем, открывается более глубокое основание, из которого можно вывести оба первоначальных, противоречащих друг другу тезиса просветителей. В результате появляется (например, у историков времен Реставрации) новая, более основательная теоретическая система, выведенная из более глубокого теоретического принципа. Однако вскоре выясняется, что и этот новый принцип несовершенен, односторонен, абстрактен: исходя из него не все можно объяснить, и он сам требует объяснения. Тогда появляется другой, новый принцип, дополняющий первый и противоречащий ему. И все начинается сначала: снова два противоположных начала, снова борьба двух систем, только уже на более глубоком теоретическом уровне, снова сопоставление теорий с фактами и новое углубление, новое развитие (в трудах социалистов-утопистов). И т. д.

Это движение привело мировую общественную мысль к теории марксизма, который дал действительное решение «каверзного» вопроса о том, каким образом «обстоятельства могут изменяться теми людьми, которые сами создают обстоятельства». Марксизм, как разъяснял Плеханов, прежде всего исправил саму постановку вопроса и входящие в него понятия, выяснил ложность такого категорического разделения социального бытия на «обстоятельства» и «человека». Марксизм показал, что человек – это «мир человека», что сущность человека – это «совокупность общественных отношений», то есть если вы хотите познать, что такое «человек» («природу человека», как любили выражаться предшественники марксизма), то изучайте, как он действует, как воздействует на окружающий его мир в целях удовлетворения своих потребностей. И тогда вы увидите, что способ его деятельности зависит от характера средств, которые использует человек при воздействии на природу. Вначале такими средствами были

его естественные органы (руки, ноги, зубы и т. д.). Затем все более возрастает значение механических средств. Человек, цитирует Плеханов Маркса, «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи... Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»⁸⁷. Так создаваемые первобытным человеком молоток, рубило, лук являются как бы продолжением и усилением рук, ног, глаз человека. Молоток со временем превращается в мастерскую, фабрику, завод, которые тоже являются не чем иным, как своеобразными искусственными «органами человека», средством его воздействия на окружающий мир. Но эти орудия труда, эти разросшиеся могучие искусственные органы выступают уже не как органы отдельного индивида, а как органы общественного человека, ибо в одиночку пустить их в дело человек просто не в состоянии; для этого он должен объединиться, кооперироваться с другими людьми, то есть вступить с ними в определенную производственную связь, в определенные общественные отношения (среди которых главные – производственные).

Отсюда понятно, что характер, тип этой связи, этих производственных отношений зависит от того, каковы орудия труда, средства производства. Когда понято это, тогда становится ясно, почему социальное бытие не разделяется на «человека» и «обстоятельства», становится ясно, что «обстоятельства» (то есть фабрики, заводы, железные дороги, машины и т. д.) есть не что иное, как «искусственные органы общественного человека», есть не что-то внешнее по отношению к человеку, а есть он сам, его продолжение. Именно в этом глубокий смысл Марксовых слов: «человек – это мир человека». «Совокупность общественных отношений», «мир человека» – это и есть то, что на языке предшественников марксизма называлось «обстоятельствами». Поэтому задача теперь сводилась к тому, чтобы объяснить механизм развития социального бытия, представляющего собой неразрывное единство «обстоятельств» и «человека». И ключ к ее решению, как справедливо подчеркивает Плеханов, – в тезисах К. Маркса о Фейербахе. Человек, изменяя обстоятельства, говорится в этих тезисах, тем самым изменяет себя (ибо «обстоятельства» – это момент самого «человека»). А конкретный механизм этого «самоизменения» Человека (большая буква означает, что мы имеем в виду единство «человека» и «обстоятельств») подробно раскрывается К. Марксом в диалектике производительных сил и производственных отношений. Мы здесь не ставили задачу подробно раскрыть решение антиномии просветителей, мы остановились лишь на описанном Плехановым пути, который вел к Марксову открытию. Мы хотели показать, что «азбучные» положения марксизма, включенные в широкий исторический и социальный контекст, взятые в аспекте их становления и развития, перестают быть «азбучными».

Вот почему когда человек, историческое мышление которого развито трудами Плеханова, встречается с «азбучным» положением о роли производительных сил в общественном развитии или о значении производственных отношений, то перед его взором встают не тощие дефиниции и абстракции, а поиски Гельвеция и Руссо, Сен-Симона и Фурье, Фейербаха и Гегеля, драматические коллизии французской революции, трагедии жирондистов и якобинцев... Плеханов «распредметил» все эти формулы и категории, высвободил громадный мыслительный заряд, содержащийся в ядрах фундаментальных положений марксизма, раскрыл заключенное в них неисчерпаемое теоретическое богатство.

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 190.

О тождестве диалектики и материалистического понимания истории

Подробный анализ исторической обусловленности марксизма позволил Плеханову выявить одну чрезвычайно важную особенность марксистской теории, марксистского метода. Произошло это при анализе им перехода от философии Гегеля к философии Маркса.

Вообще рассмотрение Гегеля в качестве не просто одного из истоков марксизма, но необходимого звена в развитии общественной мысли от просветителей к Марксу – это само по себе составляет важную теоретическую заслугу Плеханова. Ведь для этого нужна была высокая теоретическая смелость и исключительная нешаблонность мышления, чтобы представить концепцию идеалиста Гегеля в качестве необходимого момента развития концепции, развертывавшейся в основном в рамках материалистической традиции, чтобы в существенных моментах поставить идеалиста Гегеля выше всех материалистов прошлого, не смущаясь грозными обвинениями в «воскрешении гегельянства», исходившими от некоторых страшно воинственных материалистов (в основе взглядов которых, впрочем, наряду с воинственностью лежала, по выражению Плеханова, «огромная умственная дубоватость»).

Не гегельянство как таковое воскрешал Плеханов, а великое в гегельянстве: изучение всех явлений «в процессе их возникновения и исчезновения», рассмотрение истории человечества в качестве «законосообразного процесса, независимого от человеческого произвола», стремление «свести к общему и единому источнику все действующие и взаимодействующие силы в общественной жизни...». И эти вершины гегелевской философии, с высоты которых уже виделся горизонт марксистской мысли, Плеханов обрисовал с такой рельефностью и с такой яркостью, что даже сдержанный на похвалу Ф. Энгельс назвал плехановский анализ Гегеля «превосходным»⁸⁸.

Но у плехановского анализа перехода от Гегеля к Марксу есть и еще один важный аспект – аспект, связанный с выяснением ограниченности гегельянства, тех тупиков, в которых оказывалась гегелевская мысль, а также с характеристикой того принципиально нового шага, который был сделан К. Марксом. В этом звене анализа Плехановым разработаны столь важные и столь глубокие положения, что они и сегодня не утратили своей злободневности, а активное подключение их к современным философским дискуссиям помогло бы, на наш взгляд, сдвинуть с мертвой точки некоторые затянувшиеся споры. Что мы имеем в виду?

Отмеченный нами аспект плехановского анализа начинается достаточно известными (и тогда, и сегодня) утверждениями, что марксизм «не мог воспользоваться диалектикой в ее идеалистическом виде», что «необходимо было прежде всего освободить ее от мистического покрова», то есть от идеализма, и соединить с материализмом, что операция эта была осуществлена К. Марксом, который стоящую на голове гегелевскую диалектику «перевернул», поставив ее на материалистические ноги. Однако далеко не все из тех, кто усвоил эту формулу «переворачивания», ясно представляли (и представляют) себе конкретный механизм этого «переворачивания», механизм «соединения» диалектики с материализмом, то есть, по сути, механизм становления диалектического материализма. Между тем ясное представление о становлении диалектического материализма есть ступень к более глубокому и более точному пониманию характера, границ, структуры этого учения, его сущности.

Известен простой и как будто бы все объясняющий ответ: гегелевской диалектике мешал идеализм, отсюда и возникла задача отбросить его, взять за исходное, как говорил еще Фейербах, «природу без подстановки», то есть материальную природу как таковую, отбросив предшествующее ей в гегелевской концепции звено – некую абсолютную идею, иначе говоря, отрезать «китайскую косу» идеализма у гегелевской философии. Но когда Фейербах отрезал эту

⁸⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 205.

«косу» гегелевской философии, то вместе с ней оказалась отрезанной и ее голова – диалектика. Оказалось, что абсолютная идея была в ту пору необходимым условием существования диалектики в гегелевской концепции. Диалектика во многом держалась на ней, и *просто* отбросить это основание, не потеряв диалектику, было невозможно. Нужно было *другое основание*. Оно и было найдено К. Марксом.

Это решающее открытие было сделано, как совершенно справедливо подчеркивал Плеханов, прежде всего в работе «К критике гегелевской философии права» (Плеханов был знаком лишь с обобщающими выводами этого исследования К. Маркса, представленными во введении к этой работе, основная часть которой была опубликована уже после смерти Плеханова; современный читатель, имеющий возможность подробно ознакомиться с этой работой К. Маркса, может воочию убедиться, сколь удивительна была проницательность Плеханова, сумевшего уловить по одному введению самую суть Марксовой критики Гегеля). В этом произведении К. Маркса процесс преодоления Гегеля предстает с особой подробностью и потому особенно зримо. Взяв одно из «звеньшек» гегелевской философской цепи (правда, весьма важное «звеньшко»), К. Маркс на его примере раскрывает характерные достоинства и недостатки гегельянства. Это «звеньшко» – схема возникновения «государства». Здесь Гегель прежде всего фиксирует верно подмеченный эмпирический факт, что государство является следствием развития «семьи» и «гражданского общества». Но наука должна, разумеется, ответить на вопрос, в чем состоит необходимость такого развития; для Гегеля этот вопрос был трудным. Ответить на него значило бы открыть не более не менее как материалистическое понимание истории (что во времена Гегеля объективно было невозможно). И вот, будучи не в состоянии указать действительные, естественные причины такого развития и стремясь в то же время сохранить идею объективной необходимости, закономерности такого развития, Гегель вынужден ссылаться на причины неестественные, точнее – сверхъестественные: реальной семье и реальной хозяйственной, экономической деятельности, гражданскому обществу предшествовала-де некая идея государства, которая и была движущей силой, внутренней целью, законом развития семьи и гражданского общества.

Эту суть гегельянщины четко зафиксировал К. Маркс: «В действительности семья и гражданское общество составляют предпосылки государства, именно они являются подлинно деятельными; в спекулятивном же (гегелевском. – Г. В.) мышлении все это становится на голову». У Гегеля «действительность рассматривается не как эта самая действительность, а как некая другая действительность. Выходит, что для обыкновенной эмпирии является законом не ее собственный дух, а чужой», то есть у Гегеля «идея превращается в самостоятельный субъект, а *действительное* отношение семьи и гражданского общества к государству превращается в *воображаемую внутреннюю* деятельность идеи»⁸⁹. Задача состояла в том, чтобы раскрыть «собственный дух» эмпирии, законы ее развития. Гегель же, не решив эту задачу, «объяснял» необходимость развития семьи и гражданского общества в государство тем, что так-де было «задумано», «предопределено» в лоне «идеи государства» и что вообще вся история общества и природы была «предначертана» в идее всех идей – в лоне абсолютной идеи. Однако это «объяснение», по сути дела, ничего не объясняло. Нельзя считать объяснением заявление: государство (или какое-либо другое эмпирическое явление) возникает потому, что так и должно было случиться, что, по логике Идеи, так было предопределено. Конечно, такой «метод» позволяет гегельянцу неплохо не то чтобы понимать, но описывать процесс развития прошлого и его превращения в настоящее (и в этом описании развития элементы диалектики, безусловно, будут присутствовать). Однако понять и описать движение от настоящего к будущему (например, перспективы дальнейшего развития государственности) гегельянец на основе своей методы будет уже не в состоянии. И только когда, скажем, государство превратится в

⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 224.

общественное самоуправление (в соответствии с законами, о которых гегелевская философия не имеет понятия), вот тогда гегельянец – *post factum* – глубокомысленно может заявить, что теперь ему все «понятно»: идее государства предшествовала еще более глубокая и абстрактная идея – «идея общественного самоуправления». То есть получается, что «объясняющая» все и вся абсолютная идея в действительности не объясняет ничего: она сама (то есть природа этой «предопределенности» или, иначе говоря, законосообразности) требует объяснения. «Эта абсолютная идея, – пишет Плеханов, – столь непреодолимая в своем движении, столь сочная и плодотворная, мать всего того, что было, есть и будет в грядущие столетия, тускнеет, делается неподвижной, оказывается чистой абстракцией и, весьма далекая от того, чтобы суметь что-либо объяснить, смиренно просит хоть какого-нибудь объяснения самой себя. *Sic transit gloria... ideae* (Так проходит слава... идеи)»⁹⁰. Искомое, действительное объяснение, как показывает Плеханов, было дано К. Марксом, открывшим материалистическое понимание истории. Вот этот итоговый вывод Плеханова: «для Гегеля диалектика социальной жизни, как и всякая диалектика конечного вообще, в последнем счете имеет мистическую причину, природу бесконечного, абсолютного духа. У Маркса она зависит от совершенно реальных причин: от развития средств производства, которыми располагает общество»⁹¹. После этого открытия отпала «всякая надобность в гипотезе духа».

Таким образом, *Плеханов доказал, что преодолеть, «перевернуть» Гегеля, соединить диалектику с материализмом можно было, только открыв материалистическое понимание истории. Только в этом случае можно было отбросить абсолютную идею, не потеряв диалектику. В материалистическом понимании истории – все начала и концы марксистской диалектики.* Только поняв это, можно браться за создание системы категорий, представляющей развернутое решение основного философского вопроса – об отношении сознания и материи.

Марксизм в понимании мышления и его соотношения с материей следует той глубокой традиции, которая идет от Спинозы, образно определившего мышление как способность мыслящего тела (то есть человека) активно строить свое собственное движение, свое собственное действие по форме любого другого тела. Марксизм принимает это очень глубокое определение, внося одно (но весьма существенное) дополнение, а именно то, что «мыслящее тело» – это не просто индивид, «человек», взятый сам по себе, а человек в его отношениях с другими людьми, социальное существо. То есть «активно действующим телом» является, по сути, человеческое общество, и движется оно «по контуру» внешнего мира с помощью таких «органов», как орудия труда, средства производства, государство и конституция и т. д. и т. п. Вот почему уже исходные категории диалектического материализма – материя, мышление – совершенно невозможно понять без таких категорий, как «общественная практика», как «способ производства», а субъект мышления – без категорий «производственные отношения», «классы», «классовая борьба». **Вот почему материалистическое понимание истории – это не какой-то «второй этаж» философии, не что-то стоящее рядом с диалектикой, а всепроникающая душа диалектики; материалистическое понимание истории пропитывает (должно пропитывать) каждую категорию диалектического материализма.** «Самой важной проблемой диалектического материализма (курсив мой. – Авт.), – остро и верно формулировал Плеханов, – была проблема исторической эволюции человечества»⁹².

Так же понимал суть дела Ф. Энгельс: он, как известно, назвал Марксовы «Тезисы о Фейербахе» «гениальным зародышем нового мировоззрения». И в этом «зародыше», в этой генетической «клеточке» марксизма особенно зримо, особенно ясно видно это неразрывное един-

⁹⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. II. М., 1956. С. 137.

⁹¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. II. С. 162.

⁹² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова в 3 томах. Т. III. М., 1974. С. 43.

ство, эта тождественность диалектического материализма и материалистического понимания истории. Именно это доказывал и доказал Плеханов, итоговым тезисом которого было: **«Диалектический материализм есть высшее развитие материалистического понимания истории»**.

Философия и социализм

Глубоко осознанное органическое единство, тождественность диалектики и материалистического понимания истории позволили Плеханову обосновать еще одно важное положение, которое, к слову сказать, активно оспаривалось (и, увы, иногда и сегодня оспаривается) иными «марксистами».

В письме Плеханову от 6 февраля 1901 года К. Каутский написал «историческую» фразу: «...я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма». О том, что это не случайно оброненная фраза, свидетельствуют и многие другие высказывания Каутского, например такое: «Я понимаю под марксизмом не философию, а эмпирическую науку, особое понимание общества». Другой теоретик II Интернационала – В. Адлер тоже «допускает возможность замены материалистической основы» научного социализма кантовской.

Такой ход мыслей отнюдь не стал далекой историей. И сегодня в «левых» кругах нередки утверждения о независимости социалистической стратегии и политической борьбы «левых» партий от той или другой философской основы и о том, что поэтому-де политическая программа борьбы такой партии может быть вполне сочетаема с философией какого-нибудь позитивизма, идеализма или даже католицизма. Плеханов же считал, что не может, что «все стороны мирозерцания Маркса самым тесным образом связаны между собой... вследствие этого нельзя по произволу удалить одну из них и заменить ее совокупностью взглядов, не менее произвольно вырванных из совершенно другого мирозерцания»⁹³. Он это доказывал и демонстрировал постоянно – и в общетеоретической форме, и на весьма впечатляющих конкретных примерах.

А. Богданов, к примеру, желал быть последовательным революционным борцом за дело трудящихся, сторонником Марксовой теории социалистической революции; он воевал с реформистами и в эпоху первой русской революции входил в большевистский ЦК. Но Богданову, удрученному поражением революции и не понявшему действительных причин этого поражения, показалось, что наилучшей основой марксистской теории революции и социалистической революционной деятельности может быть не диалектический материализм, а одна из разновидностей позитивизма – махизм; Богданову показалось, что диалектический материализм с его признанием объективной истины и объективной законосообразности исторического процесса есть одна из форм оправдания действительности, ведущая в конечном счете к оппортунизму и реформизму. Отрицающий же объективные законы махизм, с его точки зрения, раскрепощает революционера, открывает перед ним простор для «творческой», «решительной», не сдерживаемой никакими рамками преобразовательной деятельности.

Убийственным сарказмом встретил эту богдановскую риторику Плеханов. Он указал, что «бурная революционность», опирающаяся на субъективистскую философию Маха и вследствие этого не умеющая соотносываться с объективной логикой исторического развития, с объективными интересами и возможностями масс, есть не социалистическая революционность.

Подлинно социалистическая революционная деятельность – это самодеятельность народных масс, богдановско-махистская же «революция» – это деятельность «социальных органи-

⁹³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. III. М., 1957. С. 198.

заторов», этих «сверхчеловеков», стоящих над бессловесными и послушными стадами народных масс и милостиво повелевающих ими. Вот почему Плеханов имел полное право заявить: «Оружие, выкованное вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей: оно обеспечивает им не победу, а поражение»⁹⁴.

Столь же печальный результат, как показал Плеханов, дала и попытка так называемых богостроителей «усовершенствовать» марксизм путем замены материализма своеобразной разновидностью религии. Она устраняла традиционного бога и в то же время стремилась учить религиозные традиции масс, организующую роль веры. «...Бог есть человечество в высшей потенции», – восторженно писали богостроители. На «человечество», на этого нового бога должен молиться, должен работать каждый человек. Конечно, субъективно «богостроители» хотели хорошего, хотели ускорить процесс движения общества к социализму. Но Плеханов выявил объективный смысл такой замены материализма «религией». Холодной и бестрепетной рукой он стер всю позолоту концепции «богостроительства», разорвал всю ее многоцветную словесную упаковку и обнажил ее весьма неприглядную суть: обожествленное «человечество» оторвано от «я», от отдельного человека, индивида; в этой концепции отдельный человек остается беспомощным, зависимым существом, обязанным служить новому идолу – некоему абстрактному «человечеству» (которое, впрочем, не преминет предстать в образе каких-нибудь своих конкретных представителей, своих жрецов, этих новых заместителей «нового бога» на грешной земле). Приращение роли сознательного компонента народных движений, выдвигание на первый план моментов иррациональных – экзальтированности, веры, коллективной ритуальности – не могут вести ни к чему иному, как к «казарменному коммунизму», который есть всего лишь «вывернутая наизнанку буржуазность». И это, настаивает Плеханов, есть закономерный итог попыток сочетать социалистическую теорию К. Маркса с какой-либо иной, нематериалистической философией.

Струве и Бернштейн пытались проделать другую, нежели Богданов и его сторонники, противоположную операцию. Они начали с попытки сохранить фундаментальные положения материалистического понимания природы и общества, отбросив научный социализм, заменив марксистскую теорию революции теорией социальных реформ. А кончилось это, как показал Плеханов, тем, что Струве, много говоривший об объективности социальных законов и ведущей роли экономики, но не доводивший своей концепции до признания революционной исторической миссии угнетенного класса и необходимости в той или другой форме социалистической революции, низвел свой объективизм до исторического фатализма и примирения с буржуазно-монархической действительностью. Бернштейнцы, выдвинувшие стратегию социальных реформ *вместо* революции, эволюционировали от материализма к кантианству (к тому же в его самой примитивной и вульгарной версии). Их печально знаменитый лозунг «движение – все, цель – ничто», в котором абсолютизируется медленное, постепенное реформистское движение и отбрасывается – как нечто практически недостижимое – «цель», то есть социализм, – этот лозунг есть по сути перевод на политический язык центральной кантовской идеи об ограниченности человеческого познания миром «явлений», миром «опыта» и невозможности выхода за пределы этого мира в недостижимый, недоступный и непознаваемый мир «вещей в себе».

Плеханов, таким образом, показал, что выбор той или иной позиции в классовой, социальной борьбе соответствующим образом детерминирует и выбор *философской* основы, и наоборот. Более того, Плеханов доказал не просто то, что подлинно социалистическая теория может вырасти только на основе материализма, на основе материалистического понимания истории (это более или менее очевидно), но и то, что само понимание истории становится

⁹⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. III. М., 1957. С. 300.

действительно *материалистическим* только тогда, когда оно доводится до идеи социализма. Только тогда.

Иначе говоря, теория социалистических преобразований – это не просто один из «этажей» марксизма, а замыкающее всю цепь звено, которое и превращает понимание истории в действительно материалистическое понимание, а через него диалектику – в материалистическую диалектику.

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, теория социализма – не стоящие «рядом» особые науки, а пропитывающие друг друга, взаимопроникающие моменты, неразделимые части *одной-единой* науки, имя которой – марксизм. Не случайно для классиков марксизма и Плеханова равноценными наименованиями марксистской науки в целом, полноправными синонимами были: «диалектический материализм», «материалистическое понимание истории», «научный социализм» (снова просим не отождествлять «научный социализм» Маркса со сталинистской версией «научного коммунизма», заполнявшего всю учебную литературу по обществоведению во время оно и служившего делу оболванивания, «манкуртизации» общества). Вот итоговая плехановская формула: «Марксизм – это целое мирозерцание... Каждая сторона этого мирозерцания самым тесным образом связана со всеми остальными и каждая освещает собою все остальные, помогает их пониманию. Нельзя вырвать какую-нибудь одну из них и ограничиться ее признанием, устраняя остальные или игнорируя их. Это значит изуродовать марксизм, изгнать из него душу, превратить эту живую теорию в мумию мысли и, не довольствуясь даже этим, сосредоточить все свое внимание лишь на том или другом органе этой мумии. В этом величие марксизма и в этом же причина того, что его так ошибочно понимают многие из тех, которые искренно стремятся к его пониманию»⁹⁵. И когда сегодня сталкиваешься с попытками людей, «искренно стремящихся быть марксистами», отделить революционную стратегию борьбы от философии марксизма, то невольно вспоминаешь верные и точные слова Плеханова: если социалистические идеологи «показывают часто полное непонимание ими философии Маркса, то от этого она теряет очень мало, а они очень много; их взгляды лишаются всякой стройности и вступают в уродливые сочетания со взглядами, выработанными идеологами *современной буржуазии*»⁹⁶.

«Подменять конкретное абстрактным – один из самых опасных грехов»

Мы уже приводили высказывание о том, что «способ рассуждения» Плеханова есть «опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом». Подобная характеристика выглядит абсолютно несовместимой со всем тем, о чем мы только что писали. Так резко и так категорично – «опошление», «насмешка». Нет ли в этих словах некоторого полемического преувеличения, объясняющегося остротой какого-то конкретного спора? Нет! К сожалению, нет. К сожалению, все именно так и обстоит. И незачем прибегать к каким-то приглаженным формулировкам там, где речь идет о принципиальных вещах.

Как же все-таки совмещаются те «несовместимые» высказывания? Какие ошибки допускал Плеханов и в чем корни этих ошибок?

Здесь, как и при объяснении исторических заслуг Плеханова, следует остерегаться легких, лежащих на поверхности и кажущихся очевидными ответов, таких как: Плеханов не разглядел специфики России (был-де долго оторван от родины) и потому неправильно определял перспективы русского революционного движения; Плеханов-де не был практиком и терялся в тактических вопросах, а это, как правило, и приводило его в лагерь меньшевиков и т. д. и т. п.

⁹⁵ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. III. С. 198.

⁹⁶ Там же. С. 199.

И снова, как и в первом случае – при рассмотрении заслуг Плеханова, мы должны сказать, что эти утверждения сами по себе, в общем верны, но они фиксируют внимание на ошибочности *отдельных конкретных оценок*, дававшихся Плехановым, но не отвечают на вопрос, в чем погрешности его «способа рассуждений», то есть его *метода*. Следует же обращать внимание как раз на последнее, ибо конкретные политические и тактические ошибки Плеханова во многом связаны с недостатками именно его *методологии*.

В чем же состоят эти недостатки, эти погрешности? Отвечая на этот вопрос, мы остановимся лишь на двух, но, думается, самых главных моментах.

Первый связан с самим пониманием значения метода как инструмента познания, роли метода в процессе познания, *соотношения метода и конкретных данных*. Как этот вопрос ставил Плеханов? Разработанная Марксом и Энгельсом «современная социалистическая теория, – писал он, – это алгебра революции, могущая дать нам только алгебраические формулы»; эта общая теория применяется как метод при исследовании социальных условий конкретных стран и регионов. Как же применять «алгебраические формулы» этой общей теории? Вот как: «...чтобы руководиться этими формулами на практике, мы должны уметь заменять в них алгебраические знаки определенными арифметическими величинами, а для этого необходимо принять в соображение все частные условия каждого частного случая. Только при таком пользовании этими формулами они сохраняют свой живой диалектический характер и не превращаются в мертвые метафизические догмы...»⁹⁷.

Итак, в верную алгебраическую формулу ставить арифметические значения, арифметическую конкретику данной страны. Отметим прежде всего, что Плеханов вовсе не за то, чтобы поклоняться только общим формулам, игнорируя специфику страны (как то ему приписывают некоторые исследователи); эти обвинения начались еще в 80–90-х годах XIX века, когда народники стремились доказать, что марксисты и их лидер Плеханов предсказывают капиталистическую перспективу развития России, исходя не из ее конкретных условий, а из общей социологической схемы марксизма, согласно которой будто бы все страны неизбежно должны пройти этап капиталистического развития. И еще тогда в статье «Наши разногласия» Плеханов показал, что дело вовсе не в общих схемах. В алгебраическую формулу марксизма о том, что производительные силы обуславливают производственные отношения, а их противоречие определяет направление развития общества, тип и формы происходящей в нем социальной борьбы, Плеханов подставил арифметические величины российской конкретики. Он с цифрами и фактами в руках доказал наличие и развитие крупного машинного производства в России, выявил роль всероссийского рынка, тип сложившихся и складывающихся классов и из этого, а вовсе не из общей формулы как таковой, сделал вывод: Россия вступает на путь капитализма и революционное движение в России победит как рабочее движение или не победит вовсе. И это были в значительной степени верные выводы.

Погрешности плехановского метода состоят в другом и требуют для своего выявления несравненно более тонкого анализа. Зримо они проявились в эпоху первой русской революции 1905–1907 годов. В эту эпоху Плеханов, как и прежде, применил свой метод подстановки арифметических значений русской конкретики в проверенную общую марксистскую формулу – метод, давший такие великолепные результаты в предшествующее десятилетие. Анализируя содержание и перспективы классовой борьбы в России в начале XX столетия, Плеханов в общую марксистскую формулу о содержании классовой борьбы в период буржуазной революции (а для всех марксистов было несомненно, что – по уровню развития производительных сил – Россия накануне буржуазной революции) подставил российские данные и получил ответ: российская либеральная буржуазия должна возглавить революционную борьбу и взять власть, рабочий же класс и все другие слои трудящихся (крестьянство в том числе) должны поддержать

⁹⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. III. С. 95–96.

буржуазию против самодержавия, помещиков, остатков феодализма. В действительности же либеральная буржуазия отказывалась выступать против самодержавия, отказывалась от поддержки, предлагаемой революционными массами, в союзе с самодержавием старалась погасить революционное движение народа.

Здесь и обнаружился изъян плехановской методологии. Плеханов не учитывал, что переход от общей формулы к конкретной ситуации конкретной действительности – это переход не от алгебраических значений к арифметическим, а **от абстрактного к конкретному**, которое всегда несравненно шире, несравненно богаче абстрактной формулы, не подводится легко и просто под нее, не вмещается в нее. Плеханов упускал из виду, что применение общих алгебраических формул к стремительно развивающейся действительности, подставление в них арифметической конкретики – это процесс, в котором не только познается конкретное, но *одновременно и изменяется, усложняется, уточняется сама исходная алгебраическая формула*: каждый шаг в познании действительности с помощью этой формулы есть одновременно и шаг в направлении изменения, уточнения исходной общей формулы. Он упускал из виду, что в едином акте, в едином процессе познания, с одной стороны, формула служит средством познания действительности, а с другой стороны и в то же самое время действительность есть средство развития и уточнения исходных формул.

В отличие от релятивистов, диалектики с доверием относятся к открытым наукой и проверенным на практике законам, берут их за основу своего познания и действия. Но, в отличие от догматика, диалектик берет их, как любили говорить древние, «со щепоткой соли», то есть не как абсолютный, ненарушимый канон, а как руководящий принцип при исследовании⁹⁸, который может уточняться в самом ходе этого исследования.

В связи с этим возникает другой вопрос: в чем же познавательная, эвристическая сила исходных законов (алгебраических формул), если нельзя заранее с уверенностью сказать, что данная система изучаемых конкретных фактов относится к области применения этих законов; ведь может получиться так, что применяемый закон к данной системе фактов не имеет никакого отношения. Но в том-то и состоит вся трудность и весь смысл процесса познания, что, *только применяя данный абстрактный закон, можно определить, выходит ли та или другая система за рамки его применения*, и тем самым одновременно получить возможность найти модифицирующий фактор (если он есть) и, изучив его, уточнить (усложнить или упростить) сам закон, саму исходную формулу, то есть развить сам метод. *Другого способа познания действительности и – одновременно – развития метода познания не существует.*

Этот принцип «саморазвития» метода в процессе его «применения» не был освоен Плехановым. Его способ анализа и способ рассуждения не были ориентированы на развитие исходных принципов, на анализ того важного звена, того важного мостика, «шестую» по которому, общие принципы преобразуются (довольно сложным и противоречивым образом) в конкретные решения. Плехановской методологии познания явно недоставало диалектичности. Реальная действительность нередко выступала у Плеханова как сумма примеров, наглядных иллюстраций общих формул. Он держал жесткий курс только на *непосредственное подведение конкретного под абстрактное*. И там, где это конкретное, по счастливой случайности, в общем и целом отвечало диапазону действия абстрактной формулы (в 80–90-х годах XIX века), конкретные ответы Плеханова оказывались верными и точными. Когда же действительность частично вышла за рамки этого диапазона (к началу XX столетия), плехановские ответы стали все больше отличаться от истины.

«Арифметика» русской действительности начала XX столетия, подставленная в традиционную алгебраическую формулу содержания классовой борьбы в буржуазной революции,

⁹⁸ «Все миропонимание Маркса – это не доктрина, а метод, – подчеркивал Энгельс. – Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39. С. 352).

сложившуюся на материале исторического опыта Западной Европы, разрушала эту традиционную формулу, ибо практика показывала, что русская буржуазия, в отличие от западноевропейской буржуазии прошлого, не хотела глубоких социально-политических преобразований. Вместо того чтобы оценить значение этого момента, Плеханов, веривший в абсолютную силу традиционной алгебраической формулы, стремился убедить прогрессивную общественность, что нереволлюционность русской буржуазии – явление временное, случайное, зависит не от объективных, а от субъективных моментов, что это пройдет; только не надо-де социал-демократам «пугать» буржуазию своей революционностью, что рабочий класс, не претендуя на ведущую роль, должен помочь ей взять власть, что надо повлиять на ее идеологов – Милюкова, Струве – объяснить им, что есть такой закон буржуазной революции и что надо этому закону следовать, иначе будет хуже всем, в том числе и самой буржуазии. На решение этих задач Плеханов направлял свою деятельность.

Оппонируя же ему социал-демократы, с самого начала ориентированные на возможность *усложнения исходной формулы*, обратили исключительно пристальное внимание на причины своеобразного политического поведения русской либеральной буржуазии. В результате тщательного анализа они установили, что нереволлюционность (и даже контрреволюционность) буржуазии для стран типа России в начале XX столетия – явление не случайное, а закономерное. Они установили и изучили факторы, обусловившие это, в частности такой фактор, как *всемирность исторического процесса* – когда плоды развития, и материальные, и духовные, исторический опыт и политические уроки одних стран становятся достоянием других.

Перед буржуазией и пролетариатом России был опыт развития Западной Европы после английской и французской буржуазных революций. Фундаментальная общность буржуазии и трудящихся (в том числе пролетариата), обусловившая прочное социально-политическое единство в эпоху французской буржуазной революции в конце XVIII века, была невозможна в начале XX века: западноевропейский опыт с полной определенностью показал буржуазии, что ее самый главный и самый опасный враг – рабочий класс и потому для успешной борьбы с ним необходимо использовать менее опасную для буржуазии – самодержавно-помещичью – силу; пусть буржуазное развитие будет несколько замедленным (в этой самодержавно-крепостнической скорлупе), но зато менее опасным для буржуазии. Кроме того, начавшаяся империалистическая эпоха с ее гигантским укрупнением производства остро поставила вопрос о расширении внешних рынков, о захвате новых земель. В этих условиях русская буржуазия нуждалась в сложившемся военно-репрессивном аппарате самодержавия (формировалась оригинальная социальная форма, которую социал-демократы называли военно-феодальным империализмом). Революционная перестройка не усилила бы, а ослабила империалистическую и либеральную буржуазию, заставив ее, экономически и политически довольно слабую, вести в одиночку борьбу сразу на трех фронтах – против уже достаточно сильного рабочего класса, против самодержавно-помещичьих сил и против иностранных буржуазных конкурентов.

На этом переходе от абстрактного (от алгебраической формулы) к конкретному в условиях, когда назревавшая в России революция не могла выйти за рамки буржуазных преобразований, а буржуазия выступала против этой буржуазной революции, возникла новая задача. Какие же социальные силы и в каких формах смогут выполнить объективное социально-экономическое требование антифеодальных, буржуазных преобразований? Таким образом, конкретная ситуация выступала как новая задача, требующая самостоятельного решения. «... Всякая новая задача... – подчеркивали революционные социал-демократы, – требует от людей не простого повторения заученных лозунгов, а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей»⁹⁹. Это нечто

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 82.

совсем иное, нежели плехановский метод подстановки арифметических цифр на место алгебраических букв.

Решая эту задачу, оппоненты Плеханова одновременно вносят в исходную формулу новый алгебраический знак – как бы поправочный коэффициент на ту или иную мировую историческую эпоху. В *эпоху становления капитализма* «работает» исходная, традиционная формула. Для понимания буржуазных революций в *эпоху империализма* традиционная формула модифицируется в формулу буржуазно-демократической революции, в которой основными движущими силами выступают рабочий класс и крестьянство, которые после победы устанавливают революционно-демократическую диктатуру – с целью обеспечения ее перерастания в социалистическое общественное устройство. Эта новая, «усложненная» и уточненная формула будет служить исходным методологическим ключом для решения конкретных задач социального развития отдельных стран в эпоху империализма. Такой подход дает ключ к пониманию этой методологии теоретического и революционного творчества. Плехановский же способ рассуждения, плехановская методология соотнесения общих формул с конкретной действительностью есть замораживание марксизма, его одереветвление, то есть, иначе говоря, – его «опошление».

Другая существенная погрешность плехановского метода связана с решением вопроса о роли сознания, субъективного фактора в историческом процессе. И здесь, при характеристике позиции Плеханова, нужен очень тонкий и очень точный анализ, иначе невозможно зафиксировать действительные слабости Плеханова. Мы считаем необходимым подчеркнуть это в связи с довольно распространенным представлением, будто Плеханов «фетишизировал» роль производительных сил и экономического фактора, что он будто бы мало внимания уделял процессу обратного воздействия сознания на общественное бытие, не сумел-де с должной глубиной оценить идеи Ф. Энгельса относительно того, что общественное сознание способно ускорить или замедлить процесс социального развития, а также мысль К. Маркса о том, что человек хотя и не властен отменить законы истории, но способен смягчить муки рождения нового.

Все это не так: и названные идеи Ф. Энгельса, и мысль К. Маркса, и принцип «обратного воздействия» сознания на бытие Плеханов прекрасно знал, неоднократно на них ссылаясь и последовательно применял в своих конкретных исследованиях. Различия плехановского и подлинно марксистского методов гораздо тоньше, и возникают они на гораздо более высоких и содержательных этажах теории. Признание обратного воздействия сознания на бытие – это, конечно, необходимо, но еще не достаточно для того, чтобы в вопросе об отношении общественного сознания и общественного бытия быть вполне марксистом.

Плеханов не смог освоить все богатство и глубину высказанной еще в «Нищете философии» Марксовой идеи о том, что надо рассматривать «людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы», «их собственной истории». Одновременно как актеров и как авторов! Плеханов это понимал так: человек является действующим лицом (актером) исторической драмы, потому что его деятельность определена сюжетом, решающие линии и главные коллизии которого обусловлены уровнем развития производительных сил, характером производственных отношений и т. д., и из этой общей, достаточно жесткой логики написанного не им сюжета человек выпрыгнуть не может; а автором он является в том смысле, что именно человек, и никто другой, все делает в истории и к тому же – хотя он и делает это под давлением внешних обстоятельств – влияет на формы, темп изменений. В таком понимании роль человека в качестве действующего лица (актера) выявляется хорошо, а вот «авторства» не получается. Что же это за «автор», в задачу которого входит лишь более точное и глубокое осознание требований экономического базиса; это не авторство, а просто лучшее или худшее исполнение по нотам, которые пишутся кем-то другим (не считаем же мы автором «Лунной сонаты» Э. Гилельса только потому, что он ее исполняет лучше многих).

К. Маркс и Ф. Энгельс роль сознания и субъективного фактора и, следовательно, само «авторство» людей в истории понимали несравненно глубже. Да, конечно, они тоже отводили решающее значение уровню производительных сил, характеру производственных отношений, уровню культурности народа, что и определяет возможное на данный исторический момент направление социального развития. Но Маркс представлял себе это направление не как линию, а скорее, если прибегнуть к образному сравнению, как веер лучей, расходящихся из данной исторической точки. Разумеется, набор этих «лучей», этих исторических возможностей, исторических альтернатив социального развития ограничен, обусловлен уровнем развития производительных сил и т. д.; так, нельзя при всем желании из рабовладения перепрыгнуть в социализм, из феодализма в современное индустриальное общество и т. п. Но если общие рамки деятельности человеку предписаны прежним уровнем социального развития (и потому он – действующее лицо, актер), то выбор внутри этих рамок одной из возможных исторических альтернатив не предопределен заранее, он решается борьбой социальных сил, а в ней громадную роль играют сознательность, сплоченность, организованность борющихся классов, глубина и гибкость стратегии политических партий, мужество и решимость вождей, их умение глубоко и точно формулировать социальные противоречия, предлагать способы их разрешения, наиболее выгодные для народных масс, выдвигать «истинные лозунги борьбы». И это не просто борьба за более или менее быстрое осуществление заранее предопределенного типа исторического развития (как полагал Плеханов), а борьба именно за *разные (отнюдь не предопределенные заранее) типы развития в пределах общей исторической «рамки» движения*.

Революция 1905 года особенно зримо выявила это различие плехановской и ленинской (последовательно марксистской) методологических позиций.

Плеханов говорил о необходимости революционной борьбой ускорить победу капитализма в России, призывал умелой тактикой смягчить муки рождения нового и т. д. Ленинская же постановка вопроса была иная. В России, в общих рамках капитализма, возможны разные типы капиталистического развития: крайнюю левую, наиболее прогрессивную историческую альтернативу Ленин назвал «американским путем развития»; крайнюю правую возможность Ленин характеризовал как «прусский путь». Конечно, «американский путь» – тоже способ ускорения капиталистического развития, способ смягчения мук рождения нового (ибо он более выгоден для широких слоев народа). Но в категориях «ускорение» и «смягчение» не выражаются суть и специфика ленинской методологической и конкретно-исторической позиции, они не являются ключом к ее пониманию. «Американский» и «прусский» пути – это не просто более быстрый и более медленный, а это пути, которые предполагают разные комбинации социально-классовых и политических сил, существенно различные типы экономической деятельности, разные формы политической организации общества, государства. И самое существенное с точки зрения рассматриваемого нами аспекта – победа той или другой возможности обуславливает принципиально различные веера новых альтернатив. Так, победа «американского пути развития» открывает принципиально новую перспективу – непрерывного развития революции вплоть до перехода к социализму.

Таким образом, «американский путь», победа которого возможна лишь при громадном влиянии субъективного фактора, открывает перспективы, которые невозможно увидеть с рубежей «прусского пути развития». Вот этот осуществляемый субъективным фактором сдвиг всей оси социально-политической жизни страны далеко влево обусловит и веер новых альтернатив, совершенно невозможных в случае победы «прусского пути». И тогда снова, уже на новой основе, возникнет борьба за наиболее прогрессивный вариант. «Бороться всеми силами всегда и непременно за максимум наших требований» – вот ленинский методологический принцип.

Если провести такой мысленный, но отнюдь не фантастический эксперимент – представить себе два схожих общества, в одном из которых благодаря субъективному фактору постоянно побеждает крайняя левая альтернатива, а в другом – крайняя правая, то по прошествии

некоторого исторического времени былая схожесть этих двух обществ исчезнет – так будут разительно отличаться они одно от другого.

Иначе говоря, из одной и той же исходной экономической основы в силу различного воздействия субъективного фактора вырастают так далеко друг от друга отстоящие общества.

Думается, так «авторство» человека может быть выявлено более наглядно.

Здесь особенно ясно видно, что формула об «авторстве» человека употребляется вовсе не в каком-то условном, переносном смысле, а в самом полном и точном значении этого слова.

И вместе с тем в этих ленинских установках нет ни грана от методологии исторического субъективизма и волюнтаризма, от методологии народнического или младогегельянского типа, в чем так часто пытался упрекать Ленина Плеханов.

Ленинская позиция одинаково далека как от объективизма, преклоняющегося перед «естественноисторическим» (что на языке объективизма означает – стихийным) развитием, так и от субъективистской наивности, стремящейся «по своему усмотрению» направлять ход исторического движения...

Плеханов и Ленин в февральско-октябрьском революционном процессе

Вот и революционный процесс 1917 года категорически отказывался укладываться в рамки, намеченные для него Плехановым. Это были святыне для Плеханова «рамки» – вычерченные по лекалам его великих учителей – Маркса и Энгельса (вычерченные, что не следует забывать, в середине XIX века).

Что же предугадывали, по убеждению Плеханова, эти рамки?

В феврале 1917 года свергнута российская монархия, это олицетворение феодальных отношений. После феодализма какой должен придти общественный строй? Капитализм! А кто является главным субъектом капиталистических отношений и, следовательно, лидером антифеодальных революционных преобразований? Естественно, буржуазия! Значит, революция должна идти в буржуазно-демократических рамках и завершиться установлением буржуазного, капиталистического строя. Пролетариат, за интересы которого всю свою жизнь боролся Георгий Валентинович, должен понять: это – не **его** революция. Его задача: подталкивать буржуазию и ее политических лидеров к установлению возможно более **демократического** буржуазного строя. Стремиться взять в свои руки власть – будет для него большой и трагической ошибкой. «В течение последних месяцев, – писал Плеханов, – нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было. Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. *Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти.* Навязать ему такую власть, значит, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастьем и для всей России. В населении нашего государства пролетариат составляет *не большинство, а меньшинство*. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство... Последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом, – или еще того хуже – одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восста-

новлении старого порядка... Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться»¹⁰⁰.

И еще. Покуда идет война, ни в коем случае не следует использовать (и усугублять анти-военной агитацией) нелегкую ситуацию, в которой оказалась Россия, для радикальной пролетарской революции. Надо помогать буржуазно-демократической революции, буржуазно-демократической власти защищать страну от германской агрессии и довести войну до «победного конца».

Вроде бы все удивительно стройно и удивительно логично. Но... Но почему-то ни одна серьезная социальная и политическая сила не спешила включать Плеханова в свои ряды. И ни с одной из них не желал объединяться Плеханов. Так, приветствуя его «патриотическо-оборонческую» позицию, к нему протапывали дорожки, вели с ним переговоры лидеры всего спектра буржуазных партий – от кадетов до октябристов и даже крайних правых: Милюков, Гучков, Родзянко, Пуришкевич... Он их поощрял: это – ваша революция, действуйте. Но идти в тесном ряду с вами мне не по пути: моя «компания» – рабочий класс. И я буду с ним – и в ходе вашей революции, и в вашем будущем буржуазно-демократическом строе. Буду и там отстаивать его экономические, политические и культурные интересы. Да, и интерес Милюковых-Гучковых к союзу с Плехановым постепенно ослабевал – видели, как на глазах тает его авторитет в социалистических кругах.

Неоднократно предлагал Плеханову министерский пост в своем правительстве Александр Керенский. Плеханов желал «полубуржуазному» Керенскому успеха. Он приветствовал «новое правительство (Керенского), появившееся на свет под знаком спасения родины и революции от внешнего врага»; «преступлением перед революцией было бы не только восставать против него, но и воздвигать перед ним хотя бы самонаименьшие препятствия»¹⁰¹. Но вступать в тесный союз с человеком, не ставящим задачу отстаивания интересов пролетариата, не желал. И к «псевдовеличию», демонстрируемому Керенским, относился с иронией. Вот его комментарий в связи с речью Керенского о «цветах души» на Государственном совещании в Москве: «Слезливый Ламартин был всегда мне противен, – говорил Плеханов, сравнивая российского первого министра с одним из членов Временного правительства Франции 1848 года, – но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужеского пола, а скорее женского... Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царевококшайска. Керенский – это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться». Однако на вопрос, неужели именно в таком тоне он будет писать статью о Государственном совещании, Плеханов ответил: «Всего того, что я о Керенском думаю, я написать не могу. Пока нет другого правительства, забивать насмерть существующее – значило бы... делать дело Ленина»¹⁰².

Ну, тогда, может быть, социалистические партии должны были быть с Плехановым (может быть, даже во главе с ним)? Как будто бы для этого имелись все основания. Я счастлив, сказал Плеханов на площади Финляндского вокзала 31 марта – по возвращении из эмиграции, что красное знамя, поднятое (молодым Плехановым) 40 лет назад на Казанской площади в Петербурге, развевается ныне над всей русской землей. Ну, а раз ты первым (!) поднял это знамя и на протяжении сорока лет его защищал, и под ним собирались тысячи твоих единомышленников, то кому, как не тебе, в долгожданные дни революции встать во главе их или, по крайней мере, в их первых рядах? Но, увы, ни того, ни другого не происходило. Лидерам Совета (второй – наряду с Временным правительством – власти в России) претила откровен-

¹⁰⁰ Открытое письмо к петроградским рабочим // «Единство». № 173, 28 октября 1917 г.

¹⁰¹ Новое министерство // «Единство». № 85, 9 июля 1917 г.

¹⁰² *Валентинов Н. В.* Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина / Ред. – сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 185.

ная, а иногда и просто вызывающая, «социал-патриотическая» позиция Плеханова. Анжелика Балабанова, бывшая ученица Плеханова и один из лидеров итальянских социалистов, вспоминала, как потрясла ее фраза Плеханова: «Что касается меня, если бы я не был стар и болен, то пошел бы в армию. Мне доставило бы огромное удовольствие поднять на штык ваших немецких товарищей». Да, и Плеханов не собирался расшаркиваться перед теми социалистами, которые не разделяют его позицию «война до победы». Вот его отношение к ним: «Доказывая, что мы переживаем буржуазную революцию, Церетели, Скобелев и другие являлись противниками Ленина; отстаивая циммервальд-кентальскую утопию, они выступали его союзниками и... сообщниками. Потому-то я назвал их *полуленинцами*. ...Циммервальдская душа должна была в груди меньшевиков оттенка Церетели и Скобелева взять верх над марксистской душой. И она, действительно, взяла верх над нею. Церетели и его друзья, сами того не желая и не сознавая, прокладывали путь для Ленина. Они, так разумно утверждавшие, что захват власти трудящейся массой был бы для нее величайшим историческим несчастьем, чрезвычайно много сделали для того, чтобы толкнуть ее в бездну этого несчастья»¹⁰³.

Меньшевики-«полуленинцы» уже не внимали с прежним пиететом укоризнам своего бывшего Учителя. Они не без сожаления констатировали: «История сыграла с ним злую шутку: его, первого, кто наметил прямой путь революции, она вынудила всем весом своего авторитета воспротивиться революционному движению во время войны, а когда наконец, без него и помимо его, началась революция, история вывела его из борьбы, оставила в стороне и дала ему единственное утешение – кляузно жаловаться»¹⁰⁴.

И старые, обожавшие Плеханова друзья, не разделявшие его позиций 1917 года, все больше отдалялись от Георгия Валентиновича.

Осип Васильевич Аптекман, давний друг Плеханова – со времен народнической юности, «Земли и воли», «Черного передела», социал-демократ, интернационалист. «Этот раз Плеханов, – пишет он об одном знаковом выступлении Георгия Валентиновича, – уж показал подлинное свое лицо: он выступил ярким защитником войны, решительным сторонником „союзников“... Плеханов, таким образом, публично и безоговорочно заявил своей речью, что он стал уже по ту сторону баррикады, перекочевал на тот берег... Плеханов – „социал-патриот“, Плеханов – идеолог империалистической войны, Плеханов в трогательном единении с совершенно чуждыми ему элементами: с правыми эсерами, с правыми эсдеками до кадета Милюкова включительно... И еще я вспомнил роковое одиночество Плеханова в последние годы, его полная изоляция от бывших его соратников, его расхождение с бывшим его другом-товарищем П. Б. Аксельродом». И далее – просто щемящие сердце и душу строки: «Мы сели на скамейку на перроне и... молчали. Жуткое молчание. Плеханов опустил голову. Меня охватило, сказал бы, похоронное чувство. И подлинно: то хоронили мы нашу многолетнюю дружбу, наше дорогое молодое прошлое, совместно пережитое и передуманное... Целую полосу жизни... Я мельком взглянул на Плеханова: „орел“ с подбитыми крыльями, „орел“ – с потухающим взором... Он не смотрит уже вперед, вдаль, как это раньше бывало, его проникновенные взоры не прорезывают уж далекие, светлые перспективы грядущего, – его голова опущена... его прозорливый взгляд угас... Раненый насмерть орел... Когда он вернулся в Россию, он не пожелал видеть старых своих друзей, с которыми идейно разошелся... И разумно. Инакомыслящие друзья – уже не друзья и не товарищи»¹⁰⁵.

И Вера Ивановна Засулич, чье имя и судьба неразрывно связаны с Георгием Валентиновичем, в глубокой растерянности стояла в сентябре 1917 года перед выбором: принять приглашение «Жоржа» (Плеханова) войти в его группу «Единство» или нет. «На мои слова, –

¹⁰³ Что посеяли, то и пожали // «Единство». № 138, 12 сентября 1917 г.

¹⁰⁴ «Рабочая газета». 25 мая 1917 г.

¹⁰⁵ Аптекман О. В. Георгий Валентинович Плеханов: из личных воспоминаний. Л., 1924. С. 95, 96.

вспоминала меньшевичка Татьяна Вулих, – что это будет для нее прекрасно... раз она... разделяет позицию Плеханова и считает необходимым публично бороться со все возрастающим влиянием в партии интернационалистов, она должна его поддержать, тем более что Плеханов одинок, она ответила: „Все это так, и, не будь этих соображений, я бы не раздумывала, а просто отказалась. Но ведь принять приглашение – это значит порвать с партией (то есть – с меньшевиками, которых в ту пору Плеханов именовал «полуленинцами». – Г. В.), окончательно уйти из нее. Положим, Плеханов неплохая компания, но ведь он не один, а окружен другими, и кто с ним? Алексинский, Иорданский – это мразь. Бедный Жорж, с кем ему приходится работать, а расстаться с ними он не захочет – у него нет людей“»¹⁰⁶. С какими же людьми приходится теперь шагать Плеханову, если деликатнейшая и интеллигентнейшая Вера Ивановна не нашла для их характеристики другого слова, как «мразь»? Действительно: «Бедный Жорж»!

Итак, прежние единомышленники по меньшевистской партии («полуленинцы») отторгнуты Плехановым и превратились в «полупротивников». А что же «полный» ленинец (то есть Владимир Ильич)? С ним-то как быть?

С ним – разрыв полный и абсолютный. Хотя (что удивительно!) – при какой-то то и дело прорывающейся невольной внутренней симпатии к ленинской твердости, цельности, последовательности. Так, указывая на совпадение (хотя и по разным основаниям) ленинской и своей критической оценки Стокгольмской конференции (апрель 1917 года), Плеханов пишет: «Рабочая газета» (орган меньшевистского ЦК. – Г. В.) иронизирует по поводу того, что я сошелся с Лениным в своем отношении к Стокгольмской конференции. Но я не настолько проникнут фракционным духом, чтобы оспаривать Ленина, когда он говорит: *дважды два четыре*. Впрочем, я согласен с Лениным лишь во взгляде на немецких большевиков. Во взгляде на французские дела мы решительно расходимся. При том, если нужно выбирать между Лениным и миролюбцами из „Рабочей газеты“, то я предпочту Ленина, как человека более смелого и последовательного. ...Моя точка зрения прямо противоположна точке зрения Ленина, однако не могу же я не видеть, что он – цельный тип, тогда как вы, почтенные товарищи из „Рабочей газеты“, были и остаетесь... только *полу*-Лениными»¹⁰⁷.

И все же именно Ленин – главный оппонент Георгия Валентиновича. И уж с ним-то Плеханов не церемонится. Не слишком выбирает слова – лишь бы побольнее ударить, лишь бы поосновательнее «припечатать». Но читаешь Георгия Валентиновича – и возникает ощущение: понимает он, что проигрывает Ленину в их историческом споре. Аргументы – грубые по форме, легковесные по содержанию. Жалко – в условиях энергичного революционного процесса 17-го года – выглядят (когда-то уместные – в ранних статьях) побасенки, ернические пассажи, все эти приводимые Плехановым комические литературные аналогии, заменяющие собой серьезный разговор на судьбоносные для страны темы. Сравните только «Апрельские тезисы» Ленина, с которыми можно спорить, но нельзя не воздать должное их энергии, их программности, и их критику Плехановым – одновременно вялую и грубую. Он будет называть ленинские тезисы «бредом», сравнивать их автора с гоголевским сумасшедшим Авксентием Ивановичем Поприщиным, с пациентами чеховской психиатрической «Палаты № 6». И якобы тезисы эти могли быть написаны только в такой обстановке, которую сумасшедший Авксентий Иванович характеризовал так: «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое»¹⁰⁸. Какая утрата чувства меры! Какое падение публицистического таланта!

А когда начинает всерьез разбирать ленинскую стратегию и противопоставлять ей свою, то прибегает к своему старому методу: брать выработанные классиками социализма исход-

¹⁰⁶ Цит. по: Костяев Э. В. Проблемы войны и мира в платформах и деятельности Г. В. Плеханова и меньшевиков в 1914 – марте 1918 года: дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. С. 248.

¹⁰⁷ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 73.

¹⁰⁸ Плеханов Г. В. Год на родине. С. 21.

ные «алгебраические» формулы и проставлять в них «арифметические» (конкретные) данные своей эпохи. Получается стройно и... безжизненно.

Ленин вовсе не против тех «формул», что разработали Маркс с Энгельсом. Они – добротный ориентир для **начала** анализа. Но не могут эти «формулы» учесть все богатство, все разнообразие, всю уникальность социальных процессов в разных странах, в разные эпохи. Своёобычные жизненные проблемы развития конкретных стран заставляют выходить (и подчас очень далеко) за рамки этих «формул» и в итоге создавать, с учетом новых реальностей, новые, усложненные исходные формулы. **Развитие**, писал Энгельс, есть **способ существования** марксистской теории.

Вот и столкнулись две разные методологии, и выросли на их основе две разные теории социально-революционного действия – плехановская и ленинская...

И специфика ленинского мышления вовсе не связана (как думает Плеханов) с идеей какого-то волюнтаристского «перескока» через намеченные «классическими» формулами необходимые этапы.

В чем сам Плеханов видел суть своих расхождений с Лениным?

Ленин в своих «Апрельских тезисах», подчеркивал Плеханов, призывает к «свержению капитала», к свержению буржуазного Временного правительства. Что, по мнению Плеханова, равносильно призыву к «введению» социализма. И Плеханов, дабы посрамить Ленина, начинает разжевывать хрестоматийные, хорошо известные каждому марксисту истины – что «социалистический строй предполагает по крайней мере два неперемennых условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны». И пока этих условий нет, «толковать (подобно Ленину. – Г. В.) об организации социалистического общества в нынешней России значит вдаваться в несомненную и притом крайне вредную утопию»¹⁰⁹, грозящую России большой бедой. Следовать марксизму, следовать логике объективных законов общественного развития – означает признать, что, поскольку Россия к «введению социализма» не готова, то ей, следовательно, предстоит пройти то, к чему она готова, – этап буржуазного развития. Через который-де и планирует «перепрыгнуть» Ленин.

Это совершенно неверная трактовка расхождения Ленина и Плеханова.

Ну, прежде всего, Ленин и в ходе революционного процесса 1917 года, да и позднее, никогда не выдвигал задачу «введения социализма». В тех же «Апрельских тезисах» он, что называется «черным по белому», с не допускающей никакой двусмысленности, пишет: «Не „введение“ социализма» – «наша непосредственная задача». А что же? Всего лишь – «переход... к *контролю* со стороны С. Р. Д. (Совета рабочих депутатов. – Г. В.) за общественным производством и распределением продуктов»¹¹⁰. Что вовсе не является синонимом «социализма». Это, между прочим, понимал и Плеханов. «Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, – пишет он, – в известной и даже значительной мере возможен также и при капитализме»¹¹¹. Стало быть, не к «введению социализма» зовет Ленин, а к чему-то другому, что может быть как при социализме, так и при капитализме (не будучи ни тем и ни другим). Для Плеханова – это загадка! Но совершенно ясно, что призыва к «введению социализма» здесь у Ленина нет.

И позднее, через несколько месяцев после победы Октября, в феврале 1918 года, когда многое стало яснее, Ленин тем не менее говорил: «Дать характеристику социализма мы не

¹⁰⁹ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 129.

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31. С. 116.

¹¹¹ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 27.

можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, – мы этого не знаем, мы этого сказать не можем», «потому что нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»¹¹². И это вполне совпадает с тем, что говорил Плеханов: «Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»¹¹³.

Тогда, пытаясь все-таки доказать, что Ленин в «Апрельских тезисах» зовет именно к немедленному социализму, Плеханов заходит с другого конца. Он обращает внимание читателя на «первый тезис» – «он совсем недвусмысленно требует „полного разрыва на деле со всеми интересами капитала“»¹¹⁴. Да, такое требование в «Апрельских тезисах» действительно есть. Но посмотрите, как его интерпретирует Плеханов: «Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию»¹¹⁵.

Вот тут мы и подходим к тому, в чем мы видим главное отличие плехановской методологии от ленинской, к тому, что мы считаем самым существенным недостатком плехановской теории.

Плеханов полагает, что содержание выбора, перед которым стоит Россия в 1917 году (как, впрочем, и вся мировая история), это: капитализм или социализм? И если вы «разрываете с интересами капитала» – значит, вы вступаете в пространство социализма. Еще раз: «Капитализм или социализм? Третьего не дано!».

А вот согласно Ленину – дано! Дано – и третье, и четвертое, и пятое, и десятое... И «разрыв с интересами капитала» вовсе не означает обязательного вступления в мир социализма. Могут быть и другие, весьма сложные социальные образования некапиталистического и не социалистического типа. И вообще альтернатива, стоящая перед Россией, отнюдь не заключается в выборе «капитализм или социализм». «Капитализм» для России был бы большой бедой – и для трудящихся классов, и для общества, для страны в целом. Ведь именно возникшие русские монополии, их эгоистические, корыстные интересы толкнули страну на гибельный для нее путь – в мировую войну, чуждую интересам подавляющей части российского общества. Именно капитализм, пренебрегающий общественными интересами, в союзе с классом помещиков и коррумпированной бюрократией вел страну к национальной катастрофе. Утверждение капитализма было бы большим бедствием для России.

Ситуация, в которой оказалась Россия в 1917 году, выглядела следующим образом: капитализм – реакционен, социализм – невозможен. А что вместо? Уже сама эта *постановка вопроса* отличала ленинскую позицию от плехановской. Она толкала к поиску новых, своеобразных путей реформирования общества, обуславливала новый виток развития теории.

Ленин видит задачу не в том, чтобы реализовать одну из моделей социального устройства («капитализм», «социализм»), затвержденных в марксистском учебнике Каутского (в соответствии с идеями Маркса и Энгельса), а в том, чтобы найти путь к такому социальному устройству, в котором бы наиболее полным образом, в соответствии с возможностями данной исторической эпохи, удовлетворялись интересы широких слоев трудящихся, интересы эксплуатируемых и угнетаемых классов. И из этого, из требований живой жизни, из конкретики социально-классовой борьбы своего времени, а не из общих схем Маркса – Энгельса – Каутского следует формулировать революционные задачи и лозунги социально-преобразовательной деятельности.

При этом Ленин вовсе не отбрасывает те общие формационные схемы, начертанные классиками марксизма. Они ценны – как предельно широкие, социально-философские абстракции,

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 65–66.

¹¹³ Плеханов Г. В. Год на родине. Париж, 1921. Т. I. С. 218.

¹¹⁴ Там же. С. 27.

¹¹⁵ Там же.

как выражение наиболее общих тенденций развития всемирной истории. Да, человечество, да, всемирная история стоит перед этой альтернативой: капитализм или социализм. И для человечества, для трудящихся масс выбор, в общем-то, ясен: социализм! Но...

Но в разных странах, в разных регионах мира, различающихся (подчас – очень существенно) своей экономической, политической, социальной и культурной спецификой, своим местом в мировой системе отношений, движение к социальным идеалам и социальные формы, в которых происходит это движение, с необходимостью принимают весьма и весьма специфические формы, не сводящиеся к «классическим» схемам.

Наиболее полное, классически изложенное представление о такого рода методологии социально-преобразовательной деятельности дано в одной из последних ленинских работ – «О нашей революции», где Ленин противопоставляет свою теорию и свою методологию методологии и теории меньшевистски-плехановского типа.

Вот основные черты ленинской методологии.

1. «Они (Плеханов и меньшевики. – Г. В.) все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски». «Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет... объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистскую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.